

И. М. Осадчая

СОВРЕМЕННОЕ КЕЙНСИАНСТВО

ЭВОЛЮЦИЯ КЕЙНСИАНСТВА *и* НЕОКЛАССИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ

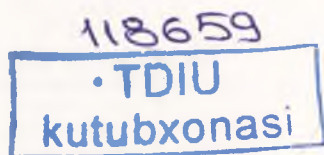
URSS

И. М. Осадчая

СОВРЕМЕННОЕ КЕЙНСИАНСТВО

Эволюция кейнсианства
и неоклассический синтез

Издание второе

ОХТУ

URSS
МОСКВА

330.81

ББК 60.5 65.01 65.02 65.053 65.5 66.1 87.6

0-72

Осадчая Ирина Михайловна

Современное кейнсианство: Эволюция кейнсианства

и неоклассический синтез. Изд. 2-е. — М.: ЛЕНАНД, 2021. — 176 с.

Долгое время кейнсианство являлось ведущим направлением западной политической экономической мысли, единственной теоретической основой государственного регулирования капиталистического производства. Сегодня такой основой становится так называемый неоклассический синтез, осуществляемый путем объединения кейнсианских макроэкономических концепций с докейнсианскими, неоклассическими теориями.

Автор настоящей книги ставит своей задачей проследить эволюцию кейнсианской макроэкономической теории, ее место и роль в западной политической экономии и тот вклад, который она вносит в процесс неоклассического синтеза. В работе три части: первые три главы посвящаются кейнсианской теории макроэкономической динамики; в четвертой и пятой главах рассматривается неоклассическая теория роста; последняя глава характеризует связь экономической теории с экономической политикой.

Книга рекомендуется экономистам, социологам, политологам, философам, историкам, студентам и преподавателям соответствующих специальностей, а также всем заинтересованным читателям.

Формат 60×90/16. Печ. л. 11. Зак. № АТ-9768.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, проспект 60-летия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-9710-8073-2

© ЛЕНАНД, 2020

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение	5
Глава I.	Теория Кейнса и ее роль в развитии современной макроэкономической теории	12
Глава II.	Неокейнсианская модель динамического равновесия	32
	1. Темпы роста и норма накопления	—
	2. Темпы роста и воспроизводственная структура капиталовложений	46
Глава III.	Динамическое равновесие и проблема экономического цикла	55
	1. Концепции, основанные на взаимодействии мультипликатора—акселератора	59
	2. Теория экономической неустойчивости Харрода	67
Глава IV.	От неокейнсианской к неоклассической теории. Неоклассическая теория производства и распределения стоимости	75
	1. Критика неокейнсианской макродинамической модели	—
	2. Неоклассическая теория производства и производственные функции	81
Глава V.	Производственные функции и анализ факторов экономического роста	91
	1. Смысл и предпосылки производственной функции Кобба—Дугласа	92
	2. Динамизация функции Кобба—Дугласа и оценки технического прогресса	105
	3. Проблема динамического равновесия в неоклассической теории роста	126

Глава VI.

Макроэкономические теории роста и проблемы экономической политики	135
1. Экономическая теория и экономическая политика	—
2. Потенциально возможные темпы роста	142
3. Спрос или предложение	146
4. О роли инвестиций в процессе экономического роста	159
5. Теория, практика и противоречия реальной действительности	163

Настоящая работа ставит своей задачей проследить эволюцию кейнсианской макроэкономической теории, ее место и роль в современной буржуазной политической экономии и тот вклад, который она вносит в процесс так называемого неоклассического синтеза, характеризующего современный этап ее развития. Долгое время кейнсианство являлось ведущим направлением в буржуазной политической экономии, единственной теоретической основой государственного регулирования капиталистического воспроизводства.

Сегодня такой основой все в большей мере становится неоклассический синтез, осуществляемый путем объединения кейнсианских макроэкономических концепций с докейнсианскими, неоклассическими теориями. В работе поэтому уделяется большое внимание не только кейнсианским и неокейнсианским теориям, но и тому, каким образом сторонники неоклассических концепций, пытаются решить те же проблемы макроэкономического роста и равновесия, которые примерно до середины 50-х годов были сферой почти монопольного господства кейнсианства. Только такое исследование может в полной мере показать значение кейнсианства, его вклад в неоклассический синтез, его место в системе современного обоснования стратегии государственно-монополистического регулиро-

вания, в особенности — обоснования политики экономического роста¹.

Возникновение теории Кейнса было наиболее значительным явлением в буржуазной политической экономии эпохи перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический. Эта теория внесла в нее те качественно новые элементы, которые положили начало глубокой ее перестройке, оказали огромное влияние на характер экономической политики и вместе с ней на весь ход дальнейшего развития капитализма. Значение теории Кейнса связано прежде всего с тем, что она заложила основы нового раздела буржуазной политэкономии — макроэкономической теории, без которой в настоящее время немыслимо обоснование государственно-монополистического регулирования².

Макроэкономическая теория занимается анализом совокупных народнохозяйственных величин, определяющих структуру и динамику процесса общественного воспроизводства. По определению известного буржуазного экономиста Э. Жамса, «она имеет дело не с многочисленными

¹ В этом смысле работа является дальнейшим развитием того анализа современных макроэкономических теорий, который содержится в работах Л. Б. Альтера, В. Э. Шляпентоха, Ю. Я. Ольсевича, А. И. Бурачас и др. (См., в частности: Л. Альтер. Теория и практика капиталистического регулирования. — «Мировая экономика и международные отношения», 1964, № 3—4; *его же*. Методологические проблемы теории экономического роста. — «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 10—11; В. Э. Шляпентох. Эконометрика и проблемы экономического роста. М., 1966; Ю. Я. Ольсевич. Проблемы критики современных буржуазных концепций воспроизводства. — «Современный капитализм и буржуазная политическая экономия». М., 1967; А. Бурачас. Гипотезы и модели личных расходов в условиях развитого капитализма. Вильнюс, 1969).

² «При всех своих признанных недостатках кейнсианский анализ по-прежнему остается самым полезным исходным пунктом развития макроэкономической теории. Неполный и несовершенный, он тем не менее является основой огромного большинства значительных теоретических исследований в области макроэкономики в последние два десятилетия. Он уже давно служит также основным теоретическим фундаментом для большинства правительственных исследований и прогнозов экономического положения и во все растущей мере для исследований и прогнозов, осуществляемых частными группами и фирмами» (G. Ackley. *Macroeconomic Theory*. New York, 1961, p. 418).

распыленными покупателями и продавцами, действующими обособленно друг от друга, а с совокупным спросом или совокупным предложением; не с многочисленными отрядами владельцев денежных средств, а с сбережением или с накоплением (сокровищ); не с отдельными предпринимателями, а с общими капиталовложениями»¹ Закономерности макроэкономики отличаются от закономерностей функционирования отдельных экономических единиц. Поэтому развитие государственно-монополистического регулирования неизбежно должно было вызвать исследование взаимодействия и взаимосвязей совокупных народнохозяйственных величин.

Характерной чертой макроэкономической теории является то, что в предмет ее исследования входят преимущественно техноэкономические, количественные аспекты процесса производства. Социально-экономические предпосылки, внутренние закономерности развития, определяемые характером собственности и в свою очередь определяющие в конечном счете многие хозяйственные процессы данной экономической системы, остаются, как правило, за рамками этой теории. Это, с одной стороны, делает возможным ее использование для обоснования апологетических выводов. А с другой стороны, эти же ограничения позволяют буржуазным экономистам заняться анализом важных техноэкономических взаимосвязей, имеющих большое значение для регулирования капиталистического воспроизводства.

Современный макроэкономический анализ широко пользуется методом создания макроэкономических моделей с разной степенью агрегирования экономических величин, с разными структурными элементами экономики, включаемыми в них, с различной степенью приближения к экономической реальности. Этот процесс макро моделирования зачастую вообще отрывается от решения каких-либо теоретических проблем и целиком подчиняется задачам практическим, связанным с потребностями капиталистического регулирования.

¹ Э. Жамс. История экономической мысли XX в. М., 1959, стр. 293—294.

Огромное влияние кейнсианской теории на последующее развитие буржуазной политэкономии было связано и с тем, что специфические черты экономического развития капитализма в 30-е годы (глубочайший экономический кризис и длительная депрессия, следовавшая за ним), которые стимулировали возникновение кейнсианской, теории, в свою очередь носили не случайный характер, а явились выражением нового этапа в развитии основного противоречия капитализма.

Автоматический механизм частнокапиталистического производства отказал в условиях колоссального развития производительных сил и обобществления процессов производства. Вмешательство государства в качестве фактора, способствующего реализации созданного продукта, стимулирующего новые капиталовложения и увеличение занятости растущего населения, обеспечивающего развитие обслуживающих отраслей (инфраструктуры), превратилось в объективную необходимость. Именно поэтому теория Кейнса, имевшая дело с анализом общих условий реализации, явилась нужным инструментом анализа не только депрессивной, но и растущей капиталистической экономики. Вот почему новые проблемы, порожденные в послевоенный период экономическим ростом, буржуазные экономисты вполне естественно попытались решить с помощью кейнсианской экономической теории.

Закономерным результатом развития кейнсианской теории статического равновесия явилось возникновение и разработка некейнсианской теории макроэкономической динамики. Ее развитие связано с именами таких известных буржуазных экономистов, как Р. Харрод, Э. Домар, Э. Хансен, Дж. Робинсон и др. Основы своих теоретических концепций они сформулировали еще в предвоенный период, но признание их работы в области проблем экономического роста получили в послевоенный период, особенно в начале и в середине 50-х годов.

Однако это не значит, что они не внесли своих коррективов в кейнсианскую теорию. Некейнсианская теория макроэкономической динамики родилась в результате глубокой критической переработки кейнсианской теории.

Эта критика была направлена прежде всего против статического характера кейнсианской теории; дальнейшее ее развитие связано с вводом динамических элементов, которые позволили перейти к анализу условий равновесия и неравновесия развивающейся экономической системы.

В 1963 г. в статье, посвященной ретроспективной оценке теории Кейнса, Харрод напомнил свои слова, сказанные в 1936 г. на заседании эконометрического общества: «Единственное критическое замечание, которое я отваживаюсь сделать в адрес Кейнса, состоит в том, что его теория носит все еще статический характер». Наметив основные направления развития динамической теории, Харрод подчеркнул: «Следует заметить, что для разработки любой такой динамической теории макроэкономическая теория статики является необходимым фундаментом. Традиционная микроэкономическая теория не давала необходимых инструментов. Поэтому Кейнса можно с полным правом считать отцом динамической теории. Будущее покажет, что как раз в этом состоит его самый большой вклад в развитие экономической теории»¹.

Главное и существенное, что связывает теорию Кейнса с некейнсианскими концепциями макроэкономической динамики, — это идея о том, что стихийно развивающаяся капиталистическая экономика не является идеальной, системой саморегулирования, механизм обратных связей которой обеспечивает полное и наиболее рациональное использование материальных и человеческих ресурсов, а также условия непрерывного роста экономики. Этот вывод, сделанный Кейнсом на основе анализа факторов, определяющих величину «эффективного спроса» в статических условиях, стал лейтмотивом некейнсианских теорий динамики.

Отрицание у капитализма способности стихийно приспособляться к наиболее полному использованию экономических ресурсов является тем главным критерием, который отделяет экономистов кейнсианского образа мышления от сторонников неоклассического направления,

¹ R. Harrod. Retrospect on Keynes. — «Keynes' General Theory», ed. by Lackechman. New York, 1964, p. 342.

современных защитников экономики «свободного предпринимательства». Последние считают, что механизм цен и прибыли является достаточным для регулирования капиталистического хозяйства и задача государства состоит лишь в том, чтобы оберегать этот механизм от нарушений со стороны профсоюзов, монополий и самого государства.

С середины и особенно в конце 50-х годов в сфере абстрактно-теоретического анализа наметились важные сдвиги: проблемы макроэкономической динамики стали все более активно «захватываться» сторонниками неоклассической теории производства. Возникло обширное направление — неоклассическая теория роста, стремительно распространившееся во всех капиталистических странах. Ее развитие было связано с именами таких известных экономистов, как Д. Мид, Р. Солоу и др.

В основе неоклассической теории лежит, во-первых, вульгарная концепция факторов производства, каждый из которых в соответствии со своей предельной производительностью вносит вклад в создание общественного продукта и получает доход в соответствии с этим вкладом; во-вторых, концепция устойчивого равновесия, исключаящего благодаря подвижности цен как длительные, так и кратковременные отклонения от этого состояния, т. е. исключаящего кризисы, безработицу и стагнацию.

Для многих буржуазных экономистов такое развитие событий явилось неожиданным, «эксцентричным», как выразился один из них¹.

¹ Сравнивая модели кейнсианского типа с моделями неоклассическими, так называемыми моделями золотого века, американский экономист Р. Пфуотс отмечал: «Следует признать, что «модели золотого века» находятся на ином уровне реальности, чем кейнсианские модели. Кейнсианские модели указывают путь к исследованию проблем стагнации, равновесия с неполной занятостью, проблем ликвидности и т. п., в то время как «модели «золотого века» могут породить веру в то, что проблема полной занятости имеет мало общего с экономическим ростом. Это звучит иронически в свете того интереса, который проявляет Вашингтон к избытку безработных, и того отрицательного влияния, которое этот избыток оказывает на рост. Мне кажется, в действительности кейнсианские модели стоят ближе к описанию и анализу существующих трудностей экономического роста, чем многие из послекейнсианских моделей» («American Economic Review», May 1965, p. 306.)

Что вызвало это своеобразное возрождение неоклассической теории? Что побудило буржуазных экономистов, по словам английского экономиста Мида, использовать «для нового вина старые мехи»? Таких причин, по нашему мнению, несколько. Они заключаются как в изменении объективных условий развития, так и в особенностях самой методологии исследования.

Во-первых, это существенное изменение механизма капиталистического воспроизводства в послевоенный период. В силу целого ряда причин, экономика большинства капиталистических стран развивалась относительно высокими темпами. Несмотря на то, что это развитие по-прежнему сопровождалось периодическими кризисами перепроизводства, однако по своей глубине и продолжительности они уступали тем кризисам, которые испытала капиталистическая экономика в предвоенный период. Больше того, многие трудности и противоречия капиталистического развития в послевоенные годы были обусловлены не столько медленным ростом, как это было в 30-е годы, сколько наоборот, ускорением роста, подхлестываемого государственными, в том числе военными, расходами. Все более важной проблемой становится в этих условиях инфляция, обостряющая как противоречия воспроизводства, так и социальные противоречия капитализма.

Вторым фактором является огромный рост вмешательства государства в экономику, сама логика развития которого вступает в противоречие с непосредственными интересами монополистического капитала. С одной стороны, усиление экономических позиций государства обеспечивает общие условия развития капитализма, но с другой — оно означает рост материальных предпосылок социализма, отрицание частнокапиталистических методов хозяйствования, возможность использования государственного аппарата демократическими силами против интересов монополий. Кроме того, кейнсианскую программу регулирования обвиняют в слишком легком отношении к росту государственных расходов и бюджетных дефицитов, порождающих опасность инфляционных тенденций. (Примечательно, что в этой связи никто не говорит о росте военных расходов —

объектом критики становятся главным образом расходы на социально-экономические нужды.)

Все это порождает реакцию со стороны определенных кругов монополистической буржуазии против чрезмерного расширения государственного вмешательства. В теоретическом плане этой реакции соответствует неоклассическая реакция против кейнсианства, поскольку политическая программа, вытекающая из неоклассической теории роста, предполагает ограничение экономической роли государства сферой кредитно-денежного регулирования и регламентации прав профсоюзов в их борьбе за повышение заработной платы.

Наконец, обращение к неоклассической теории роста, центральной темой которой является потенциально возможный темп роста, связано и с другой важной причиной. До тех пор, пока экономика обладает более или менее свободными ресурсами рабочей силы и недостаточно загруженными производственными мощностями, она может расти за счет приведения в действие главным образом экстенсивных факторов. Именно на них и рассчитана в первую очередь кейнсианская политика. Однако по мере роста напряженности ресурсов все более острым становится вопрос об объективных пределах роста за счет экстенсивных факторов и все большее внимание привлекает к себе проблема роста за счет факторов интенсивных, повышающих производительность труда и отдачу основных фондов. Особое значение приобретает возможность количественной оценки влияния на экономический рост как экстенсивных, так и интенсивных факторов производства. Неоклассическая теория факторов производства при всей ее вульгарности и апологетичности в качестве теории создания и распределения стоимости оказалась удобным отправным пунктом для перехода от кейнсианской модели роста к более сложной модели, с помощью которой стало возможным анализировать количественные и качественные факторы потенциального экономического роста.

Проникновение неоклассической теории в сферу анализа макроэкономических проблем означало появление у кейнсианства серьезного конкурента не только в области

теории, но и в области обоснования программы экономического регулирования. Однако критическая дуэль, возникшая между двумя направлениями — неокейнсианским и неоклассическим, не завершилась устранением одного из соперников. Результат получился иной: в ходе этой критики благодаря усовершенствованию количественных методов анализа каждым из направлений; благодаря разработке концепций, объясняющих различные экономические взаимосвязи, действующие по-разному в различных экономических ситуациях; благодаря уточнению характера самих этих ситуаций вследствие особенностей анализа в условиях короткого отрезка времени (*in the short run*) и длительного (*in the long run*) в буржуазной политэкономии и осуществляется процесс так называемого неоклассического синтеза.

Задачи неоклассического синтеза широки. Он призван вернуть буржуазной политэкономии ту логическую стройность, которой она лишилась в 30-х годах под воздействием новых явлений в развитии капитализма и новых теорий, которые в связи с этим возникли. Он ведется на основе соединения кейнсианской теории «эффективного опроса» и неоклассической теории производства и распределения и представляет собой попытку буржуазных теоретиков систематизировать свои представления о современном государственно-монополистическом капитализме, в котором сращивание монополий с государством выступает как процесс сложного взаимодействия государственного регулирования экономики с функционированием рыночного механизма. Пытаясь приподняться над односторонностью кейнсианцев и неоклассиков, сторонники неоклассического синтеза стремятся выявить преимущества и недостатки государственного регулирования и неограниченного рыночного механизма и найти наиболее выгодные способы их сочетания с учетом разных фаз цикла и разных долгосрочных целей экономической политики. На этом пути решается сейчас задача апологетики государственно-монополистического капитализма. Постепенно между этими двумя направлениями складывается своеобразное разделение труда. Кейнсианство «специализируется» на иссле-

довании проблем «эффективного спроса», условий реализации, определяющих реальный уровень производства. Категории его анализа используются для изучения цикла, и соответственно формулирования антициклической политики. Неоклассическая теория «специализируется» на факторах, определяющих потенциально возможный (оптимальный) уровень производства; неоклассические модели становятся основой для прогнозирования экономики страны, для определения долговременной политики экономического роста. Именно эта «специализация» явилась, по нашему мнению, первым шагом к неоклассическому синтезу двух направлений в современной буржуазной политэкономии. В то же время нельзя и преувеличивать такую «специализацию», поскольку между сторонниками кейнсианской и неоклассической теории по-прежнему сохраняются существенные расхождения относительно роли государства, методов антикризисной и антиинфляционной политики. Эти расхождения вспыхивают всякий раз с новой силой, как только обостряются противоречия капиталистического роста, возникает угроза кризиса или инфляции (или того и другого одновременно) и возникает необходимость принятия срочных мер для их преодоления.

Рассматриваемые макроэкономические теории содержат в себе как апологетически, вульгарные элементы, так и элементы объективного отражения количественных взаимосвязей воспроизводства. Апологетическое значение обоих направлений очевидно. Кейнсианство является наиболее распространенной формой апологетики государственно-монополистического капитализма. Неоклассическая теория производства, основываясь на теории предельной производительности, была и остается главным антиподом марксистской теории эксплуатации. Теории функционального распределения доходов, вытекающая из нее, изображает источником стоимости не труд, а производственные факторы. Но важно подчеркнуть и другое: приспособление этих теорий к решению задач практических — разработке антициклической политики и политики экономического роста. Руководствуясь марксистской теорией воспроизводства и марксистской методологией, мы стремились по-

казать апологетический характер этих теорий и в то же время выявить их рациональные элементы.

В работе три части: первые три главы посвящаются кейнсианской теории макроэкономической динамики; в четвертой и пятой главах рассматривается неоклассическая теория роста; последняя глава характеризует связь экономической теории с экономической политикой. Мы пытались выделить основные проблемы, характерные для каждого из направлений, и показать, как эти проблемы решаются виднейшими представителями западной экономической мысли. Нам хотелось также показать преемственную связь между различными буржуазными теориями, которые не вырастают на пустом месте, а являются естественным развитием или приспособлением к новым условиям более старых теорий: от критики Кейнса — к кейнсианской теории роста, от критики последней — к неоклассической теории роста. В этом ярко проявляется эволюция макроэкономической теории.

Заключительная часть работы посвящена выяснению (и обобщению) практического значения этих теорий. Мы считали необходимым развеять несколько вульгаризированные представления связи между экономической теорией и экономической политикой, согласно которым любая экономическая теория в области воспроизводства якобы завершается списком практических рекомендаций для правительства и наоборот, любые действия правительства в экономике обоснованы теоретически. В действительности такой непосредственной связи не существует, ее нет, даже если говорить о всем известной работе Кейнса. Поэтому рассматриваются основные линии воздействия экономической теории на экономическую политику, показывается ее роль в формировании капиталистического регулирования.

Работа основана на анализе английской и американской экономической литературы, имеющих много общего как с точки зрения исторических традиций в формах и методах современного анализа, так и с точки зрения определения форм и методов государственного вмешательства в экономику. Что касается влияния теории на политику, то этот аспект исследования будет базироваться на опыте США.

ТЕОРИЯ КЕЙНСА И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Кейнс создал свою теорию макроэкономического равновесия и мрачный для капитализма период депрессии 30-х годов, сменившей глубочайший и разрушительнейший кризис 1929—1933 гг. Кризис и его последствия — массовая хроническая безработица, бездействующие предприятия, обострение проблемы рынков — до основания потрясли не только капиталистическое хозяйство, но и буржуазную политическую экономию. В этих условиях Кейнс уступил с реформой старой неоклассической буржуазной политэкономии, не дававшей ответа на новые проблемы, порожденные эпохой общего кризиса капитализма¹.

Влияние Кейнса на современную буржуазную политэкономия связано прежде всего с тем, что его теория по своему предмету и методам исследования существенно отличалась от предшествующих неоклассических теорий. В противоположность теории Кларка, Маршалла, Пигу и других Кейнс пришел к выводу, что все жизненно важные

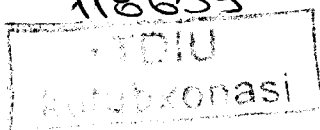
¹ Мы не ставили своей задачей дать характеристику всей теоретической концепции Кейнса. В настоящей главе мы хотим выделить лишь то главное, что внес Кейнс в развитие буржуазной экономической теории, что оказало влияние на буржуазную политэкономия в целом и на формирование современной макродинамической теории в частности.

проблемы высокоразвитого капиталистического общества следует искать — и, следовательно, изучать — не на стороне предложения ресурсов (их редкости, ценности, наиболее эффективного их сочетания для получения максимума продукции, «вознаграждения» факторов производства и т. п., чем занималась до тех пор неоклассическая политическая экономия), а на стороне спроса, обеспечивающего реализацию этих ресурсов. Выступив с критикой закона Сэя, который был предпосылкой всей неоклассической буржуазной политэкономии и согласно которому предложение автоматически рождает спрос, Кейнс на первый план подвинул проблему «эффективного спроса» и его компонентов — потребления и накопления, проблему факторов, определяющих движение этих компонентов, а следовательно, спроса в целом.

«Современные депрессии вызваны не недостатком товаров, а недостатком рынков; не недостатками в предложении, а недостаточным спросом. Заняв такую позицию, Кейнс решительно и полностью порвал с классической экономией в целом и с законом рынков Сэя в частности»¹ — так писал об этой основе кейнсианской реформы американский экономист Маккрэкен.

Этот новый подход особенно резко проявился в отношении к сбережениям. Вся прежняя буржуазная политэкономия доказывала, что основой роста капиталистической экономики является воздержание от потребления, возведенные в высшую добродетель капиталистов. Кейнс перевернул это представление с ног на голову. «Принято было думать, — писал он, — что накопленное миром богатство жертвенно создано добровольным воздержанием отдельных личностей от непосредственного наслаждения потреблением, которое мы называем Бережливостью. Но следует считать очевидным, что простое воздержание недостаточно само по себе, чтобы строить города и осушать болота. Предприимчивость — вот что создает и улучшает владения мира... Дело не только в том, что Бережливость

¹ Harlan L. McCracken. Keynesian Economics in the Stream of Economic Thought. Kingsport, 1961, p. 4.

не может существовать без Предприимчивости; важно и то, что, как только Бережливость опережает Предприимчивость, она положительно мешает оживлению последней и создает благодаря своему вредному влиянию на прибыль порочный круг. Если Предприимчивость бодрствует, то богатство накапливается независимо от того, что происходит с Бережливостью; и если Предприимчивость спит, то богатство убывает, что бы там ни творила Бережливость»¹.

Такое изменение объекта исследования оказало огромное влияние на буржуазную политэкономия. Характернейшей чертой именно кейнсианского направления как раз и является анализ капиталистической экономики с точки зрения проблемы образования спроса на произведенную продукцию, т. е. с точки зрения условий ее реализации.

В органической связи с этой центральной идеей кейнсианства находится его метод исследования. Кейнсианство — это прежде всего макроэкономика. Макроэкономический подход означает изучение экономических процессов с точки зрения экономики в целом, исследование зависимостей и пропорций между совокупными народнохозяйственными величинами — рациональным доходом, сбережениями, капиталовложениями, потреблением и т. п. Р. Харрод не без основания писал: «Кейнс, по-видимому, должен занять постоянное место в истории экономической мысли в качестве первого лица, которое разработало полностью обоснованную теорию того, что мы именуем сейчас макроэкономикой»².

В докейнсианской политэкономии господствовал микроэкономический подход, т. е. анализ экономики с точки зрения отдельных экономических единиц. Условия процветания отдельной фирмы отождествлялись с условиями роста и процветания нации в целом, роста ее национального богатства. Поэтому в центре анализа стояла отдельная фирма, проблема минимизации прибыли как источника накопления капитала. Различие между микро- и макро-

¹ Цит. по: А. Хансен. Экономические циклы и национальный доход. М., 1959, стр. 312—313.

² R. Harrod. Retrospect of Keynes. — «Keynes' General Theory», p. 139.

экономическим подходом состоит не в том, что первый полностью игнорирует общенациональную экономику, а второй уходит от интересов отдельных капиталистических фирм. Различие связано с тем, какому фактору — интересам отдельной фирмы или общим условиям воспроизводства — приписывается решающая роль в экономическом росте страны. Кейнс отдал предпочтение общеэкономическим условиям производства.

В центр исследования Кейнс поставил проблему факторов, определяющих величину спроса, а также ее прирост. «Эффективный прирост», по Кейнсу, тождественен национальному доходу, который расходуется на потребление и накопление. Потребление и накопление образуют два основных компонента «эффективного спроса». Попытка определить закономерности прироста национального дохода составляет одну из центральных проблем кейнсианства, прочно удерживаемых современной буржуазной политэкономией. Известный американский экономист П. Самуэльсон писал о современной теории национального дохода: «Значительная часть данного анализа принадлежит английскому экономисту Джону Мейнард Кейнсу... В настоящее время основные принципы этого анализа все шире признаются экономистами всех направлений, включая — что важно отметить — многих, кто не разделяет конкретных взглядов Кейнса на задачи экономической политики и расходится с ним в технических деталях анализа»¹

Главную роль в теории национального дохода Кейнса играет концепция мультипликатора, связывающая прирост национального дохода с приростом инвестиций. Между приростом инвестиций и национальным доходом существует зависимость, в этом нет никакого сомнения. С точки зрения материального производства эта зависимость ясна: увеличение капиталовложений ведет к росту продукции (конечно, не потому, что капитал обладает производительностью, а потому, что с его помощью приводится в движение дополнительная рабочая сила либо происходит увеличение производительности труда).

¹ П. Самуэльсон. Экономика. М., 1964, стр. 249.

Но у Кейнса эта зависимость рассматривается в ином плане — в плане формирования денежного дохода. Он поставил своей задачей определить связь между национальным доходом и инвестициями не в зависимости от их производительности, а в зависимости от склонности общества к потреблению. Логика его рассуждений состоит в следующем: национальный доход складывается из индивидуальных доходов, следовательно, необходимо выяснить, как инвестиции влияют на величину этих индивидуальных доходов.

Каждая инвестиция в конечном счете превращается в сумму доходов индивидов. Если бы эти доходы не тратились, то прирост национального дохода за определенный отрезок времени был бы в точности равен приросту инвестиций. Но в действительности дело обстоит иначе: полученный доход расходуется и превращается в новые доходы. Те в свою очередь расходуются и также превращаются в чьи-то доходы. Через какой-то отрезок времени прирост национального дохода окажется значительно больше прироста первоначальных инвестиций. Если бы подменные доходы тратились целиком и немедленно, то прирост национального дохода в его денежном выражении превратился бы в бесконечную величину. Но так как часть доходов сберегается и перестает участвовать в формировании новых доходов на следующих ступенях, прирост общей суммы доходов постепенно замедляется и приобретает конечные размеры, в результате чего прирост денежного дохода оказывается умноженной величиной первоначальных капиталовложений. Причем сам множитель, или мультипликатор, зависит от того, какую долю своих доходов общество тратит на Потребление. (Вся эта концепция короткого отрезка времени предполагает, что сбережения только изымаются из процесса денежного оборота и не участвуют в нем в качестве новых капиталовложений.) Эта формально логическая схема может быть изображена с помощью геометрической прогрессии.

Если A — первоначальный прирост дохода (равный приросту инвестиций), а потребляемая доля этого прироста, или предельная склонность к потреблению, составляет r , то тогда мы получаем следующий ряд, выражающий сумму оборота доходов:

$$A + rA + r^2A + r^3A + \dots + r^nA = A \frac{1}{1-r}$$

(согласно формуле бесконечной геометрической прогрессии), т. е.

$$\Delta Y = \Delta I \cdot \frac{1}{1-r}$$

$\frac{1}{1-r}$ — это и есть величина мультипликатора, выражаемая через «предельную склонность к потреблению». Чем выше склонность к потреблению, тем больше мультипликатор, и наоборот. «В каждый определенный отрезок времени теория мультипликатора применима в том смысле, — писал Кейнс, — что приращение совокупного спроса равно приращению общей суммы инвестиций, помноженному на мультипликатор, определяемый предельной склонностью к потреблению»².

Аналогичным образом действует и любой другой вид автономных расходов, в частности государственные расходы. Однако здесь необходимо внести одну важную оговорку, о которой нередко забывают, интерпретируя концепцию мультипликатора Кейнса. Она состоит в том, что условием развертывания процесса мультипликации, результатом которого должен стать реальный рост национального дохода, является наличие неиспользуемых производственных мощностей и незанятой рабочей силы. В этом случае можно надеяться, что создаваемый поток доходов приведет в действие эти реальные экономические ресурсы и вызовет умноженный рост дохода.

Начиная с Кейнса, проблема факторов, определяющих величину потребления и накопления как основных компонентов национального дохода, проблема

¹ Этот же вывод можно получить на основе следующих рассуждений: пусть $\Delta Y = m \Delta I$; но $\Delta I = \Delta Y - \Delta C$; подставляя в первое уравнение значение ΔI , получим:

$$m = \frac{\Delta Y}{\Delta Y - \Delta C} = \frac{1}{1 - \frac{\Delta C}{\Delta Y}}; \quad \Delta Y = \Delta I \cdot \frac{1}{1-r}$$

² Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1948, стр. 118.

взаимосвязи между ними и национальным доходом выдвинулась на первый план. А что касается теории мультипликатора, то она прочно вошла в арсенал моделирования капиталистического воспроизводства. Впоследствии буржуазные экономисты дополнили эту теорию концепцией акселератора, учитывающей дополнительное влияние на национальный доход стимулированных инвестиций.

Концепцию «эффективного спроса» Кейнс использовал для объяснения причин безработицы. Неоклассическая политэкономия исходила из следующего принципа: пока в экономике господствует полная свобода конкуренции, цены являются тем идеально гибким инструментом, который приводит в соответствие спрос и предложение ресурсов. Именно благодаря этому механизму экономика всегда тяготеет к состоянию равновесия, при котором спрос и предложение уравниваются друг друга. Этот принцип распространялся как на товары, так и на рабочую силу. В соответствии с этой теорией существует уравновешенная цена как для любого вида товара, так и для любого количества рабочей силы. Если возникает недостаток или избыток того или другого, то достаточно соответственного повышения или понижения цен на них, чтобы вновь наступило состояние равновесия. В логической схеме этой теории не было такого звена, которое могло бы дать ключ к разгадке так называемой вынужденной безработицы. Она допускала лишь такой вид безработицы, который связан с нарушениями полной свободы конкуренции и эластичности ценностной системы в ее реакции на изменения в соотношении спроса и предложения; кроме того, безработица могла быть сезонной либо фрикционной, обусловленной тем разрывом во времени, который существует при переходе работника из одной отрасли в другую.

Кейнс в отличие от представителей неоклассической буржуазной политэкономии поставил безработицу не в зависимость от «чрезмерной» заработной платы, а в зависимость от недостатка «эффективного спроса». Правда, Кейнс полностью не отвергал неоклассическую теорию. Он был согласен с основным постулатом неоклассической политэкономии, что в условиях равновесия, когда все трудовые ресурсы во-

влечены в производство, заработная плата определяется «пределной тягостью труда». Больше того, он полагал, что превышение заработной платой этого уровня, соответствующего состоянию равновесия, может быть устранено снижением реальной заработной платы. Он не отрицал, что заработная плата «находится в совершенно определенной (обратной) корреляции с объемом занятости»¹.

Однако сам по себе объем занятости Кейнс поставил в зависимость не от движения заработной платы, а от движения «эффективного спроса». «Уменьшение занятости, хотя оно и обязательно сопровождается *получением* рабочими заработной платы, равной по стоимости большему количеству товаров рабочего потребления, вовсе не обязательно вызывается *требованием* со стороны рабочих большего количества этих товаров, — писал он, — готовность же рабочих согласиться на пониженную денежную заработную плату вовсе не обязательно является лекарством от безработицы»². Так был выдвинут один из важнейших тезисов современной буржуазной политэкономии — тезис о возможности вынужденной безработицы в рамках современного капитализма, обусловленной внутренними пороками системы свободной конкуренции. Этот тезис представлял собой важное признание одного из существеннейших противоречий капиталистического способа производства. В то же время он стал объектом ожесточенной критики со стороны антикейнсианцев, в особенности со стороны тех реакционных сил, которые главный источник трудностей современного капитализма видят в росте заработной платы рабочего класса, в росте силы профсоюзов, отстаивающих его экономические интересы.

Полная занятость, писал Кейнс, не наступает автоматически. «Эффективный спрос, сочетающийся с полной занятостью, — это специальный случай, наступающий только тогда, когда склонность к потреблению и побуждение инвестировать находятся в определенном отношении друг к другу... Оно может существ-

¹ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 16.

² Там же, стр. 17.

вывать лишь при условии, если случайно или преднамеренно текущие инвестиции обуславливают спрос, как раз равный излишку совокупной цены предложения продукции, являющейся результатом полной занятости, над тем, что общество желает тратить на потребление, когда в нем господствует полная занятость»¹.

Здесь в концентрированном виде заключено кейнсианское объяснение причин, обуславливающих возникновение недостаточности «эффективного спроса». Остановимся на этом несколько подробнее. Понятие «эффективного спроса» у Кейнса включает два компонента — личное потребление и инвестиции. Прирост личного потребления Кейнс считал устойчивой функцией прироста дохода, причем эта функциональная зависимость такова, что потребление растет, но не в той пропорции, в какой увеличивается доход. В результате доля потребления в доходе снижается. Источники этой закономерности Кейнс выводил не из социальных, классовых отношений капитализма, а из психологии человека, якобы склонного потреблять меньше по мере увеличения его дохода. Такая динамика потребления, по Кейнсу, определяется «основным психологическим законом» общества. Отсюда следовало, что для поддержания постоянного роста национального дохода должны увеличиваться капиталовложения, призванные поглотить все более расширяющийся объем сбережений.

Докейнсианская буржуазная политэкономия исходила из того, что инвестиции автоматически приспособляются к уровню сбережений с помощью нормы процента, так что между ними не может быть какого-либо устойчивого несоответствия. Кейнс высказал мысль о том, что в действительности величина инвестиций подвержена влиянию ряда факторов, которые не допускают такого автоматизма. Такими факторами, по его мнению, являются снижение ожидаемой нормы прибыли на капитал (вследствие действия закона убывающей производительности), жесткость процентной ставки и др. В результате действия этих факторов рост капиталовложений может оказаться недо-

¹ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 27.

статочным для полной реализации производственных ресурсов, и общество впадает в состояние кризиса или длительной стагнации.

В этой концепции Кейнса нашли, таким образом, отражение некоторые реальные процессы капиталистического производства, прежде всего противоречие между условиями производства и условиями реализации. Но Кейнс связал эти важные противоречия не с капиталистическими законами производства, а придал им естественный, вечный, неустранимый характер психологического закона, якобы управляющего личным потреблением, и закона убывающей производительности, определяющего производительное потребление. Кроме того, Кейнс рассматривал личное потребление и капиталовложения как два дополняющих друг друга компонента «эффективного спроса», между которыми не может возникнуть противоречия. Он игнорировал то обстоятельство, что реализация в конечном счете упирается в рост личного потребления и что недостаточный рост последнего не может быть механически восполнен увеличением инвестиций. Но все выводы Кейнса как раз и базируются на том, что замедление роста личного потребления может и должно быть компенсировано увеличением капиталовложений.

Эти основные теоретические положения легли в основу новой для буржуазной политэкономии постановки вопроса об отношении государства к экономике. Недостаток «эффективного спроса», заключил Кейнс, должен быть компенсирован соответствующей экономической политикой государства: основным, стратегическим направлением экономической политики государства должны стать поддержание инвестиционной деятельности капиталистов и в еще большей мере расширение расходов самого государства в целях компенсации недостаточности частного «эффективного спроса».

Почему именно инвестициям Кейнс и его последователи, исключая левых кейнсианцев, придавали решающее значение в деле регулирования «эффективного спроса»? Ответ на этот вопрос лежит в самой концепции Кейнса. Кейнс и его последователи, в частности Хансен, считали, что функция потребления, оп-

ределяющая динамику доли потребления в доходе, носит совершенно предопределенный, устойчивый характер: прирост потребления отстает от прироста дохода. Образуется разрыв, который необходимо заполнить инвестициями. Так как первое слагаемое определено, то все влияние государства должно быть направлено на достижение соответствующего уровня второго слагаемого¹.

Иногда полагают, что Кейнс главным инструментом регулирования считал ставку процента. Действительно, в снижении нормы процента он видел одно из условий роста капиталовложений, а в длительном плане полное уничтожение процента (или «эвтаназия рантье») рассматривалось им как столбовой путь устранения всех бед капитализма.

Однако решающее значение Кейнс все же приписывал не банковской политике, а государственному регулированию частных капиталовложений и собственным государственным расходам, т. е. регулированию с помощью бюджетной политики. Кейнс не мог приписывать решающего значения понижению нормы процента в качестве стимула для увеличения капиталовложений хотя бы потому, что для последних, согласно его теории, важна была не сама по себе низкая норма процента, а предельная эффективность капиталовложений, т. е. разница между нормой про-

¹ У Кейнса имеется несколько замечаний и относительно того, что увеличение «эффективного спроса» могло бы быть достигнуто путем роста потребления и несколько более равномерного распределения национального дохода. Но Кейнс все подобные высказывания сопровождал многочисленными оговорками, вроде: «если практически невозможно увеличить инвестиции» (стр. 315); «мы должны это сделать вполне сознательно, хорошо взвесив альтернативное решение. Я лично считаю, что имеются большие преимущества для общества в увеличении массы капитала до тех пор, пока он не перестанет быть редким фактором» (стр. 315). Говоря о пользе более равномерного распределения, он тут же оправдывается и уверяет, что он лишь против «чрезмерного неравенства». («Общая теория занятости, процента и денег», стр. 360). Тем не менее эти в целом непоследовательные высказывания дали пищу как левым кейнсианцам, которые сделали эти тезисы основополагающими в своих теоретических построениях, так и крайне правым реакционным антикейнсианцам, которые, отталкиваясь от них, обвиняют Кейнса в социализме, марксизме и т. п.

цента и расчетами капиталиста на будущую норму прибыли. Если предприниматели не видят перспектив на получение прибыли, они не станут делать капиталовложений, как бы ни был низок уровень процента.

«Что касается меня, — писал Кейнс, — то я теперь отношусь несколько скептически к возможности успеха чисто денежной политики, направленной на регулирование нормы процента. Я рассчитываю теперь на то, что государство, которое в состоянии взвесить предельную эффективность капитальных благ с точки зрения длительных перспектив и на основе общих социальных выгод, будет брать на себя все большую ответственность за прямую организацию инвестиций»¹.

И в то же время программа государственного регулирования экономики, конкретных его рычагов и форм была сформулирована Кейнсом в самом общем виде. «Государство, — писал он, — должно будет осуществлять свое руководящее влияние на склонность к потреблению частью путем соответствующей системы налогов, частью фиксацией нормы процента и частью, может быть, еще и другими способами. Более того, представляется маловероятным, чтобы влияние банковской политики на норму процента было само по себе достаточно для обеспечения оптимального размера инвестиций. Я представляю себе поэтому, что достаточно широкая социализация инвестиций окажется единственным средством, чтобы обеспечить приближение к полной занятости, хотя это не должно исключать всякого рода компромиссов и способов сотрудничества государственной власти с частной инициативой»². Какими методами будет государство осуществлять эту «прямую организацию или социализацию инвестиций» — об этом в работе Кейнса нет ни слова.

Во всяком случае ясно одно: он не был сторонником таких форм «прямой организации инвестиций», как государственная собственность. «Не собственность на орудия производства существенна для государства. Если бы государство могло определять общий

¹ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 156.

² Там же, стр. 364—365.

объем ресурсов, посвященных увеличению средств производства, и основных ставок вознаграждения владельцев этих ресурсов, этим было бы достигнуто все, что необходимо»¹.

Кейнс придавал большое значение количеству денег в обращении как одному из параметров, определяющих функционирование экономической системы в целом. При этом он полагал, что в условиях отсутствия полной занятости увеличение денег в обращении будет способствовать росту занятости, но не росту цен. «Пока есть безработица, — писал он, — *занятость* будет изменяться в той же пропорции, что и количество денег; а если налицо полная занятость, то *цены* будут изменяться в той же пропорции, что и количество денег»².

Не видя в кредитно-денежной политике эффективного инструмента регулирования капиталовложений, не допуская и мысли о решении проблемы на путях роста государственной собственности, Кейнс все свои надежды в регулировании «эффективного спроса» связал с бюджетной политикой, т. е. с политикой в области налогообложения, расходования и займов.

Значение кейнсианства в качестве исходной базы развития теории макроэкономической динамики было связано, таким образом, с целым рядом существенных его элементов. Это, во-первых, макроэкономический метод исследования. Во-вторых, выдвижение на первый план проблемы реализации, или «эффективного спроса», которая послужила толчком к развитию динамической теории цикла и изучению проблем длительных отклонений от состояния устойчивого роста. В-третьих, это теория национального дохода в целом и мультипликатора в частности, которая органически вошла в посткейнсианские теории экономического роста. В-четвертых, это подчиненность всего теоретического исследования задачам практической экономической политики государства, призванной компенсировать фатальные недостатки частнокапиталистической системы хозяйства.

¹ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 365.

² Там же, стр. 288.

Теория Кейнса, таким образом, обеспечила теоретический инструментарий для анализа проблем капиталистического воспроизводства. Кейнсианская теория воспроизводства исходит из предпосылки существования монополистического капитализма. Правда, у Кейнса мы даже не найдем упоминания монополии и словесного указания на ее влияние на процесс воспроизводства. Но вся теория Кейнса построена на признании одного из важнейших следствий господства монополистических отношений. Он исходит из того, что исчезла гибкость и подвижность цен, свойственная капитализму свободной конкуренции.

Особенно сильный акцент он делает на признании другого важного фактора — роста профсоюзной мощи рабочего класса, которая служит серьезным препятствием для стихийного колебания заработной платы в зависимости от конъюнктуры капиталистического рынка. Очень меткое замечание делает в этой связи проф. Г. Хаберлер: «Собственно кейнсианская теоретическая система... зависит от предпосылки о негибкости заработной платы. Если бы этой предпосылки не было сделано, кейнсианская система оказалась бы просто несостоятельной; иначе говоря, она потеряла бы те свои специфические черты, которые отличают ее от теоретической системы, называемой довольно произвольно классической системой»¹.

Как бы ни был тенденциозен такой крен в сторону «негибкости» заработной платы при умалчивании «негибкости» всей системы цен в условиях монополистического капитализма, тем не менее вся теория Кейнса исходит из этого нового явления, присущего монополистическому капитализму, и бывшего первой причиной ниспровержения закона реализации Сэя.

Второй важнейшей предпосылкой, положенной в основу теории Кейнса, является признание того факта, что современный высокоразвитый («зрелый») капитализм настолько обостряет противоречие между производством и потреблением, что проблема реализации становится в этих условиях первостепенно важной и самостоятельной проблемой. Именно поэтому

¹ G. Haberler. Sixteen years later. — «Keynes' General Theory», p. 297.

Кейнс в центр своего исследования поставил теорию «эффективного спроса» как основного фактора, определяющего уровень национального дохода и занятости.

Правда, теория Кейнса носила отпечаток и определенных специфических условий 30-х годов. Они видны в том, что Кейнс слишком абсолютизировал проблему реализации. Именно поэтому его программа государственного вмешательства предусматривала только одно направление — создание дополнительного спроса и не учитывала неизбежности возникновения других форм государственного вмешательства, связанных с развитием производственного потенциала, инфраструктуры, регулирования пропорций и т. п. Влияние 30-х годов сказывается и в том, что Кейнс потерял веру в экзогенные стимулы инвестиций у современного капитализма (помимо государственных) и отрицательно относился к сбережениям. Он полагал, что капиталистическая экономика склонна к хроническому перенакоплению капитала и недоиспользованию трудовых ресурсов.

И наконец, эти условия в какой-то мере предопределили статический характер всей его концепции, абстрагирование от проблем роста, поскольку ее автор и не видел у капитализма внутренних стимулов к такому росту. Эти аспекты кейнсианской теории, отражавшие ее историческую ограниченность, впоследствии подвергались критике и пересмотру со стороны последователей Кейнса, развивающих некейнсианскую теорию роста.

Унаследовав от Кейнса его теоретический аппарат, некейнсианские теоретики унаследовали вместе с тем и целый ряд черт кейнсианской теории, характеризующих ее классовую ограниченность. Конечно, эта классовая ограниченность, определяющая апологетическую направленность теории, идет не просто от Кейнса — она связана с общей методологией, с идеологической функцией буржуазной политэкономии. Но кейнсианство определяет специфические, ему присущие формы выражения этой классовой ограниченности. Она проявляется прежде всего в объяснении причин явлений, а также в предпосылках исследования.

Отразив в своей теории некоторые реальные противоречия капиталистического производства, Кейнс

свел их причины, как известно, к природным и психологическим явлениям — к «основному психологическому закону», закону убывающей производительности, к психологическим склонностям — к ликвидности, к потреблению, к настроениям предпринимателей и т. п.

Благодаря такому приему весь количественный анализ и связанная с ним констатация определенных противоречий воспроизводства оказываются оторванными от качественной основы капиталистического общества и выступают в социально выхолощенном виде, не содержащем критики капиталистического способа производства. Больше того, такая теория становится вполне пригодной для распространения иллюзий о возможности полного устранения всех дефектов стихийной экономики с помощью государственного ее регулирования и в конечном счете — для апологетики государственно-монополистического капитализма.

НЕОКЕЙНСИАНСКАЯ МОДЕЛЬ ДИНАМИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ

I. ТЕМПЫ РОСТА И НОРМА НАКОПЛЕНИЯ

Попытки приспособить теорию Кейнса к анализу проблем воспроизводства были сделаны в конце 30-х годов. В 1939 г. американский экономист Рой Харрод в одной из своих статей сформулировал основные принципы теории экономической динамики. Тогда же появились и первые работы Э. Хансена — крупнейшего кейнсианца США, развивавшего свою теорию стагнации. Однако наибольшее распространение — главным образом в силу новых экономических и политических условий — работа по изучению проблем воспроизводства получила после второй мировой войны. В 1948 г. вышла имевшая огромный успех книга Р. Харрода «К теории экономической динамики». Почти одновременно на другом континенте появились статьи Е. Домара, в которых были высказаны сходные идеи. Появились работы целого ряда других экономистов, уточнявших ту концепцию воспроизводства, которую называют ныне неокейнсианской теорией экономического роста.

Кейнсианцы выдвинули три проблемы, которые носят относительно самостоятельный характер: проблему динамического равновесия, проблему длительных отклонений от состояния динамического равновесия и проблему кратковременных отклонений, или циклических колебаний.

В настоящей главе рассматривается проблема динамического равновесия, предполагающая выяснение

условий поддержания устойчивых темпов роста с полной занятостью человеческих и материальных ресурсов. «При исследовании расширяющегося хозяйства, — писал Харрод, — нам нужно рассматривать взаимоотношения, возникающие в ходе экспансии трех основных элементов: 1) рабочей силы, 2) выпуска продукции или дохода на душу населения и 3) размера наличного капитала»¹. Эти взаимоотношения рассматриваются на основе построения агрегатных моделей экономического роста, связывающих темпы роста с нормой накопления капитала. Если Кейнс анализировал лишь доходотворческую роль капиталовложений, т. е. влияние прироста инвестиций на прирост дохода, то его последователи выдвинули более широкую задачу — проследить и обратное влияние роста национального дохода на величину инвестиций; определить тот необходимый темп роста, который способен обеспечить полную загрузку производственных мощностей и занятость растущему населению страны. Особое внимание при этом они обратили на проблему накопления капитала в аспекте реализации той части общественного продукта, которая предназначена для производительного использования.

Проблема накопления рассматривается в кейнсианских моделях, как правило, на базе анализа, основанного на соотношении сбережений и инвестиций (*saving — investment analysis*). Для обозначения части национального дохода, предназначенного и использованного для накопления, употребляются два термина — сбережения (*S*) и инвестиции (*I*). За определенный период времени сбережения и инвестиции равны друг другу. Но если от статического анализа перейти к динамическому, то эти два термина начинают обозначать несколько разные вещи: сбережением называется та часть национального дохода, которая сегодня не потреблена и предназначена для капиталовложений, а инвестициями — та часть непотребленного национального дохода, на которую будет предъявлен производительный спрос завтра. Следовательно, когда речь идет о равенстве или неравен-

¹ Р. Харрод. К теории экономической динамики. М., 1959, стр. 59.

стве сбережений и инвестиций, то обычно сравниваются не действительные величины, а действительная величина с предполагаемой, предложение со спросом. Фактические сбережения могут быть больше или меньше предполагаемых инвестиций. Разница между ними характеризуется изменением товарных запасов, степенью недогрузки производственных мощностей, изменением занятости и, наконец, темпов роста. Равенство сбережений и инвестиций, таким образом, характеризует состояние динамического равновесия: спрос на инвестиции равен предложению сбережений, так что экономик не испытывает затруднений. Превышение сбережений над предполагаемыми инвестициями ведет к росту запасов, недогрузке, безработице, характеризующими состоянием сокращения производства. Превышение инвестиционного спроса над сбережениями, напротив, будет означать чрезмерный рост, сопровождающийся ростом цен. Эта концепция может служить исходным пунктом для анализа процессов нарушения экономического равновесия. Ее главный недостаток состоит, однако, в том, что она не вскрывает причин, вызывающих эти процессы. В ней нет места факторам, обуславливающим возникновение диспропорций в реализации той части общественного продукта, которая предназначена для накопления.

Именно на такой основе и строится большинство кейнсианских моделей экономического роста: модель роста Р. Харрода; модель английского экономиста Калдора¹; на более широкой основе, но при этом включающей указанное равенство, основывается модель Е. Домара.

Во всех этих моделях есть, таким образом, две стороны — сбережения и инвестиции. Их равенство будет обеспечено в том случае, если реальная величина (сбережения) будет равна предполагаемой (инвестициям). Центральным вопросом является поэтому выяснение факторов, определяющих величину ожидаемых инвестиций. Чем определяется величина чистых капиталовложений и соответственно их доля в национальном доходе, т. е. норма накопления?

¹ N. Kaldor. A Model of Economic Growth. — «Economic Journal», December 1957.

Наиболее распространенной концепцией, на базе которой определяются чистые капиталовложения в современных буржуазных теориях роста, является концепция акселерации. Согласно этой концепции, величина чистых капиталовложений с точки зрения длительного развития определяется двумя показателями: темпом роста национального дохода и величиной капиталовложений, необходимых для производства единицы прироста дохода, — капитальным коэффициентом. Поскольку второй показатель принимается за величину данную, то, согласно этой теории, прирост производства обеспечивается только с помощью чистых капиталовложений, а темп роста, таким образом, зависит только от одного фактора — от нормы накопления. Поэтому в буржуазной литературе кейнсианская модель экономического роста получила название однофакторной модели роста.

Рассмотрим теперь фундаментальное уравнение роста Харрода, основанное на указанных выше предпосылках. Это уравнение имеет две формы.

Форма простого тавтологии $G C = S$,

где G — темп роста национального дохода;

C — объем накопления, деленный на прирост национального дохода;

S — доля сбережений в национальном доходе.

Все величины относятся к одному и тому же прошедшему периоду времени (*ex post*), и поэтому указанное равенство не требует никаких специальных условий для своего осуществления¹.

От этой формы уравнения Харрод переходит к той его форме, которая, по его словам, выражает «равновесие непрерывного поступательного движения»². Оно выражается формулой $G_w C_w = S$, в которой только одна величина относится к прошлому и является данной — это S . Вся левая часть уравнения определяется

¹ Его легко свести к тождеству, если принять, что

$$G = \frac{\Delta Y}{Y}, \quad S = \frac{S}{Y} \quad \text{и} \quad C = \frac{I}{\Delta Y},$$

где Y — национальный доход, ΔY — его прирост, I — капиталовложения. Тогда $\frac{\Delta Y}{Y} \cdot \frac{I}{\Delta Y} = \frac{I}{Y}$ или $\frac{I}{Y} = \frac{S}{Y}$.

Но так как $I = S$, то указанное равенство есть тождество.

² Р. Харрод. К теории экономической динамики, стр. 121.

требуемыми величинами; C_r — это требуемая величина капитала, необходимая для создания 1% прироста национального дохода. «Если триоистическое уравнение содержало член (C), определяемый в плане *ex post* и выражающий количество капитальных благ, фактически производимых за каждый период, то C_r представляет собой категорию равновесия, выражающую потребность в новом капитале»¹.

G_w — это тот необходимый темп роста, который делает правую часть уравнения равной левой, т. е. делает величину накопления *ex ante* равной величине сбережений *ex post*.

Динамическое равновесие, обеспечиваемое гарантированным темпом роста, означает полное использование существующих производственных мощностей и сохранение устойчивой нормы прибыли для капиталистов. Харрод приходит к выводу, что темп роста, обеспечивающий динамическое равновесие (G_w), должен быть постоянным. Этот вывод базируется на двух посылах: на предположении постоянства доли сбережений в национальном доходе (S) и на предположении постоянства требуемого капитального коэффициента (C_r). Поскольку $G_w = \frac{S}{C_r}$, а числитель и знаменатель постоянны, то и G_w постоянно.

«Единственная гарантированная линия роста, — пишет Харрод, — определяется совместно склонностью к сбережениям и количеством капитала, требуемого техническими и другими условиями на единицу увеличения продукции. Только в том случае, если предприниматели придерживаются этой линии развития, они обнаруживают, что в целом их производство в любой период времени не будет ни избыточным, ни недостаточным»².

Харрод не уделяет особого внимания причинам, определяющим постоянство капитального коэффициента, хотя оно и играет такую важную роль в его концепции. Он просто исходит из предпосылки о нейтральном характере технического прогресса. Дело в том, что в движении капитального коэффициента дей-

¹ R. Harrod. *Economic Essays*. London, 1952, p. 265.

² Там же.

ствительно отражается характер технического прогресса. Последний, будучи, как правило, трудосберегающим, может быть либо капиталоемким, либо капиталосберегающим, либо нейтральным. Все зависит от соотношения двух величин — производительности труда и капиталовооруженности. Если производительность труда обгоняет рост капиталовооруженности, то капиталоемкость снижается. Наоборот, если рост капиталовооруженности обгоняет рост производительности труда, то капиталоемкость повышается. Если производительность труда и капиталовооруженность повышаются одинаковыми темпами, то капиталоемкость остается постоянной. В первом случае технический прогресс носит капиталосберегающий характер, во втором — капиталоемкий, в третьем — нейтральный.

С точки зрения длительного развития технический прогресс, по мнению Харрода, носит нейтральный характер, так как периоды по преимуществу капиталоемкого технического прогресса сменяются периодами преимущественно капиталосберегающего; в целом они компенсируют друг друга, так что в модели экономического роста можно исходить из нейтрального характера технического прогресса.

Аналогичный вывод о необходимости постоянного темпа роста в качестве условия динамического равновесия сделал американский ученый Е. Домар¹. Поэтому часто говорят о теории Харрода — Домара.

Исходная модель Домара несколько отличается от харродовской. В ее основу положено не равенство сбережений инвестициям, а равенство денежного дохода (спроса) производственным мощностям (предложению)². Домар подчеркивает, что в этом проявляется определенный синтез докейнсианского и кейнсианского подходов. До Кейнса, как правило, рассматривали лишь предложение, принимая спрос за величину данную. Напротив, Кейнс сосредоточил внимание на спросе, вовсе игнорируя рост производства.

¹ E. Domar. *Essays in the Theory of Economic Growth*. New York, 1957.

² Под производственными мощностями здесь понимается потенциально возможное производство продукции при условии полной занятости.

Домар пытается объединить оба подхода. При этом, как и Харрод, он исходит из предпосылки, что определяющие его модель параметры — доля сбережений в доходе и средняя эффективность капиталовложений, соответствующая обратной дроби капитального коэффициента, являются величинами постоянными. «Эффективный спрос» Домар определяет, исходя из кейнсовской теории национального дохода. Он включает в него инвестиции в качестве независимой переменной, потребление, функционально связанное с инвестициями, и государственные расходы. Вслед за Кейнсом Домар подчеркивает, что прирост дохода является функцией прироста инвестиций.

Предложение, или прирост производственных мощностей, определяется им на основе теории акселератора и рассматривается как функция инвестиций. Все другие факторы помимо инвестиций, влияющие на рост производственных возможностей, — увеличение рабочей силы, технический прогресс — объединяются в одном показателе «производительности» инвестиций, или эффективности капиталовложений. Хотя Домар и рассматривает этот показатель в качестве величины постоянной, тем не менее он делает существенную оговорку: «Наша модель роста не требует, чтобы производительность капитала оставалась постоянной, необходимо лишь, чтобы ее изменения были известны и достаточно регулярны. В качестве первого приближения можно принять ее за постоянную»¹. В этом некоторое отличие его модели от модели Харрода.

Следует подчеркнуть и другое различие. Модель динамического равновесия, которую строит Домар, с самого начала предполагает полную занятость (Харрод же полагает, что динамическое равновесие может не совпадать с полной занятостью). Он подчеркивает, что его цель — «найти условия, необходимые для поддержания полной занятости в течение длительного периода времени или, точнее, темпа роста национального дохода, которого требует полная занятость»².

Домар все время подчеркивает двойственную роль

¹ E. Domar. Essays in the Theory of Economic Growth, p. 27.

² Там же, стр. 84.

инвестиций. С одной стороны, они способствуют росту дохода, с другой — увеличивают производственные мощности. Рост дохода способствует увеличению занятости. Но здесь, подчеркивает Домар, нельзя поставить точку. Одновременно инвестиции увеличивают и производственные мощности, поэтому рост дохода должен быть достаточным, чтобы уравновесить эти увеличившиеся производственные возможности страны, не допуская возникновения недогрузки предприятий или выталкивания из производства избыточной рабочей силы. Поэтому задача формулируется так: «Если инвестиции повышают производственные мощности и одновременно создают доход, то какова должна быть величина инвестиций или каков должен быть их рост, чтобы сделать прирост дохода равным приросту производственных мощностей»¹.

На основе сформулированных предположений и задачи исследования Домар предлагает следующее уравнение, решение которого дает формулу требуемого темпа роста:

$$\Delta I \cdot \frac{1}{\alpha} = I\sigma, \text{ откуда } \frac{\Delta I}{I} = \sigma\alpha,$$

где I — величина ежегодных чистых капиталовложений;

ΔI — их ежегодный прирост;

$\frac{\Delta I}{I}$ — темп роста капиталовложений;

$\frac{1}{\alpha}$ — мультипликатор (α — доля сбережений в национальном доходе);

σ — потенциальная средняя производительность инвестиций.

Несколько пояснений. В левой части равенства мы имеем прирост дохода в денежном выражении. В правой части равенства произведение инвестиций на их потенциальную среднюю производительность дает прирост производственных мощностей. Домар подчеркивает, что σ — величина, характеризующая потенциальные производственные возможности, не зависящие от движения денежного дохода.

Второе равенство, полученное на основе первого, выражает искомую величину — темп роста инвести-

¹ E. Domar. Essays in the Theory of Economic Growth, p. 89.

дий, обеспечивающий полную занятость и полную загрузку производственных мощностей. Этот темп равен произведению доли сбережений на потенциальную среднюю производительность инвестиций. Нетрудно убедиться, что эта формула аналогична формуле гарантированного темпа роста Харрода, поскольку эффективность накопления — величина, обратная капитальному коэффициенту, — и доля сбережений в доходе постоянны. Из нее следует тот же, что и у Харрода, вывод о постоянстве требуемого темпа экономического роста. «Поддержание непрерывного состояния полной занятости требует, чтобы увеличение инвестиций и дохода происходило на основе относительно постоянного ежегодного темпа роста или темпа, исчисляемого по формуле сложных процентов, равного произведению склонности к сбережениям на среднюю производительность инвестиций»¹.

Вывод о том, что сохранение условий динамического равновесия требует постоянного ежегодного процента прироста национального дохода, имел важное значение. В нашей критической литературе этот вывод нередко истолковывался таким образом, будто кейнсианские теоретики роста своей концепцией динамического равновесия утверждают способность капитализма к сохранению постоянного устойчивого темпа роста. На самом деле это не совсем так. Необходимость постоянного устойчивого темпа ни у Харрода, ни у Домара не отождествляется с автоматической возможностью таких темпов. Развивая идеи Кейнса об отсутствии у современного капитализма внутренних сил, порождающих тенденцию к автоматическому восстановлению равновесия и полному использованию экономических ресурсов, оба автора, так же как и их последователи, подчеркивают сложность решения проблемы динамического равновесия, необходимость проведения соответствующей государственной политики в целях обеспечения экономической стабильности. За эту идею, в частности, они подверглись наибольшим атакам со стороны «неоклассиков» и всякого рода «неолибералов». Остроту этой проблемы

¹ E. Domar. *Essays in the Theory of Economic Growth*, p. 91—92.

особенно отмечал Домар. «Без всякой формальной математики, если только представить, что прирост мощности связан (хотя и приблизительно) с инвестициями, в то время как прирост совокупного спроса связан с темпом роста инвестиций, и что, следовательно, непрерывный рост дохода или, вернее, инвестиций необходим для спокойного развития экономики, то становятся более понятными природа капиталистической системы и те трудности, которые возникают при поддержании полной занятости»¹.

Домар дает остроумный эпиграф к статье, в которой были сделаны эти выводы, — эпиграф, взятый из сказки «Алиса в стране чудес». «Теперь вы видите, — говорит королева, — что нужно бежать изо всех сил, чтобы остаться на том же месте». Капитализм должен бежать изо всех сил, чтобы только сохранить существующее положение вещей. Это говорит лишь о том, насколько огромны трудности в капиталистическом обществе, склонном к замедлению темпов роста, — именно эту мысль подчеркивают своими выводами кейнсианские теоретики роста. Критиковать этих авторов следует за то, что они в силу своих общих позиций отказываются от критики самого капиталистического способа производства, повинного в трудностях решения проблемы динамического равновесия.

Модели динамического равновесия кейнсианских теоретиков роста можно рассматривать как первый шаг в анализе воспроизводственных взаимосвязей, но они слишком упрощены, чтобы иметь практическое значение. Это подчеркивают и сами авторы этих моделей. Как Харрод, так и Домар неоднократно указывали, что их модели представляют всего-навсего инструменты теоретического исследования. «В любом случае, — писал Домар, — к темпу роста продукции или инвестиций в большой и сложной экономике... полученному на базе только нескольких переменных, нельзя относиться слишком серьезно». Главную цель своей работы Домар видел не в том, чтобы «вывести эмпирически значимый темп роста, а в том, чтобы попытаться решить старую проблему, которая часто появлялась в экономической литерату-

¹ E. Domar. *Essays in the Theory of Economic Growth*, p. 34.

ре, начиная от Маркса (вернее, от Мандевилля и Мальтуса, если не раньше) до Кейнса и после него, относительно влияния накопления капитала на текущие инвестиции, норму прибыли, уровень дохода и занятости... Я попытался показать, что существует такой темп роста дохода, каким бы приблизительным он ни был, который, если его достичь, не приведет к снижению нормы прибыли, исчезновению инвестиционных возможностей, хронической безработице и тому подобным бедствиям... и что в той мере, в какой мы можем теперь об этом судить, этот темп роста не находится за пределами наших физических возможностей»¹.

Можно указать на следующие положения в рассмотренных моделях роста, чрезвычайно упрощающие проблему накопления не только в практическом, но и в теоретическом плане.

Большим упрощением является, например, учет только одного фактора роста национального дохода — капиталовложений. Игнорируются в этих моделях такие важные факторы, как увеличение загрузки существующих производственных мощностей, улучшение организации производства, рационализация, не связанная с большими капитальными затратами, и т. п. Вот почему, в частности, дальнейшее развитие анализа воспроизводственных взаимосвязей пошло в направлении разработки многофакторных моделей экономического роста (производственных функций).

Далее, рассмотренные модели динамического равновесия отличаются чрезвычайно высоким уровнем агрегирования. Для расширенного воспроизводства важно соблюдение не только стоимостных пропорций, но и вещественных, а это предполагает анализ структуры совокупных величин, используемых в модели. «Для того чтобы накапливать, — писал К. Маркс, — необходимо часть прибавочного продукта превращать в капитал. Но, не совершая чуда, можно превращать в капитал лишь такие предметы, которые могут быть применены в процессе труда, т. е. средства производства, и, далее, такие предметы, которые способны поддерживать жизнь рабочего, т. е. жизненные средства...

¹ E. Domar. *Essays in the Theory of Economic Growth*, p. 8.

Одним словом, прибавочная стоимость лишь потому может быть превращена в капитал, что прибавочный продукт, стоимостью которого она является, уже включает в себе вещественные составные части нового капитала»¹. Именно этот недостаток кейнсианских моделей роста дал толчок развитию структурных моделей исследования межотраслевых взаимосвязей экономики.

Большие сомнения вызывает и сама концепция устойчивости коэффициентов, определяющих требуемый темп экономического роста, т. е. долю сбережений в доходе и капитальный коэффициент. В особенности это относится к концепции нейтрального технического прогресса, якобы обуславливающего длительную тенденцию к постоянству капитального коэффициента.

Роль, которую отвели Харрод, Домар и другие капитальному коэффициенту в модели динамического равновесия, вызвала к жизни статистические исследования реального движения этого коэффициента. Проведенные в США статистические исследования показывают, что в движении капиталоемкости как в экономике в целом, так и по отдельным крупным отраслям производства приблизительно до 20-х годов нашего столетия наблюдалась повышательная тенденция. Однако с 20-х годов наметилась тенденция к снижению капиталоемкости. Так, например, по данным С. Кузнеця, отношение чистого капитального запаса к чистому национальному продукту увеличилось с 3,6 в 1869—1878 гг. до 3,9 в 1909—1918 гг., а затем снизилось до 2,9 в 1949—1955 гг. (в ценах 1929 г.)². Анализ причин этих изменений показывает, что снижение капиталоемкости связано как с изменением структуры производства — сдвигами в сторону менее капиталоемких отраслей, так и с особенностями технического прогресса, в результате которого производительность труда почти во всех основных отраслях производства росла быстрее капиталовооруженности, что вело к систематическому снижению капиталоемкости. В обрабатывающей промышленности США,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 594.

² S. Kuznets. Capital in the American Economy. Its Formation and Financing. Princeton, 1961, p. III, 33—36.

например, капиталоемкость (в ценах 1929 г.) выросла с 0,547 в 1880 г. до 1,022 в 1919 г., а затем снизилась до 0,590 в 1953 г. В добывающей промышленности она выросла с 0,72 в 1870 г. до 2,30 в 1919 г. и снизилась к 1953 г. до 1,26¹. В железнодорожном строительстве с 1880 г. происходило непрерывное снижение капиталоемкости — с 15,95 в 1880 г. до 2,66 в 1950 г.²

Однако вряд ли можно согласиться с выводами Харрода на основании тех тенденций, которые до сих пор наблюдались в движении капиталоемкости, а именно: раз в течение почти столетия наблюдались две противоположные тенденции, то технический прогресс можно принимать нейтральным, а модель сбалансированного роста строить на базе постоянной капиталоемкости. Теория нейтрального технического прогресса, на которую ссылается Харрод, игнорирует важнейшие тенденции в изменении капиталоемкости, которые имели и еще могут иметь место.

У неокейнсианской модели есть и коренной гносеологический порок, состоящий в том, что она не может служить исходной базой для изучения капиталистической формы экономического роста. Американский экономист П. Бэрэн писал об этих моделях: «Нельзя отрицать, что они вносят определенный вклад в понимание требуемых взаимосвязей, необходимых для поддержания правильных пропорций и сбалансированного роста в любой экономике, базирующейся на разделении труда и предполагающей технические изменения». Однако, продолжает он, они ничего не говорят нам о капиталистической реальности. «Постулируя существование адекватного прямого или косвенного контроля над поведением ключевых параметров, которого в действительности не существует; предполагая отсутствие монополий, влияние которых в действительности носит постоянный и всепроникающий характер; предполагая в длительном плане полную занятость, в то время как она является скорее

¹ См. Д. Кример, С. Добровольский и И. Боренштейн. Капитал в добывающей и обрабатывающей промышленности США. М., 1962, стр. 123, 127.

² M. J. Ulmer. Capital in Transportation, Communications and Public Utilities: Its Formation and Financing. Princeton, 1960, p. 458.

исключением, чем правилом, нынешние модели абстрагируются не от второстепенных черт того прогресса, который они пытаются объяснить, а от его существа... Они заменяют капиталистическую экономику воображаемой рациональной системой, которая не имеет ничего общего с капитализмом, кроме названия. Стоит ли говорить о том, что результатом является апологетика *status quo* независимо от субъективных намерений автора»¹.

Это становится очевидным, когда неокейнсианские теоретики роста переходят к анализу проблемы отклонений от динамического равновесия. Этот порок связан с тем, что макроэкономические категории, которыми оперируют они, лишены социальной определенности. Если взять абстрактные схемы Маркса, тоже характеризующие условия равновесия, то они уже содержат в себе капиталистические особенности накопления капитала. Источником капиталовложений является здесь не такая бессодержательная категория, как «сбережения общества», а качественно определенная часть общественного продукта — прибавочная стоимость, являющаяся результатом эксплуатации рабочего класса. Модель же, предложенная Харродом, не вскрывает источника накопления капитала. Она затушевывает тот факт, что главным источником сбережений является прибавочная стоимость, полученная в результате эксплуатации рабочего класса.

Кроме того, характеризуя общие условия реализации, схемы Маркса дают ключ и к пониманию социально-экономических причин, способных вести к нарушению этих условий. Эти причины в конечном счете связаны с особенностями распределения вновь созданной стоимости. Нарушения условий пропорциональности, порождаемые отрывом движения заработной платы, как это можно убедиться из схем, приведут к серьезным осложнениям в соотношении I и II подразделений, в конце концов к кризису. Маркс сделал главным объектом своего исследования анализ непримиримых противоречий, которые порождаются капиталистическим производством. Буржуазные же сто-

¹ «Marx and Modern Economics», ed. by D. Horowitz. New York, 1968, p. 305—306.

ронники теории экономического роста, будучи не в состоянии пройти мимо таких спутников капиталистического роста, как кризисы, безработица, в то же время стремятся обойти вопрос о противоречиях капиталистического производства, порождающих эти явления. Главная и характерная черта современных буржуазных теорий роста — это абстрагирование от социально-экономических закономерностей капитализма, попытка приписать последнему свойства производства вообще, вне связи с его социально-экономической формой.

2. ТЕМПЫ РОСТА И ВОСПРОИЗВОДСТВЕННАЯ СТРУКТУРА КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЙ

В работах ряда буржуазных теоретиков экономического роста поставлена еще одна проблема — это связь между темпами роста, накоплением и возмещением. Модели, определяющие темпы экономического роста или величину нормы накопления, необходимую для достижения заданных темпов роста, основываются на чистых капиталовложениях. Из общей величины капиталовложений должна быть вычтена та их часть, которая предназначается на простое возмещение выбывших орудий производства. Следовательно, встает задача определить величину выбытия и на этой основе получить показатели чистых капиталовложений.

На практике величина чистых капиталовложений исчисляется путем вычета из валовых капиталовложений суммы амортизационных отчислений. В настоящее время амортизационные отчисления в ряде стран достигли весьма значительной части валовых капиталовложений. В США, например, доля амортизационных отчислений в валовых капиталовложениях в начале 60-х годов составляла 65—70%. Но можно ли полученные таким образом показатели чистого накопления использовать в моделях роста и в других исследованиях?

Целый ряд причин объективного и субъективного характера ведет к тому, что размер амортизационных отчислений отрывается от размеров реального выбы-

тия. Первоначальный экономический смысл амортизационных отчислений как сумм, возмещающих износ, растушевывается; в амортизационных отчислениях оказываются «спрятанными» какие-то доли чистых капиталовложений. К числу причин явного характера, не требующих особых разъяснений, относятся прежде всего причины, связанные с использованием амортизационных отчислений в качестве инструмента стимулирования капиталовложений и ускорения замены морально устаревшего оборудования и ведущие к завышению ставок амортизационных отчислений. Кроме того, сам быстрый технический прогресс ведет к тому, что износившееся оборудование заменяется нередко более производительным, более эффективным, в результате чего простой акт возмещения уже заключает в себе какую-то долю расширения производства. Все эти причины заставляют экономистов относиться к величине чистых капиталовложений, рассчитанных путем вычета из валовых капиталовложений амортизационных сумм, с большой осторожностью. Однако все эти соображения касаются причин, лежащих на поверхности явлений, причин, вполне очевидных.

Теоретики экономического роста обратили внимание на другой ряд причин, порождающих разрыв между суммой амортизационных отчислений и реальным выбытием, — причин, связанных с самим процессом роста. В этом отношении представляют интерес некоторые простейшие модели Домара, которые, по нашему мнению, имеют определенную пользу для анализа указанной проблемы.

Исходя из ряда простых предпосылок — неизменности цен¹, наличия среднего срока службы для всего капитального запаса страны, постоянного темпа роста капиталовложений и расчета амортизации при условии равномерного списания стоимости износа, Домар выводит формулы, показывающие соотношение амортизации и валовых капиталовложений, реального

¹ См. *E. Domar. Essays in the Theory of Economic Growth*. Впоследствии автор отменяет эту предпосылку и рассматривает модификацию своих формул и выводов с учетом изменяющихся цен.

выбытия и валовых капиталовложений и, наконец, отношение между амортизацией и реальным выбытием.

(1) Доля амортизации в капиталовложениях выводится на основе следующих рассуждений: если предположить, что m лет тому назад инвестиции составили 1 долл., то при ежегодном темпе роста капиталовложений на r единиц, величины капиталовложений на протяжении этих m лет выразятся в виде членов геометрической прогрессии: $1, (1+r), (1+r)^2, (1+r)^3, \dots, (1+r)^{m-2}, (1+r)^{m-1}$ (всего, таким образом, m членов). Образовавшийся за этот период запас капитала будет равен сумме членов этой геометрической прогрессии $\frac{(1+r)^m - 1}{r}$ (исчислен по методу непрерывной инвентаризации). Амортизация (при условии равномерного списания) должна быть равна $\frac{1}{m}$ -ой части этой суммы, т. е.

$$D = \frac{(1+r)^m - 1}{rm}$$

Ее доля в валовых капиталовложениях текущего года $G = (1+r)^m$ выразится следующей формулой:

$$\frac{D}{G} = \frac{1 - \frac{1}{(1+r)^m}}{rm}$$

(2) Доля реального выбытия в валовых капиталовложениях выражается значительно проще. Ее формула основана на очень простом рассуждении: если капиталовложения m лет тому назад составили 1, то через m лет основные фонды, в которые они воплотились, должны быть заменены, так как m лет по условию равно продолжительности их функционирования. Величина капиталовложений в m -й год при темпе роста их, равном r , составит $(1+r)^m$. Следовательно, доля капиталовложений, которая должна возместить реально выбывшее оборудование, составит

$$\frac{R}{G} = \frac{1}{(1+r)^m}$$

(3) На основе этих двух формул Домар получает третью, характеризующую соотношение между вели-

чиной реального замещения (выбытия) и величиной амортизации:

$$\frac{R}{D} = \frac{rm}{(1+r)^{m-1}}.$$

Все три формулы свидетельствуют о том, что доля амортизации, доля выбытия в капиталовложениях, а также соотношение между выбытием и амортизацией — все они являются функцией r и m , или произведения rm , темпов роста капиталовложений на продолжительность функционирования капитальных активов. Если же m предположить постоянным, то тогда становится особенно заметной зависимость всех трех показателей от темпов роста: чем выше темпы роста, тем меньше доля амортизации и выбытия в капиталовложениях (причем последняя снижается быстрее первой), тем меньше доля выбытия в амортизации.

Отсюда делается очень важный вывод, согласно которому при повышении темпов роста в самой амортизации открываются значительные источники расширенного воспроизводства.

Домар приводит в своей работе следующий гипотетический расчет, показывающий доли амортизации $\left(\frac{D}{G}\right)$ и выбытия $\left(\frac{R}{G}\right)$ в капиталовложениях и отношение выбытия и амортизации $\left(\frac{R}{D}\right)$ при различных значениях rm (см. табл. на стр. 50).

Таблица наглядно показывает, что с повышением значения rm доля амортизации и доля выбытия в капиталовложениях быстро сокращается, причем доля выбытия сокращается особенно быстро. Это ведет к падению доли выбытия в амортизации. Домар полагает, что для США значение rm примерно равно 1 (3% темпа роста, помноженные на 30 лет — средний срок функционирования капитальных активов). Из таблицы следует, что в этом случае доля амортизации в капиталовложениях составляет 63%, но лишь 37% необходимо для реального возмещения. Остальное служит фактически для расширенного воспроизводства.

rm	Проценты		
	D/G	R/G	R/D
0,1	95	91	95
0,2	91	82	90
0,3	86	74	86
0,4	82	67	81
0,5	79	61	77
1,0	63	37	58
1,5	52	22	43
2,0	43	14	31
2,5	37	8	22
3,0	32	5	16
3,5	28	3	11

Конечно, данный расчет построен на базе большого числа упрощающих допущений; он не претендует на то, чтобы отразить всю сложность реальной действительности. Для реального процесса накопления характерен, в частности, рост цен. Исследуя в дальнейшем влияние изменения цен на указанные соотношения, Домар приходит к выводу, что повышение цен ведет к увеличению доли выбытия в текущих капиталовложениях и сокращает возможный разрыв между выбытием и амортизацией¹. Кроме того, не является постоянным темп роста капитальных активов. При всех трудностях с расчетами среднего срока службы капитала для страны в целом они усугубляются еще и тем, что эти сроки для отдельных видов капитальных активов не остаются постоянными вследствие морального износа и т. п.

Большой натяжкой являются и принятые в расчетах Домара средние сроки службы основных фондов, равные 30 годам. На эту важную деталь обращают внимание советские экономисты Я. Кваша и В. Красовский в статье «Капитальное строительство и проблема размещения». Последние подчеркивают, что

¹ Автор, в частности, полагает, что в условиях принятых им допущений (темп роста капиталовложений равен 3%, продолжительность функционирования капитальных активов — 30 лет) амортизация и выбытие будут равны, если рост цен составит 4% в год.

принятие такого рода длительных сроков службы основных фондов неизбежно предполагает огромные затраты на ремонт действующего оборудования, которые, естественно, должны увеличить затраты на возмещение. «Если не учитывать капитальный ремонт, — пишется в статье, — что, вообще говоря, допустимо, то надо исходить из значительно более короткого срока службы средств труда. Но в этом случае доля затрат на возмещение в капитальных вложениях резко повышается»¹.

Авторы той же статьи подчеркивают и другой серьезный фактор, который необходимо учитывать при расчетах нормы возмещения реального выбытия в валовых капиталовложениях. Это явление так называемого инвестиционного эха. «Инвестиционное эхо» связано либо с неравномерностью темпов роста отдельных отраслей, когда резкое замедление темпов может вызвать существенное изменение возрастного состава основных фондов и увеличение доли выбывающего оборудования, либо с какими-нибудь факторами внешнего характера, когда, например, нормальный процесс замещения устаревшего оборудования нарушается чрезвычайными обстоятельствами (войны, административные запрещения). В этих случаях необходимость замещения устаревшего оборудования, длительное время поддерживаемого с помощью ремонта, возникает как бы внезапно, как «эхо» какого-то более отдаленного события, и доля возмещения в капиталовложениях резко повышается.

Таким образом, реальная действительность предъявляет ряд усложняющих требований к расчетам, основанным на более простых предпосылках, каковыми и являются формулы Домара. Однако при всех коррективах, которые вносит реальный экономический процесс в указанные соотношения, тем не менее эти формулы могут служить исходным моментом для изучения реальных внутренних соотношений, характеризующих зависимость амортизации и выбытия от темпов расширенного воспроизводства.

В основе указанного разрыва между величиной амортизации и величиной реального выбытия лежит

¹ «Вопросы экономики», 1964, № 11, стр. 15.

изменение структуры капитального запаса под влиянием темпов его роста. Чем выше темпы роста, тем быстрее в общем объеме капитального запаса растет удельный вес новых средств производства, тем ниже доля старых средств производства, нуждающихся в возмещении. Низкие темпы роста, напротив, приведут к относительно более быстрому повышению доли средств производства, подлежащих выбытию и возмещению, в общей величине капитального запаса и, следовательно, к увеличению доли капиталовложений, лишь возмещающих износ.

Понимание зависимости между темпами роста и реальным выбытием помогает уяснить и одну из причин, обуславливающих различия в эффективности накопления в различных развитых капиталистических странах. О том, что эти различия чрезвычайно велики, свидетельствуют следующие данные о величине валового накопления, приходящегося на единицу прироста национального дохода (отношение нормы валового накопления к среднегодовым темпам роста). За период 1949—1959 гг. это соотношение, исчисленное на базе неизменных цен и при элиминировании циклических колебаний, составило: для ФРГ — 3,3, Италии — 3,7, Франции — 4,6, Англии — 6,7, США — 5,5 и для Японии (расчет основан на базе текущих цен и без элиминирования циклических колебаний) — 2,5¹.

На одном полюсе, таким образом, находятся Япония и ФРГ — страны с наиболее низким соотношением капитальных затрат и темпов роста; на другом — Англия и США, в которых это соотношение было значительно более высоким. Многие факторы вносят свою лепту в эту дифференциацию: и различия в темпах роста занятости, и различия в технологической и отраслевой структурах капиталовложений, и разница в степени использования производственных мощностей и в восприимчивости к техническому прогрессу, и т. п. факторы техноэкономического характера². Но не менее важное, а порой решающее влияние на это соотношение, по нашему мнению, оказывают различия в

¹ «Economic Survey of Europe in 1961», p. 11; «Some Factors of Economic Growth in Europe during the 1950's.», 1964.

² См. «Новые явления в накоплении капитала в империалистических странах», М., 1967, стр. 270—285.

масштабах реального возмещения выбывающих в натуре фондов, связанных с различиями в темпах роста. Чем большая доля валовых капиталовложений призвана возмещать реальный износ основных фондов, тем меньшая часть их представляет собой чистое накопление, являющееся основой роста продукции, тем больше, следовательно, необходимо капиталовложений в целом для получения единицы прироста продукции.

Как известно, темпы экономического роста в капиталистических странах в послевоенный период варьировались очень широко. В течение того же периода (1949—1959 гг.), для которого рассчитан капитальный коэффициент, среднегодовые темпы роста валового внутреннего продукта (в постоянных ценах, при элиминировании циклических колебаний) составили соответственно: ФРГ — 7,4%, Италия — 5,9, Франция — 4,5, Англия — 2,4, США — 3,3 и Япония — 9,5%¹.

Исходя из сказанного выше, можно предположить, что и доля реального возмещения в валовых капиталовложениях варьировалась очень широко. Одну из формул Домара — формулу, показывающую зависимость доли реального возмещения в капиталовложениях от темпов роста и средней продолжительности функционирования капитальных активов, $\frac{R}{G} = \frac{1}{(1+r)^m}$, можно использовать для того, чтобы представить себе хотя бы приблизительно порядок, масштабы этих различий. Если в качестве значений r — темпов роста возьмем среднегодовые темпы роста названных капиталистических стран, а средний возраст основных фондов примем за 30, как это делает Домар, то мы получим следующий ряд цифр, характеризующих долю реального возмещения в валовых капиталовложениях в зависимости от темпов роста: ФРГ — 13,2%, Франция — 31,0, США — 41,5, Италия — 17,4, Англия — 55,4, Япония — 7,8%. Эти цифры показывают, насколько сильно отличаются доли

¹ «Economic Survey of Europe in 1961», p. 11; «Yearbook of National Accounts Statistics», 1960, p. 139.

реального возмещения в условиях высоких и низких темпов роста: при 2 и 3% роста на возмещение уходит до половины валовых капиталовложений, при 4% — третья часть, а при 9% доля реального возмещения опускается до 8%.

Если взять другие сроки функционирования основных фондов, например 10 лет, то получим другой ряд абсолютных цифр, но относительные различия между ними — а в данном случае именно они-то и интересуют нас — останутся прежними.

Если теперь скорректировать данные о валовом капитальном коэффициенте на полученные цифры, то перед нами будут условные показатели чистого капитального коэффициента, характеризующего величину чистого накопления, необходимого для достижения 1% прироста национального дохода:

ФРГ — 2,9	Франция — 3,2	США — 3,2
Италия — 3,1	Англия — 3,0	Япония — 2,3

Как и следовало ожидать, подобного рода корректировка резко сокращает масштабы различий капитального коэффициента между странами с различными темпами роста. У всех стран (за исключением Японии) он приближается к 3.

Конечно, приведенные расчеты не претендуют на точную характеристику доли валовых капиталовложений, долженствующих компенсировать реальное выбытие и фактический уровень чистого капитального коэффициента. Они показывают возможный порядок различий, связанных с темпами роста, при прочих равных условиях. Для того чтобы получить более реальные показатели, необходимо изучение и оценка целого ряда других факторов. Тем не менее абстрактные модели, характеризующие связь темпов роста с воспроизводственной структурой капиталовложений, в этом исследовании могут играть определенную познавательную роль.

ДИНАМИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ И ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЦИКЛА

Анализ условий, обеспечивающих устойчивый постоянный темп роста, является для кейнсианских теоретиков основой изучения проблемы экономической неустойчивости, изучения процессов отклонения фактического развития от так называемой линии динамического равновесия, образующих циклические колебания вокруг этой линии.

Проблема циклов и кризисов появилась в буржуазной политэкономии задолго до Кейнса, но она была как бы незаконнорожденным ее ребенком, ибо не имела корней в теориях, которые составляли ее основу. Большинство экономистов, писавших до Кейнса, исходили из закона Сэя, предполагая, что в капиталистической экономике нарушение равенства спроса и предложения может быть лишь случайным, временным. Механизм цен в условиях свободной конкуренции и отсутствия вмешательства государства должен восстанавливать нарушенное равновесие. Они считали, что этот механизм охватывает три рынка: рынок товаров, рынок труда и рынок денежных ресурсов. Равновесие на рынке товаров восстанавливается с помощью повышения или понижения цен при неизменном количестве денег в обращении. Если цены не падают в случае увеличения предложения товаров, равновесие может быть восстановлено путем соответствующего увеличения предложения денег.

В случае изменения соотношения между потреблением и сбережениями и повышения доли сбережений

превращение их в инвестиции не встретит никаких препятствий, так как снизится норма процента. Более низкая норма процента, с одной стороны, будет снижать сбережения, а с другой — повысит склонность к капиталовложениям, так что в конце концов спрос и предложение уравниваются.

Тот же процесс автоматического уравнивания должен происходить, по их мнению, и на рынке труда. Если производство растет быстрее, чем предложение рабочей силы, то это приведет к росту заработной платы. Последнее же в свою очередь будет, с одной стороны, замедлять темпы роста производства, а с другой — стимулировать предложение труда. В противоположном случае, если производство сокращается и возникает безработица, реальная заработная плата будет снижаться. Это уменьшит предложение труда и в то же время увеличит спрос на него, так что в конце концов полная занятость будет восстановлена.

Докейнсианские буржуазные теории кризисов развивались главным образом как теории внешних шоков, на которые экономика реагирует вследствие запаздывания отдельных реакций колебательным или паутинообразным способом. Эти внешние шоки усматривались в кредитно-денежной системе, в психологии предпринимателей, в особенностях технического прогресса («вспышки нововведений» Шумпетера) и т. п. Эти теории описывали, как правило, частные или производные причины кризисов и ни в коей мере не затрагивали коренных противоречий капиталистического роста. Важный шаг в анализе механизма цикла сделали те буржуазные экономисты, которые обратили внимание на техноэкономические особенности процесса накопления капитала как материальной основы цикла. Но именно Кейнс расчистил путь для разработки такой теории экономических циклов и кризисов, которая должна была стать составной частью общей теории функционирования и роста капиталистической экономики в целом, объяснить неустойчивость ее роста как процесс, порождаемый внутренне присущими ей закономерностями¹.

¹ Многие буржуазные экономисты в настоящее время признают, что впервые циклы как форма движения капиталистического производства были всесторонне проанализированы Марк-

Кейнс подверг сомнению действие автоматического механизма на всех трех рынках, о которых мы упоминали выше. Во-первых, он поставил под сомнение существование в условиях монополистического капитализма (хотя он ни слова не упоминал о монополистическом капитализме, но именно с таковым имел дело Кейнс, а не с несуществующей абстракцией совершенной конкуренции) свободного движения цен в понижательном направлении. Опыт показывал, что в этих условиях цены остаются неизменными даже в условиях снижения зарплаты и производства.

Во-вторых, он показал невозможность беспредельного снижения нормы процента в целях стимулирования инвестиций. В снижении нормы процента есть граница, ниже которой сберегатели предпочтут не отдавать свои сбережения в займы, а держать их в форме ликвидных средств, чтобы застраховать себя в случае всяких непредвиденных осложнений. «Ловушкой ликвидности» назвал эту границу Кейнс.

В-третьих, Кейнс поставил вопрос и о возможности снижения заработной платы ввиду все более крепнущего влияния профсоюзов, отстаивающих экономические интересы рабочего класса.

Таким образом, он показал, что механизм автоматического уравнивания спроса и предложения, описываемый неоклассиками, является утопией. По мнению Кейнса, надо было искать иные закономерности, управляющие прежде всего движением спроса, ибо от него в конечном счете и будет зависеть динамика самого производства.

В «Общей теории занятости, процента и денег» Кейнса проблема цикла, как таковая, отсутствует¹. В работе имеются лишь высказывания автора о при-

сом. Американский экономист Х. Шерман, например, отмечал, что Карл Маркс первым «описал экономический цикл как внутренний механизм капиталистического роста, разгромил закон Сэя и предвосхитил элементы всех теорий, которые впоследствии стали так популярны» (*H. Sherman, Macrodynamic Economics. Growth, Employment and Prices. New York, 1964, p. 61*).

¹ Американский экономист Л. Метцлер замечал по этому поводу: «Не удивительно, что его вклад в теорию промышленных колебаний состоял больше в стимулах, которые он дал для работы других экономистов, чем в собственных разработках» («*The New Economics*», ed. by *S. Harris. New York, 1947, p. 437*).

чине кризисов: последнюю он видел в сокращении ожидаемой нормы прибыли («предельной эффективности капиталовложений») вследствие убывающей производительности капитальных вложений по мере увеличения массы функционирующего капитала, усугубляемое внезапной паникой, пессимизмом, потерей веры в будущее и т. п. Иными словами, кризис, по Кейнсу, порождался снижением нормы прибыли, усугубляемым психологическими обстоятельствами.

Что же нового внесено в анализ этой проблемы неокейнсианцами? Во-первых, это перенесение центра тяжести теоретического исследования с проблемы кризиса, как такового, на более широкую проблему цикла вообще. Это было связано с признанием того факта, что кризисы — неизбежное явление в развитии капиталистической экономики; что для капитализма опасны не только кризисы, но и перегрев конъюнктуры с неизбежными для него инфляционными тенденциями, подготавливающими кризис.

Для теоретиков экономического роста кризисы не являются ни случайностью, ни результатом ошибок в экономической политике, ни последствиями затруднений денежного характера. Циклические колебания, по их мнению, внутренне присущи капиталистическому производству. «Современный анализ обнаруживает, — пишет Э. Хансен, — что, пока экономика остается динамической, пока требования роста и прогресса вызывают большие расходы на инвестиции, до тех пор будут действовать могущественные силы, порождающие циклические колебания. Нельзя поэтому рассматривать цикл как патологическое состояние. Он присущ природе современной динамической экономики»¹.

Во-вторых, неокейнсианцы пытались увязать концепцию цикла с теорией длительных отклонений (трендов) в развитии капиталистической экономики, которые определяют продолжительность и глубину отдельных фаз цикла в различных исторических условиях.

В-третьих, для них характерно стремление искать причины неустойчивости и циклических колебаний в особенностях осуществления воспроизводственных

¹ Э. Хансен. Экономические циклы и национальный доход, стр. 607.

связей, а не во внешних нарушениях экономической системы или в изменениях цен. Для неокейнсианских теоретиков важнейшей проблемой является проблема изменения эффективного спроса, определяющего движение фактического производства и его отклонения от потенциально возможного уровня. Особое значение они придают так называемым переключателям экономической системы, которые обуславливают «точку поворота», порождая процесс спада или, напротив, процесс чрезмерного роста. Тем самым теоретики роста подошли к анализу существенных закономерностей капиталистического способа производства, порождающих механизм капиталистического цикла. В ряде случаев они констатировали некоторые внутренние противоречия капиталистического производства. В большинстве же случаев конструирующими элементами их построений оказались связи поверхностные, формальные. Нередко внешне эффективные модели, иллюстрирующие колебательный процесс, являются таковыми не потому, что в качестве предпосылок в них заложены взаимосвязи, характеризующие внутренние противоречия капиталистического производства, а лишь потому, что они основаны на запаздывании экономических реакций. (Всякая модель, основанная на запаздывании, неизбежно порождает колебания¹.)

В-четвертых, неокейнсианцев отличает интерес к проблемам государственной антициклической политики, которая направлена на сглаживание циклических отклонений и характер которой должен меняться в зависимости от фазы цикла.

1. КОНЦЕПЦИИ, ОСНОВАННЫЕ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МУЛЬТИПЛИКАТОРА— АКСЕЛЕРАТОРА

Развитие неокейнсианской теории цикла связано с именами таких известных экономистов, как Р. Харрод, П. Самуэльсон, Д. Хикс, Л. Метц-

¹ Этот факт особенно подчеркивает в своей работе В. Э. Шляпентох. («Эконометрика и проблемы экономического роста». М., 1966, стр. 87—88).

лер, Э. Хансен. В основе этой теории лежит взаимодействие акселератора и мультипликатора, порождающее колебательный процесс в условиях ограничения производительных и денежных ресурсов общества. Эта концепция цикла начала складываться до второй мировой войны. Ей была посвящена работа Р. Харрода «Торговый цикл», вышедшая в 1936 г. В 1939 г. появилась статья П. Самуэльсона «Взаимосвязь между мультипликатором и принципом акселерации», в которой были представлены различные варианты взаимодействия мультипликатора и акселератора и которая стала своего рода классической для буржуазной политэкономии. После войны эта концепция находит еще более развернутое воплощение в работе Д. Хикса «Развитие теории торгового цикла» (1950 г.) и получает свое полное завершение в работе Э. Хансена «Экономический цикл и национальный доход» (1958 г.), дополненной новой главой в издании 1965 г. Рассмотрим существо этой теории цикла.

Концепция мультипликатора, разработанная Кейнсом, в применении к национальному доходу связывает прирост национального дохода с приростом инвестиций. Развертывание мультипликационного процесса предполагает наличие свободной рабочей силы и занятых производственных мощностей. Его содержание состоит в том, что первоначально инвестированная сумма денег превращается в первичные доходы, затем часть из них, расходуясь, превращается во вторичные, третичные доходы и т. п. Одновременно увеличивается и занятость, и производство. Продолжительность, общий эффект мультипликационного процесса, так же как и сама величина мультипликатора, зависят от того, в какой пропорции доход разделяется на потребляемую и сберегаемую части. Чем большая часть дохода потребляется, тем больше доходов будет порождать первоначально инвестированная сумма денег, тем продолжительнее мультипликационный процесс. Кейнс, выводя формулу мультипликатора, подчеркивал его зависимость от «предельной склонности к потреблению», или от доли потребления в приросте национального дохода. Мультипликатор определяется как $\frac{1}{1-r}$, где r — доля потребления в

приросте дохода. Чем выше r , тем больше величина мультипликатора. Напротив, уменьшение доли потребления будет сокращать продолжительность мультипликационного процесса, уменьшать мультипликатор, сокращать прирост национального дохода. На этот момент следует обратить особое внимание. Концепция мультипликатора Кейнса состоит не просто в том, что она показывает наличие зависимости между ростом капиталовложений и ростом национального дохода. Существование такой зависимости настолько очевидно, что не требует особых доказательств. Особенность и смысл концепции состоят в том, что этой зависимости был придан характер постоянной величины, определяемой устойчивостью доли потребления в приросте национального дохода. Эффект влияния прироста инвестиций на прирост национального дохода связан здесь с потреблением.

Функция потребления и связанная с ней теория мультипликатора рассматриваются современными кейнсианцами как важнейший вклад Кейнса в современную динамическую теорию цикла. Э. Хансен писал по этому поводу: «Думаю, что всякий, кто возьмет на себя труд перечитать прежнюю литературу (до 1936 г.), добавляя там, где это требуется, недостающие ей понятия мультипликатора и функции потребления, не может не увидеть, как много темных углов сразу освещается, как только на них направляется прожектор этих новых орудий исследования. Инвестиционная теория колебаний дохода была способна лишь наполовину раскрыть существо дела, пока не было понятия функции потребления и анализа с помощью мультипликатора. Это область, в которой Кейнс сделал свой наибольший вклад, и притом не только в общую теорию факторов дохода, но также и в анализ экономического цикла»¹.

Концепцию мультипликатора некейнсианские теоретики цикла дополнили так называемой концепцией акселератора. Если мультипликатор характеризует конечное влияние инвестиций на национальный доход, то акселератор характеризует обратную связь между

¹ Э. Хансен. Экономический цикл и национальный доход, стр. 602.

национальным доходом и инвестициями: он показывает, во сколько раз должны возрасти капиталовложения в результате данных темпов роста национального дохода. Причем предполагается, что для полного развертывания акселерационного процесса необходимы иные условия, чем для мультипликационного. Рост национального дохода будет требовать расширения производственных мощностей и новых в связи с этим капиталовложений в условиях, когда будет достигнута полная или почти полная занятость существующих производственных мощностей. В свою очередь снижение или даже замедление темпов роста национального дохода приведет к падению темпов капиталовложений и даже к дезинвестированию. «Нетрудно видеть, — пишет П. Самуэльсон, — что принцип акселерации представляет собой мощный фактор, порождающий нестабильность экономики. Если продажа промышленных товаров повышается и понижается, то принцип акселерации может усилить эти колебания. В момент подъема он подталкивает чистые инвестиции, а в момент понижения он с той же силой подталкивает чистое *дезинвестирование*»¹.

Соединение этих двух концепций — концепций мультипликатора и акселератора, дающих характеристику движения капиталистического производства в форме взаимодействия между инвестициями и национальным доходом, и послужило основой для разработки неокейнсианской теории экономического цикла.

Важнейшее значение в теории цикла неокейнсианцев имеет деление капиталовложений на автономные и производные. Дело в том, что в модели мультипликатора—акселератора участвует лишь тот тип инвестиций, который связан с расширением потребления в результате роста национального дохода, так называемые производные инвестиции. Но в процессе экономического роста есть целый ряд факторов, вызывающих капиталовложения независимо от движения потребления или национального дохода. Это технический прогресс и обусловленные им технические перевороты, требующие новых капиталовложений; это рост населения, политика государства и другие факторы автономного

¹ П. Самуэльсон. Экономика, стр. 300.

характера. Поэтому кейнсианские теоретики вводят еще понятие автономных инвестиций. Конечно, статистически отделить эти два типа капиталовложений практически невозможно. Но в качестве инструмента теоретического анализа концепция двух видов капиталовложений помогает уяснить природу относительно независимого развития производства средств производства от движения платежеспособного спроса и пределы такого отрыва на разных стадиях и в разных исторических условиях развития.

Рассмотрим подробнее действие некейнсианской модели цикла — так, как она изложена в работе Э. Хансена «Экономические циклы и национальный доход».

В теории Хансена первопричиной роста производства, его движущей силой является технический прогресс. Технический прогресс, революционизируя методы производства, порождая новые отрасли хозяйства, требует новых капиталовложений — автономных инвестиций. Результатом каждой порции автономных инвестиций является развертывание мультипликационно-акселерационного процесса: инвестиции порождают доходы, сумма которых тем выше, чем больше расходуемая часть доходов (склонность к потреблению); рост доходов вызывает производные инвестиции. Последние еще более увеличивают национальный доход — до тех пор, пока действие мультипликатора — акселератора не исчерпает себя. Разворачивается кумулятивный, самоподдерживающийся подъем, первоначальный стимул которому был дан автономными инвестициями.

Технический прогресс, по мнению Хансена, не только порождает автономные инвестиции, но и определяет уровень капитального коэффициента, акселератора. Поэтому интенсивность и продолжительность процесса роста определяются исключительно характером технического прогресса. Хансен особенно подчеркивает этот факт: «Ошибочно было бы предполагать, — пишет он, — что можно изучать внутреннюю природу экзогенной системы изолированно, без учета внешних спонтанных процессов»¹.

Процесс роста, порождаемый внешними факторами

¹ A. Hansen. Towards a Dynamic Theory of the Cycle. — «American Economic Review», May 1952.

(техническим прогрессом) и производным кумулятивным процессом, может, по его мнению, оказаться достаточным или, наоборот, недостаточным, чтобы использовать имеющиеся ресурсы роста занятости. «Достаточен ли этот сложный взаимосвязанный процесс роста, чтобы поглотить все увеличение рабочей силы и тем самым достигнуть полного потенциального роста реального дохода — это будет зависеть (а) от величины автономных инвестиционных возможностей, открываемых вспышкой нововведений; (б) от предельной склонности к потреблению, которая определяет величину мультипликатора; (в) от коэффициента акселерации. Этот последний не является раз и навсегда данным и изменяется вместе с изменениями техники»¹.

Что же, согласно концепции Хансена, обуславливает «точку поворота», т. е. прекращение процесса роста, исчерпание бума и поворот в сторону падения? Это причины двоякого рода. Одна группа причин определяет постепенное исчерпание автономных инвестиций — по крайней мере до тех пор, пока технический прогресс не откроет новые возможности прибыльного вложения инвестиций. К их числу относятся снижение ожидаемой нормы прибыли на капитал (предельная эффективность инвестиций) по мере роста инвестиций, увеличение цен капитальных товаров и, наконец, повышение процента. Все три причины, вместе взятые, ведут к исчерпанию автономных инвестиций. Вторая группа причин связана с ослаблением уже описанного выше «сверхкумулятивного процесса», порождаемого действием мультипликатора и акселератора. «Существуют, таким образом, — пишет Хансен, — две причины прекращения процесса экспансии (если оставить в стороне свертывание, вызываемое достижением потолка полной занятости): 1) предельная склонность к сбережению прекратила бы экспансию даже в том случае, если бы объем автономных инвестиций не снижался, и 2) объем автономных инвестиций убывает вследствие уменьшающегося наклона графика предельной эффективности инвестиций»².

¹ *A. Hansen. Towards a Dynamic Theory of the Cycle.* — «American Economic Review», May 1952, p. 80—81.

² *Э. Хансен. Экономические циклы и национальный доход*, стр. 249.

Продолжительность и интенсивность подъема, согласно концепции Хансена, определяются в решающей степени объемом и интенсивностью автономных инвестиций, на базе которых разворачиваются все производные процессы. «И когда автономные инвестиции истощаются, тогда сокращаются также стимулированное потребление и стимулированные инвестиции»¹. Прекращение или исчерпание причин повышательного движения поведет к сокращению капиталовложений и к спаду.

Поворот к новому подъему будет обусловлен также действием автоматических причин. Благодаря тому, что потребление снижается медленнее, чем доход в целом, наступит такой момент, когда потребление начнет превышать доход. Это вызовет значительное истощение запасов и проедание капитальных благ. Тем самым появится стимул к осуществлению восстановительных инвестиций, и весь процесс начнет развиваться в обратном направлении.

В механизме цикла, описываемого Хансенom, присутствуют важные количественные взаимосвязи, возникающие в процессе воспроизводства. Их анализ имеет большое значение для понимания хода циклического развития. Ограниченность, недостаточность этой теории, по нашему мнению, заключается не в том, какие взаимосвязи вскрывает и описывает Хансен, а как он объясняет их природу, их причины, каким образом он использует их для объяснения цикла в целом. В этом отношении главное внимание привлекает вопрос о том, какое объяснение дается в модели Хансена функции потребления. Последняя, как мы уже указывали, играет важную роль в общей концепции как фактор, порождающий производные инвестиции. Ослабление роста потребления постепенно сокращает спрос на производные инвестиции, и повышательное действие мультипликатора—акселератора постепенно исчерпывает себя. Почему же потребление не растет постоянным темпом в меру роста национального дохода? Ответ на этот вопрос носит коренной, принципиальный характер, он требует анализа закономерностей капиталистического способа производства.

¹ Э. Хансен. Экономические циклы и национальный доход, стр. 266.

Анализируя капитализм свободной конкуренции, Маркс показал, что тенденция к более медленному росту потребления по сравнению с возможностями производства коренится в закономерностях капиталистического способа производства, в ограниченности пределов потребления рамками стоимости рабочей силы. Государственно-монополистический капитализм накладывает свой отпечаток на действие этой закономерности, существенно изменяя отношение между ростом производства и потребления. Но у Хансена этот социальный анализ полностью отсутствует.

Констатируя наличие объективной связи между ростом потребления (или национального дохода) и ростом производных инвестиций (принцип производного спроса), кейнсианские теоретики цикла в то же время игнорируют тот факт, что эта связь в условиях капитализма осуществляется не прямо и непосредственно, а через противоречие между производством и потреблением. Плавного снижения производных инвестиций не может быть, поскольку эта связь обнаруживается насильственно — как перенакопление капитала, как чрезмерное производство, в конечном счете как кризис. Поэтому нет плавного перехода, а есть срыв, падение производства.

Упрощенно изображает Хансен и причины, обуславливающие сокращение автономных инвестиций, от которых в его теории зависит интенсивность и продолжительность фазы подъема. Сокращение этих инвестиций происходит, по Хансену, плавно в результате снижения ожидаемой нормы прибыли и исчерпания инвестиционных возможностей и факторов случайного, спонтанного порядка. В действительности этой плавности нет, и не потому, что внутренняя связь скрыта массой внешних влияний. Сокращение капиталовложений, как правило, выступает уже как результат кризиса, как итог обнаружившегося разрыва между расширением производственных возможностей в результате бурной инвестиционной деятельности в период бума и более медленным ростом конечного потребления, обусловливаемого платежеспособным спросом трудящихся масс. Исследования показывают, что в стадии подъема не происходит падения нормы прибыли, которое якобы тормозит новые капиталовложения, порождая тем са-

мым поворот вниз. Напротив, самые высокие прибыли капиталисты получают в период бума, в преддверии кризиса. Развертывание кризиса ведет к падению нормы прибыли. В то же время именно кризис благодаря обесценению капитала создает условия для ее нового роста.

Причина кризисов коренится в основном противоречии капитализма, проявляющегося в противоречии между производством и потреблением, в анархии общественного производства, в противоречии между условиями создания прибавочной стоимости и условиями ее реализации. Но эти противоречия не нашли отражения в теории экономического цикла неокейнсианских теоретиков.

2. ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕУСТОЙЧИВОСТИ ХАРРОДА

Существенной чертой неокейнсианской концепции цикла является попытка связать циклические колебания с длительными тенденциями, сповышательными и понижательными волнами в развитии капиталистического производства. Цель такого соединения — дать теоретическое объяснение специфике отдельных циклов, прежде всего различиям в глубине и продолжительности фазы кризиса. Такую попытку дать общую теорию экономической неустойчивости, основывающуюся на закономерностях роста, сделал Р. Харрод.

Анализ кратковременных, или циклических, колебаний Харрод основывает на сравнении трюистической формы своего фундаментального уравнения ($S = CG$), характеризующей фактический темп роста, с формой динамического равновесия ($S = C, G_w$). Первое уравнение, как уже было показано выше, удовлетворяется в любом случае, независимо от фазы экономического цикла. Второе же требует для сохранения определенного темпа роста соответствующего уровня капиталовложений на единицу прироста продукции. Если фактический темп роста (G), рассуждает Харрод, начнет повышаться, то, предполагая, что S не увеличилось немедленно в той же пропорции, величина C будет сни-

жаться. Она окажется ниже нормативной величины C , Результатом будет нехватка капитальных товаров — сырья, материалов и оборудования, что явится побудительным мотивом для еще большего повышения фактического темпа роста. Тем самым экономика будет все больше отклоняться от устойчивой линии развития. Те же самые явления, только противоположного характера, будут, по мнению Харрода, развиваться в условиях понижения фактического темпа роста ниже гарантированного. «Вокруг линии развития, которая, если придерживаться ее, только одна дает удовлетворение, работают центробежные силы, заставляя систему все дальше и упорнее отклоняться от требуемой линии развития»¹, — к такому выводу приходит он.

Харрод подчеркивает, что фактический темп роста складывается в результате проб и ошибок множества людей и лишь случайно может совпадать с уровнем гарантированного темпа роста. А всякое отклонение чревато еще большими отклонениями от линии динамического равновесия. «В области динамики, — пишет Харрод, — мы имеем условия, противоположные тем, которых мы придерживались в статической области. Отклонения от равновесия, вместо того чтобы быть самозатухающими, становятся самонарастающими»². Сам по себе такой вывод подрывает основное положение старой вульгарной буржуазной экономики, которая изображала капиталистический механизм производства как саморегулирующийся, в котором отклонение от состояния равновесия немедленно порождает силы, восстанавливающие это равновесие. Однако его теория вносит мало нового в понимание самих причин нарушения равновесия.

Согласно Харроду, изменение темпа роста, порождающее затем кумулятивное отклонение в ту или другую сторону, может быть вызвано чисто случайными причинами, например неравномерностью развития отдельных отраслей вследствие сезонных колебаний производства, ошибками в определении темпа роста. Теория Харрода не дает ответа и на вопрос о том, поче-

¹ Р. Харрод. К теории экономической динамики, стр. 126.

² R. Harrod. Economic Essays. London, 1939, p. 264.

му прекращается процесс расширения производства или почему прекращается кризис и начинается новый подъем.

Из этой теории следует, что пределом кумулятивного подъема являются существующее предложение рабочей силы и технические условия производства, определяющие естественный темп роста. В свою очередь и кризисное падение производства останавливает какая-либо случайная причина — новое изобретение, новый крупный строительный проект, предъявляющие спрос на инвестиции и восстанавливающие на время равенство гарантированного и действительного темпа роста, пока какая-либо новая случайная причина не вызовет расхождения между ними.

Для анализа природы циклических колебаний, продолжительности тех или иных фаз цикла, по мнению Харрода, имеет большое значение не только отношение фактического темпа роста к гарантированному (G к G_w), но и отношение гарантированного темпа роста к естественному (G_w к G_n).

Естественный темп роста — это темп, который допускается ростом населения и соответствующим ему предложением рабочей силы и техническими условиями производства. Если гарантированный темп выражает линию «предпринимательского равновесия» и не исключает «вынужденной безработицы», то естественный темп предполагает полную занятость не только производственных, но и человеческих ресурсов. Отклонения G_w от G_n будут характеризовать либо состояние хронического избытка рабочей силы (если $G_w < G_n$), либо, напротив, хронического ее недостатка (если $G_w > G_n$). Если фактический темп роста превысит гарантированный в случае, когда $G_w < G_n$, то G может превышать G_w в течение длительных периодов времени, ибо его верхней границей, определяемой основными условиями, является G_n . В этих условиях, как замечает Харрод, «нет, следовательно, причины, которая препятствовала бы хозяйству воспользоваться повторяющейся тенденцией к порождению обстановки бума»¹.

¹ Р. Харрод. К теории экономической динамики, стр. 128.

Если фактический темп превысит гарантированный в условиях превышения последним естественного темпа роста (когда $G_w > G_n$), то в этом случае такое превышение может быть чрезвычайно кратковременным. Преобладающей тенденцией будет снижение фактического темпа ниже гарантированного; депрессивное состояние экономики станет преобладающим.

Понятие «естественного темпа роста» служит в теории Харрода не только верхней и нижней границей подъема или падения производства. Расхождение между естественным и гарантированным темпами роста определяет, согласно Харроду, возникновение длительных повышательных или понижительных тенденций в развитии капиталистического производства. Он выдвигает следующий вопрос: существуют ли в капиталистическом обществе силы, которые бы автоматически уравнивали гарантированный и естественный темпы роста, другими словами, существуют ли силы, автоматически поддерживающие динамическое равновесие в соответствии с требованиями основных условий? Поскольку основным параметром темпа роста, зависящим от воли людей, являются сбережения, то исследование этого вопроса сводится к исследованию динамики сбережений. Существуют ли факторы, которые бы автоматически стимулировали такой размер сбережений, который соответствовал бы величине сбережений, определяемых условиями сбалансированного роста?

Экономисты XIX в. отвечали на этот вопрос утвердительно. Они полагали, что норма процента является тем механизмом, который автоматически приводит в соответствие спрос и предложение сбережений. Харрод отказывается от этого положения. Он утверждает, что нет таких стимулов, которые бы вели к автоматическому соответствию. Все сбережения он делит на три вида: сбережения, которые требуются на протяжении жизни, или «горбообразные» сбережения; сбережения для наследников и сбережения корпораций. Рассматривая влияние понижения нормы процента на величину сбережений, он приходит к следующему выводу: «Общий вывод из всего этого анализа остается неопределенным. Сбережения корпораций, по-видимому, растут по мере понижения процентной ставки, тогда как «горбообразные» сбережения, вероятно, пони-

жаются; влияние, оказываемое на сбережения для наследников, остается неизвестным»¹.

Такая же неопределенная связь, по мнению Харрода, существует между сбережениями и ростом национального дохода. «Только в отношении корпоративных сбережений, — пишет он, — можно говорить о существовании соответствия между сбережениями и спросом на капитал, потому что благоприятные перспективы в будущем, вероятно, должны стимулировать создание резервов компаний, но даже и в этом случае связь слаба и неопределенна»².

Таким образом, непосредственной связи между изменениями процента и ростом дохода, с одной стороны, и величиной сбережений — с другой, Харрод установить не может. Отсюда следует, что действительные сбережения могут в течение длительного времени отклоняться от тех, которые необходимы для оптимального использования существующих ресурсов, а гарантированный темп роста будет отклоняться от естественного, причем нет никаких автоматических регуляторов, которые бы побуждали к установлению этого равенства. Исходя из этого, Харрод рассматривает три возможных случая в отношениях между гарантированным и естественным темпами роста.

1) $G_w = G_n$. Этот случай представляет собой идеальную линию развития, когда используются все производственные мощности и вся наличная рабочая сила.

2) $G_w > G_n$. В этом случае, пишет Харрод, экономика будет переживать длительную стагнацию (застой).

Ход рассуждений Харрода можно проиллюстрировать на следующем примере. Пусть естественный темп роста равен 0,03. Капитальный коэффициент равен 3. Тогда норма сбережений, соответствующая естественному темпу роста, составит: $3 \times 0,03 = 0,09$. Предположим, что норма сбережений повысилась до 0,12. Тогда гарантированный темп роста должен быть равен $\frac{0,12}{3} = 0,04$. Гарантированный темп роста будет превы-

¹ Цит. по: *J. Robinson. Collected Economic Papers. Oxford, 1951, p. 162.*

² *Р. Харрод. К теории экономической динамики, стр. 162.*

шать естественный темп, т. е. тот темп, который может обеспечить экономика при данных лимитирующих условиях (естественный прирост населения, данные темпы технического прогресса и т. п.). Естественный темп роста, следовательно, не сможет вызвать такой рост инвестиций, который бы полностью использовал сбережения. Общество будет страдать от хронического перенакопления капитала. Появятся избыточные мощности, начнутся накопление запасов, банкротства, а вместе с тем и безработица. В этих условиях экономика в течение длительного периода времени будет страдать от недогрузки предприятий и хронической безработицы. Правильной политикой, по мнению автора, в этом случае будет снижение нормы сбережений, понижающее и G_w .

3) В случае, когда $G_w < G_n$ будут наблюдаться обратные явления.

Пусть норма сбережений снизится до 0,06. В этом случае гарантированный темп роста составит: $\frac{0,06}{3} = 0,02$. Естественный же темп роста, равный 0,03, представляет спрос на норму сбережений в 0,09. Таким образом, появится хроническая нехватка сбережений. Спрос на инвестиции будет постоянно превышать их предложение со всеми вытекающими отсюда последствиями — более интенсивным использованием оборудования, ростом прибылей, инфляцией и т. д. В этом случае, пишет он, целесообразно повышение нормы сбережений, что соответственно повысит и G_w , приблизив его к величине G_n .

«Таким образом, — пишет американский экономист Курихара, сторонник этой теории, — можно сформулировать, что до тех пор, пока гарантированный темп превышает автономный (таким термином Курихара называет естественный темп роста. — И. О.), сбережения имеют дефляционную силу. Логически отсюда вытекает необходимость уменьшения сбережений. Наоборот, пока гарантированный темп ниже автономного, сбережение представляет собой инфляционную силу. В этом противоположном случае необходимо увеличение сбережений»¹.

¹ «Economics and Public Interest», ed. by Solo, 1955, p. 276.

Английский экономист У. Элтис, подробно анализирующий модель Харрода (он рассматривает при этом еще и роль технического прогресса, и связь темпов роста с нормой прибыли), приходит к тому же выводу: «Поскольку многие решения относительно сбережений прямо не связаны с инвестиционными возможностями, G_n и G_w будут совпадать лишь в порядке случайной случайности. Нет надежды и на то, что C_r или S будут естественно изменяться, так, чтобы уравнивать их. Предпосылкой непрерывного роста в условиях полной занятости и отсутствия чрезмерного спроса на рабочую силу является то, что правительство будет уравнивать G_w и G_n , изменяя C_r путем регулирования социальных инвестиций или изменяя S через бюджет»¹.

В анализе проблемы сбережений наиболее ярко проявляются сходство и отличие теории Харрода и теории Кейнса. У Кейнса отношение к сбережениям сугубо отрицательное. Сбережения, по его мнению, лишь вычит из эффективного спроса, и, если они не компенсируются расширением инвестиционной деятельности, национальный доход будет снижаться. У Харрода отношение к сбережениям, как видим, двойственное, зависящее от определенных экономических условий. «Сбережение добродетельно и полезно, пока G_w ниже, чем G_n . Но если превышение G_w над G_n оказывается разрушительным, то нельзя считать хорошим и такое положение, при котором G_w окажется слишком низким по сравнению с G_n . Хотя мы имеем избыток бумов и часто повторяющуюся тенденцию к достижению полной занятости, однако эта высокая занятость будет иметь инфляционный и поэтому нездоровый характер. В этих условиях сбережение является добродетельным, поскольку повышение G_w дает нам возможность иметь хорошую занятость без инфляции. Но как только G_w начинает превышать G_n , сбережение становится силой, толкающей экономику в сторону депрессии»².

Сравнения различных темпов роста в теории Харрода привлекают внимание своей простотой и строгой последовательностью в аргументации. Автор вынужден довольно критически подойти к способностям капита-

¹ W. A. *Eltis*. *Economic Growth*. London, 1966, p. 97.

² P. *Харрод*. К теории экономической динамики, стр. 128.

лизма как саморегулирующегося механизма. Он показывает, что капитализм не способен следовать линии устойчивого развития даже с точки зрения длительной перспективы, игнорируя «кратковременные колебания». И хотя автор, как и Хансен, не дает удовлетворительного ответа на вопрос о причинах, порождающих те или иные отклонения (они оказываются за пределами его исследования)¹, в то же время его теория выдвигает ряд проблем, важных для понимания механизма развертывания цикла.

Харрод более широко, чем сторонники концепции мультипликатора — акселератора, ставит проблему барьеров экономического роста, делая тем самым практический шаг вперед в деле разработки концепции неоклассического синтеза в этой области. В этой связи, по нашему мнению, большое значение имеет его концепция естественного темпа экономического роста (или потенциально возможного), определяемого техноэкономическими и естественными ресурсами страны, включая естественный прирост населения.

Этот темп образует «потолок» для реального роста производства в течение короткого отрезка времени. Превышение этого темпа порождает диспропорции и расстройство экономической системы, по своим результатам аналогичные тем, которые связаны с диспропорциями между ростом производства и увеличением платежеспособного спроса. (Маркс, как известно, подчеркивал, что последнее является частным случаем общей тенденции капиталистического производства к диспропорциональности.)

¹ Сам Харрод оценивает свою теорию как вступление к теории цикла, которую предстоит еще развить. По его мнению, она носит более общий характер, «так как связывает природу цикла с отклонениями от основных лимитирующих рост условий. Что касается других концепций — лагов, денежных, психологических, то все они могут найти место в рамках этой более общей теории, так как они касаются причин отклонений. Явления, которые они объясняют, дают, по-видимому, начало циклу» (Р. Харрод. К теории экономической динамики, стр. 157).

ОТ НЕОКЕЙНСИАНСКОЙ К НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ. НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРОИЗВОДСТВА И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СТОИМОСТИ

1. КРИТИКА НЕОКЕЙНСИАНСКОЙ МАКРОДИНАМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Приблизительно с середины 50-х годов проблемы макроэкономической динамики, бывшие долгое время почти исключительной монополией кейнсианских методов исследования, все в большей степени начинают анализироваться на основе неоклассической теории производства. На базе критики неокейнсианской концепции роста возникает неоклассическая теория роста.

Центральные проблемы неоклассической теории роста идентичны тем, которые поставили и пытались решить кейнсианские теоретики (Харрод, Домар и др.). Это, во-первых, факторы, определяющие устойчивый темп экономического роста; во-вторых, механизм отклонений от состояния устойчивого темпа роста; в-третьих, масштабы и формы вмешательства в экономическую систему извне. И кейнсианцы, и неоклассики стремятся выделить те экономические параметры, на которые должна ориентироваться экономическая политика, а также определить те инструменты экономического регулирования, с помощью которых государство могло бы оказывать свое воздействие на эти параметры.

Общность проблем говорит о том, что возникновение неоклассической теории роста произошло под значительным влиянием кейнсианства. Подобно тому как неокейнсианские теории роста выросли из критики

теории Кейнса — критика была направлена против статического характера его концепции, — так неоклассическая теория роста выросла из критики ограниченности неокейнсианских моделей роста.

Чтобы показать эту связь, напомним вкратце основные черты модели роста Р. Харрода.

1. Темп роста является функцией только одной переменной величины — накопления капитала. Это следует из его формулы темпа роста $G = \frac{S}{C_r}$ (где G — темп роста, S — величина накопления, C_r — требуемый капитальный коэффициент). Поскольку величина капитального коэффициента фиксирована техническими условиями, то темп роста G целиком зависит от изменения S , т. е. сбережений общества, или нормы накопления.

2. Отсюда устойчивый, гарантированный темп роста (G_w) определяется постоянством двух величин — постоянством доли сбережений в доходе (S) и постоянством капиталоемкости (C_r).

Между этими двумя величинами, согласно Харроду, нет функциональной связи, в результате которой повышение S компенсировалось бы ростом C_r , и наоборот, так что G_w в конце концов оставалось бы прежним. S , согласно теории Харрода, определяется причинами психологического характера. C_r , т. е. капиталоемкость, фиксирована техническими условиями производства и определяется законом нейтрального технического прогресса.

Разноплановость причин, определяющих динамику S и C_r , по теории Харрода, обуславливает отсутствие механизма, который бы в случае нарушения равновесия приводил автоматически к его восстановлению. Если возвращение S к уровню C_r обеспечивает сам технический прогресс, то возвращение S к необходимому уровню может обеспечить только государство с помощью соответствующей бюджетной политики. Неоклассики обрушились на эту концепцию по трем направлениям.

Первое. Прирост общественного продукта (или национального дохода) не является только функцией накопления капитала. Он является функцией основных факторов производства, каковыми являются труд, ка-

питал и земля, а также технического прогресса, повышающего производительность каждого из факторов в отдельности.

Второе. Капиталоемкость не является величиной, строго фиксированной техническими условиями производства. В каждый данный момент одна и та же величина производства может быть получена более капиталоемкими или более трудоемкими способами — все зависит от «цены» факторов производства. Последняя в свою очередь определяется соотношением спроса и предложения соответствующего фактора.

Третье. Но если существует связь между величиной капиталоемкости и величиной накопления (в формуле Харрода — между C_r и S), то эта связь обеспечивает сохранение определенного соответствия между ними, а следовательно, и тенденцию к поддержанию гарантированного темпа роста автоматически. Это аргументируется приблизительно следующим образом: при росте S , ускоряющем накопление капитала, цена этого фактора начинает падать в отношении к цене труда. Это является стимулом к использованию более капиталоемких методов производства. C_r будет повышаться, так что G_w в конце концов останется неизменным. Единственным условием автоматического поддержания состояния равновесия является здесь способность кредитно-денежной политики соответствующим образом регулировать норму процента.

Прежде чем перейти к более подробному критическому анализу неоклассической теории роста, попытаемся рассмотреть, опирается ли неоклассическая критика в той специфической форме понятий и концепций, которыми она оперирует, на явления реального процесса воспроизводства, которые обойдены в кейнсианской модели роста?

Некоторые размышления над этим вопросом приводят к выводу, что критика кейнсианской модели является в большинстве случаев небезосновательной.

Во-первых, по поводу факторов, определяющих рост производства. Действительно в модели Харрода прирост национального дохода обеспечивается исключительно новыми капиталовложениями, т. е. приростом

капитала. Новая рабочая сила вовлекается в процесс производства только в той мере, в какой делаются капиталовложения. А так как технические условия производства строго фиксированы, то капиталовооруженность сохраняется неизменной. В этой модели нет места такому приросту, который был бы связан с привлечением дополнительной рабочей силы к имеющемуся оборудованию путем более высокой степени его загрузки, а также вследствие улучшения организации производства. Предполагая неизменным капитальный коэффициент, она отвлекается от повышения отдачи существующего оборудования или внедрения нового, значительно более эффективного, чем существующее. Она не допускает возможность выбора между более или менее капиталоемкими методами производства. И в этом смысле стремление неоклассиков рассмотреть влияние других факторов, кроме накопления, на рост производства является резонным.

Но встает вопрос: может быть, с точки зрения длительного роста имеет значение только один фактор — прирост капитала, поскольку расширение за счет остальных причин, без дополнительных капиталовложений, носит кратковременный, ограниченный характер и в длительном аспекте ими можно пренебречь? В этом есть определенный смысл. И все же думается, что критика кейнсианской модели неоклассиками в этом аспекте вполне справедлива, так как теория роста должна ориентироваться не только на какие-то безгранично большие периоды времени, с точки зрения которых всеми факторами, кроме накопления капитала, можно пренебречь. Теория должна показать значение интенсивных и экстенсивных факторов в росте производства и в рамках вполне обозримых периодов. Так, например, нельзя понять специфики экономического роста ряда капиталистических стран Западной Европы в послевоенный период, в частности ФРГ, если не учитывать резко увеличения занятости и повышения степени загрузки наряду с ростом капиталовложений. Этот фактор оказывал огромное влияние на различия в соотношении нормы накопления и прироста продукции между развитыми капиталистическими странами: в странах с высокими темпами роста занятости, как правило, на единицу прироста продукции требовалось

значительно меньше капиталовложений, чем в странах с низким приростом занятости¹.

Еще более важное значение имеет рост занятости для экономически слаборазвитых стран, испытывающих острую нужду в капиталовложениях и обладающих огромными ресурсами рабочей силы. Не случайно, что «однофакторная» модель Харрода не получила признания среди экономистов слаборазвитых стран, которые с гораздо большим вниманием относятся к «многофакторным» моделям экономического роста.

Второе. По поводу неизменности, фиксированности капитального коэффициента. Эта предпосылка представляет собой также уязвимое звено харродовской концепции. Выше уже было показано, что если опираться на статистические исследования коэффициента капитал—продукт за длительный период времени, то за столетний период он действительно остался приблизительно на одном уровне, так как период его повышения — до 20-х годов XX в. — сменился затем его понижением. Но сами периоды повышения и понижения достаточно продолжительны, чтобы можно было игнорировать эти повышательные и понижательные тенденции и говорить об общей тенденции капитального коэффициента к постоянству. Капитальный коэффициент может повышаться и понижаться в зависимости от того, в каком соотношении находятся темпы роста капиталовооруженности и производительности труда. Если капиталовооруженность растет быстрее производительности, капиталоемкость будет повышаться. Напротив, более быстрый рост производительности труда по сравнению с капиталовооруженностью будет вести к увеличению «отдачи» основных фондов, к снижению капиталоемкости. Это соотношение в длительном плане определяется в значительной степени осо-

¹ В Японии, ФРГ, Италии, где послевоенный рост сопровождался высокими темпами увеличения рабочей силы, указанное соотношение в среднем за период 1949—1959 гг. составляло соответственно 2,5, 3,3 и 3,7%, в то время как в США и Англии — странах с низкими темпами роста занятости — 5,5 и 6,7% соответственно. (Нужно иметь в виду, что на эти коэффициенты действовали и другие факторы, которые здесь не упоминаются. См. «Новые явления в накоплении капитала в империалистических странах». М., 1967.)

бенностями технического прогресса и структурных сдвигов.

Но большое значение имеет и другой фактор, чисто экономического характера, — это заработная плата, или цена рабочей силы. Чем дешевле рабочая сила, чем она доступнее, тем меньше стимулов для внедрения более высокопроизводительного, но и более дорогого оборудования. Это особенно характерно для слаборазвитых стран. Напротив, рост заработной платы становится мощным стимулом, побуждающим применять более капиталоемкие способы производства.

Наконец, третье. Неоклассическая критика завершается тезисом о существовании причин, ведущих к восстановлению равновесия в экономической системе между сбережениями и инвестициями. Этот тезис прямо противоположен выводам Харрода о том, что экономик «балансирует на острие ножа» и склонна к развязыванию центробежных сил.

В данном вопросе обе стороны одинаково далеки от объяснения коренных причин неустойчивости капиталистического производства. В анализе этой проблемы они ограничиваются техноэкономической стороной производства. Что касается условий равновесия и причин, их нарушающих, то это как раз тот стык, где факторы, определяющие рост производства вообще, должны соприкоснуться с производственными отношениями, определяющими противоречия капиталистического способа производства и специфические формы его движения. Но и неокейнсианцы, и неоклассики обходят анализ социально-экономических проблем. Факторы, нарушающие равновесие, как и факторы, восстанавливающие его, они связывают с процессами естественно-психологического свойства, с законом убывающей производительности и т. п. Но даже при всей оторванности от исследования реальных противоречий, нам кажется, что позиция Харрода в данном вопросе является более трезвой. Его выводы больше соответствуют реальному положению вещей о внутренней неустойчивости капиталистической системы хозяйства, нуждающейся в государственном вмешательстве для своего развития.

Подытоживая все сказанное, можно прийти к выводу, что неоклассическая критика кейнсианской тео-

рии роста подмечает ряд действительных слабостей этой теории — особенно, когда речь идет о техноэкономических аспектах процесса роста. Однако неоклассическая теория роста развивается на базе применения основных принципов неоклассической теории производства и распределения к анализу макроэкономических проблем. Последняя определяет вульгарно-апологетический характер ее теоретических основ. В то же время математический аппарат, используемый неоклассической теорией производства, прежде всего аппарат производственных функций, дал стимулы к разработке полезных методов исследования некоторых количественных пропорций роста. Поэтому встает задача всестороннего критического анализа как теоретических предпосылок неоклассической концепции роста, так и того математического инструментария, который она использует в целях количественного анализа факторов экономического роста.

2. НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ

Неоклассическая теория производства сложилась к концу прошлого века на базе вульгарной концепции факторов производства Сэя, логическая структура которой была дополнена понятиями предельной производительности факторов, или их предельных продуктов. Хотя элементы этой теории находят еще у Тюнена (1783—1850), а позднее у Дживонса (1835—1882), в своем законченном виде она принадлежит перу американского экономиста Д. Б. Кларка (1847—1938).

Сущность этой теории состоит в следующем¹. Стоимость продукции создается тремя основными производственными факторами — трудом, капиталом и землей. Каждый из них участвует в процессе производства, и потому все они в равной мере являются производительными, каждый из них в одинаковой мере созда-

¹ Подробную критику этой теории см.: *А. Милейковский, С. Никитин, Р. Энгов. Эволюция маржинализма: буржуазные теории стоимости и цены.* — «Вопросы экономики», 1968, № 12; *С. М. Никитин. Теория стоимости и их эволюция.* М., 1970.

ет стоимость. Участие каждого из факторов в создании стоимости продукции определяется его предельной производительностью, или величиной создаваемого им предельного продукта.

Гипотеза о существовании предельного продукта основана на том предположении, что в неизменных технических условиях увеличение одного из производственных факторов при неизменной величине других будет вести к снижающемуся приросту продукции. Предельным продуктом в этом случае называется прирост продукции, полученный в результате увеличения данного производственного фактора на единицу при неизменной величине всех остальных факторов.

Категория предельного продукта, согласно этой гипотезе, является подвижной, изменчивой. Она зависит от изменения структуры производственных факторов, от изменений в соотношении их темпов роста. Так, например, если темпы роста капитала будут обгонять темпы роста труда, предельная производительность капитала будет падать, и, наоборот, если будет увеличиваться предложение труда, будет падать предельная производительность труда.

Предельный продукт, согласно этой теории, является именно тем уровнем, который определяет «справедливый», «естественный» уровень дохода, выплачиваемого каждому из производственных факторов. Если отсутствуют препятствия для свободной конкуренции, если относительные «цены» факторов свободно изменяются в соответствии с изменениями предельной производительности, если отсутствует государственное вмешательство, а также монополия, перераспределяющая доходы, то, как это следует из теории предельной производительности, заработная плата, прибыль, рента будут пропорциональны предельной производительности соответствующих факторов.

В этой теории, таким образом, процесс производства и распределения имеет единую основу — предельный продукт факторов. Стоимость продукции определяется как сумма произведений количества каждого из производственных факторов на его предельную производительность, и эти же слагаемые суммы функционально определяют долю факторов при распределении общественного продукта.

Эта теория получила и соответствующую математическую форму выражения в виде производственной функции. При этом предполагается, что (1) каждый из производственных факторов способен бесконечно делиться, так что возможно любое их сочетание для производства данного количества продукции, (2) любое бесконечно малое изменение каждого из факторов влечет за собой какое-то изменение общей величины продукции, так что можно говорить о наличии функциональной зависимости между стоимостью продукции и факторами ее производства. При таких условиях данную функцию можно дифференцировать, интегрировать, причем первые частные производные этой функции будут измерять предельный продукт каждого из производственных факторов. Если предположить далее независимость производственных факторов, постоянную эффективность от увеличения масштабов производства, отсутствие технического прогресса, то полное приращение этой функции выразится формулой

$$dY = dK \frac{\partial Y}{\partial K} + dL \frac{\partial Y}{\partial L} + dN \frac{\partial Y}{\partial N},$$

где dY — прирост продукции;
 dK — прирост капитала;
 dL — прирост труда;
 dN — прирост земли;
 $\frac{\partial Y}{\partial K}$ — предельный продукт капитала;
 $\frac{\partial Y}{\partial L}$ — предельный продукт труда;
 $\frac{\partial Y}{\partial N}$ — предельный продукт земли.

Поскольку земля N принимается за величину постоянную, то последний член равен нулю и поэтому из анализа опускается.

Стоимость продукции определяется, таким образом, как сумма произведений величины каждого из производственных факторов на его предельный продукт. В то же время доля каждого из факторов функционально определена его количеством и его предельной производительностью.

Если факторы оплачиваются в соответствии со своим предельным продуктом, то вся сумма продукции распределяется без остатка. Предполагается при этом, что технический прогресс увеличивает производительность каждого фактора в одинаковой мере, так что он не оказывает влияния на распределение стоимости продукции между ними.

Перед нами, таким образом, теория производства и распределения стоимости, выступающая как антипод марксистской теории эксплуатации, ибо здесь каждый производственный фактор — автономный участник создания стоимости и потому равноправный партнер в ее дележе. «Производственный» вклад каждого из факторов является естественной, «справедливой» основой для распределения стоимости продукции. Главное назначение этой теории и состояло в том, чтобы обосновать этот тезис. Об этом откровенно писал в свое время Д. Б. Кларк: «Благосостояние трудящихся классов зависит от того, получают ли они много или мало; но их позиция по отношению к другим классам — и тем самым устойчивость общественного организма — зависит главным образом от того, равняется ли получаемая ими сумма, независимо от ее размера, тому, что они производят. Если они создают небольшую сумму богатства и получают ее полностью, им незачем стремиться к социальной революции; но если бы обнаружилось, что они производят большую сумму и получают только часть ее, то многие из них стали бы революционерами и были бы правы. Над обществом тяготеет обвинение в том, что оно «эксплуатирует труд»... Если бы это обвинение было доказано, всякий здравомыслящий человек стал бы социалистом, и его стремление переделать систему производства было бы мерилом и выражением его чувства справедливости»¹.

На этот факт указывают и некоторые другие западные экономисты. Известный американский экономист Б. Селигмен подчеркивал, что эта теория родилась как реакция на Марксову теорию стоимости. «Карл Маркс придал классической доктрине такое направление, которое вызывало беспокойство. Казалось,

¹ Дж. Б. Кларк. Распределение богатства. М.—Л., 1934, стр. 40—41.

что необходимо дать отпор этой тенденции, и маржиналистская доктрина, вероятно, преследовала указанную цель»¹.

Однако, несмотря на свою внешнюю стройность, эта теория грешит существенными логическими противоречиями. Начать с того, что в действительности она не доказывает того главного, что была призвана доказать, — отсутствие эксплуатации. На это противоречие теории производства указал в свое время И. Г. Блюмин.

Предполагая убывающую производительность труда каждого последующего рабочего при неизменной величине капитала, Кларк делает вывод, что заработная плата будет определяться величиной продукции, производимой последним из нанятых рабочих. Общая сумма зарплаты выразится, таким образом, в виде части всего продукта. Остальная часть будет выплачена в виде процентов или прибыли. Блюмин показывает, что теория Кларка вовсе не опровергает теорию эксплуатации. Если предположить убывающую производительность труда — а именно из этого исходит Кларк, — то приходится, если быть последовательным, заключить, что весь продукт создается трудом, но в виде зарплаты выплачивается лишь та его часть, которая соответствует наименьшей производительности. «Следовательно, капиталист объегоривает рабочих, и мы имеем перед собой эксплуатацию рабочих». Если же предположить одинаковую производительность труда всех рабочих, то тогда невозможно объяснить, откуда же получается доход в виде процента. «Таким образом, — заключает Блюмин, — мы стоим перед двумя возможностями:

а) или производительность рабочих одинакова, тогда нельзя объяснить остаточным способом процент и
б) или производительность отдельных рабочих неодинакова, тогда процент получает единственное объяснение как продукт эксплуатации рабочих»².

Теория производства и основанная на ней теория распределения содержат и другое логическое противоречие, обусловливаемое подменой понятий или вуль-

¹ Б. Селигмен. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968, стр. 145.

² И. Г. Блюмин. Критика буржуазной политической экономии, т. I. М., 1962, стр. 374.

гарным, поверхностным истолкованием тех категорий, которыми она оперирует.

Как мы уже подчеркивали, теория производства претендует на объяснение источников стоимости продукции и закономерностей ее распределения, т. е. на объяснение явлений социально-экономических. Но для этого необходимо процесс производства анализировать как социально-экономический процесс. Именно такой подход характерен для Марксовой трудовой теории стоимости. Поставив своей задачей вскрыть происхождение прибавочной стоимости, а следовательно, место и роль рабочего класса в системе капиталистического производства, Маркс обратился к анализу самого процесса труда. Он показал, что этот процесс представляет собой единство конкретного труда, воплощающегося во всем многообразии потребительских благ, и труда абстрактного, создающего стоимость, т. е. ту лишенную конкретной формы субстанцию, которая лежит в основе общественного богатства, капитала, национального дохода, прибыли, зарплаты и т. п. Движение этой субстанции, как показал Маркс, и определяет закономерности капитализма; вокруг нее разворачиваются основные классовые конфликты. Трудовая теория стоимости отвечает на вопрос: что является конечным источником национального и общественного богатства в целом? Этим источником является человеческий труд, который благодаря своей двойственной природе одновременно создает новую стоимость и переносит старую, воплощенную в средствах производства. На этом уровне абстракции единственным фактором производства следует считать человека и его способность трудиться—создавать необходимые для жизни общества блага. Тем самым дается научный критерий для оценки социально-экономической природы общественного строя, роли классов, его составляющих, противоречий, определяющих его движение.

Неоклассическая же теория производства рассматривает процесс производства как чисто техноэкономический процесс, как процесс создания потребительных стоимостей. Опирируя факторами производства в их чисто техническом проявлении, она просто неспособна проникнуть в закономерности производства и распределения стоимости. Она исходит из поверхностных от-

ношений производства и распределения. На поверхности общественного производства орудия и предметы труда отчуждены от непосредственного производителя, участника самого процесса производства — рабочего. Они выступают как чья-то собственность, как капитал, без которого процесс производства невозможен. Они выступают как обособленный фактор производства, не имеющий ничего общего с другим его фактором — рабочей силой. Эта фетишизация производственных отношений, принимаемая в качестве исходного теоретического постулата, становится таким образом основой, на базе которой вырастет вульгарная теория производства и распределения стоимости, вуалирующая и эксплуататорскую сущность капитализма. Тем самым «капитал», который в действительности является овеществленным человеческим трудом, превращается в особый фактор производства, предъявляющий «естественное» право на долю в продукте.

Неоклассическая теория производства по сути дела явилась шагом к анализу техноэкономических взаимосвязей, определяющих процесс создания продукта, национального дохода как совокупной ценности потребительных стоимостей. И в этом ее рациональное содержание.

Анализ факторов в действительности имеет дело не со стоимостными, и следовательно, общественными, а с техноэкономическими взаимосвязями, определяющими процесс создания национального дохода как совокупности потребительных стоимостей.

Следовательно, когда говорят о роли отдельных факторов в создании стоимости продукции, то следовало бы уточнить, что речь идет о роли отдельных факторов в создании или росте совокупной ценности потребительных стоимостей, образующих национальный доход (или продукт какой-то отрасли). А так как эту совокупную ценность лучше всего измерять в постоянных ценах, то в анализе рассматривается движение физического объема национального дохода и факторов, его создающих¹.

¹ Следовательно, когда в дальнейшем мы будем говорить о «стоимости» продукции, то необходимо иметь в виду, что речь идет о совокупности потребительных стоимостей, выраженной в постоянных ценах.

Из этого следует, что вульгарно-апологетический характер неоклассической теории производства определяется не тем, что в ней используются производственные функции и аппарат функционального анализа (а вместе с ним неизбежно и предельные величины) — этот аппарат выполняет лишь роль рабочего инструмента, — а теми специфическими предпосылками, вульгарно-апологетическим толкованием понятий и категорий, которыми она оперирует.

Поэтому, критикуя теоретические основы неоклассической теории роста, необходимо в то же время внимательно разобраться, какие реальные техноэкономические взаимосвязи можно исследовать с помощью производственных функций, какие процессы экономического роста можно с их помощью изучить. Предполагая существование определенной количественной зависимости между величиной национального дохода (или выпуском продукции) и объемом применяемых ресурсов труда и капитала, можно — при определенных реалистических допущениях — выразить эту зависимость в виде производственной функции и использовать аппарат функционального анализа для количественного определения некоторых взаимосвязей производства. В таком анализе важную роль играют предельные величины. Частные производные объема выпуска от приращения одного из факторов при стабильности всех остальных (показатели предельных продуктов) позволяют определить влияние каждого из производственных факторов в отдельности на рост продукции. Они дают возможность соизмерять производственный эффект при замещении одного фактора другим, при выборе различных вариантов соотношения между ними, т. е. более капиталоемких или более трудоемких путей развития экономики.

Таким образом, производственная функция имеет реальный смысл (в рамках принятых ограничений), если рассматривать ее как модель, отражающую количественно участие или роль отдельных производственных факторов в создании совокупности потребительных стоимостей. Но она иррациональна, если приписывать ей качественные характеристики производственного процесса как процесса создания стоимости и ее распределения.

Однако при использовании производственных функций для количественного измерения влияния отдельных производственных факторов на объем и темпы роста выпуска продукции возникает целый ряд сложных методических проблем другого рода.

Правомерно ли вообще использование аппарата функционального анализа в экономике? Как выбрать форму функциональной зависимости? Как определить параметры функции и каков их экономический смысл?

Необходимыми предпосылками функционального анализа являются условия полной независимости факторов роста, их взаимозаменяемости, возможности приращения одного фактора при постоянстве других, и т. п. Часто против такого метода изоляции отдельных факторов с целью количественной оценки их роли в увеличении выпуска продукции возражают на том основании, что в создании потребительных стоимостей все факторы участвуют вместе — в этом смысле они комплементарны, — так что нельзя утверждать, что одна часть продукции создана с помощью труда, другая — с помощью капитала и т. п. Однако никто такого абсурдного вывода и не делает. Речь идет о методе научной абстракции, с помощью которого можно было бы отделить влияние одного фактора от всех остальных и измерить его. Здесь можно провести определенную аналогию с анализом элементов стоимости: в стоимости товара мы выделяем перенесенную стоимость и вновь созданную, хотя в процессе производства создание новой стоимости и перенесение старой — это единый процесс и невозможно сказать, что одна часть продукции является воплощением перенесенной стоимости, а другая — вновь созданной.

Используя функциональный анализ, приходится идти, конечно, на определенные допущения. Однако, по нашему мнению, эти допущения согласуются с тенденциями, проявляющимися на протяжении длительных отрезков времени. Это оправдывает использование функционального анализа в качестве метода абстракции, выделяющего существенные экономические связи.

Сложность проблемы упирается в выбор типа производственной функции для описания реально существующих взаимосвязей и в определение ее параметров. Надо сказать, что эта проблема осложняется следую-

щим вполне реальным противоречием: чем проще функциональная зависимость, с помощью которой выражается реально существующая взаимосвязь, тем легче использовать ее для конкретных статистических расчетов и конкретного статистического анализа. В то же время, чем более упрощенные предпосылки должны быть положены в основу анализа, тем больше опасность отрыва от действительных процессов, происходящих в производстве, тем осторожнее следует подходить к оценке результатов анализа. Напротив, чем полнее вид производственной функции отражает всю сложность производственных взаимосвязей, тем труднее оперировать ею для реальных статистических расчетов, тем меньше, как это ни парадоксально, практическая ценность такой производственной функции¹.

Современная буржуазная литература по данному вопросу является наглядным выражением этого противоречия. Формальный анализ, связанный с выбором вида производственной функции, зашел очень далеко: он превратился в своего рода «искусство для искусства». В то же время статистический анализ, как правило, базировался и базируется на простейших типах производственных функций.

¹ Сущность анализа с помощью производственных функций, а также классификация производственных функций и возможность их использования для прогнозирования рассматриваются в работе «Прогнозирование капиталистической экономики. Проблемы методологии». М., 1970.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ И АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Рассмотренная выше неоклассическая теория производства послужила отправным пунктом для нового в буржуазной политэкономии подхода к анализу макроэкономических проблем. Среди них центральное значение приобрела проблема количественной оценки роли отдельных факторов экономического роста. Основой для решения этой проблемы послужила идея производственной функции, с помощью которой неоклассическая теория производства стремилась выразить основные свои постулаты. При этом сама неоклассическая теория производства, будучи использованной для анализа макроэкономических проблем, трансформировалась в теорию роста. Существование этой трансформации можно охарактеризовать как сдвиг от проблемы определения «цен» производственных факторов и оправдания существующей системы распределения дохода к исследованию макроэкономических факторов роста¹.

¹ «Микроэкономическая теория производства сливается незаметно с теорией распределения; трудно писать об одной, чем нарушая границ другой, — писал американский экономист Р. Соллоу. — Аналогичным образом, когда теория производства рассматривается в макроэкономическом плане, она незаметно сливается с теорией роста» (R. Solow. Recent Theoretical and Empirical Developments in Production Theory. — «Theory and Empirical Analysis of Production». New York — London, 1967, p. 28).

1. СМЫСЛ И ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ КОББА—ДУГЛАСА

Наиболее распространенными типами производственных функций, использующимися в теоретическом и статистическом анализе, являются в настоящее время различные модернизированные варианты функции Кобба—Дугласа.

В 1928 г. американский экономист П. Дуглас с помощью математика Кобба предпринял первую попытку определить эмпирическим путем влияние затрат капитала и труда на величину продукции в обрабатывающей промышленности США. Они хотели проверить, действительно ли статистический анализ сможет подтвердить существование законов предельной производительности. Статья так и называлась: «Существуют ли законы производства?»¹

П. Дуглас использовал в своем анализе три индекса, отражавшие динамику в течение 1899—1922 гг. основного капитала, количества отработанных человеко-часов рабочих и служащих и физического объема продукции в обрабатывающей промышленности США. Располагая этими показателями, он поставил перед собой три задачи:

1. Определить формулу, которая наиболее точно описывает характер отношения между ростом продукции, с одной стороны, и ростом затрат труда и капитала — с другой.

2. Найти параметры этой формулы.

3. Сравнить показатели, полученные на основе формулы, с фактическим ростом производства, определить степень приближения расчетной величины продукции к фактической.

Вся математическая часть работы была проделана Коббом. При этом в качестве исходных предпосылок были приняты следующие условия:

- (а) Продукция является функцией только двух факторов — труда и капитала, способных безгранично замещать друг друга.

- (б) Отдача каждой единицы труда и капитала постоянна.

¹ P. Douglas. The Theory of Wages. New York, 1957.

(в) Степень интенсивности использования труда и капитала постоянна.

(г) Зависимость носит линейный характер, т. е. если оба фактора увеличиваются в m раз, то и продукция увеличивается в m раз. Другими словами, если отношение между трудом и капиталом не меняется, если капиталовооруженность остается постоянной, то продукция увеличивается лишь в той мере, в какой растут оба производственных фактора. Это условие говорит о том, что отдача, или эффективность производственных факторов, не зависит от масштабов производства (constant returns of the scale).

В соответствии с этими условиями была выбрана функция типа $Y = AK^\alpha L^\beta$, где A , α и β — параметры функции.

Причем A — это коэффициент пропорциональности, а α и β — показатели, характеризующие влияние каждого из факторов на объем продукции, или коэффициенты эластичности по затратам труда и капитала. Параметры функции α и β были получены на базе метода наименьших квадратов при условии, что $\alpha + \beta = 1$. Величина A при этом оказалась равной 1,01, $\alpha = 0,25$, $\beta = 0,75$, и вся функция получила вид

$$Y' = 1,01K^{0,25}L^{0,75}.$$

Сравнение индекса фактического объема производства с индексом, полученным с помощью формулы, показало, что расчетный индекс отражает общую тенденцию динамики производства. Отклонения были связаны главным образом с тем, что полученная функция не отражала роста или падения производства, обусловленных увеличением или снижением использования производственных мощностей. «В периоды депрессии значительная доля основного капитала остается неиспользованной, и наш индекс, следовательно, преувеличивает соответствующие величины. Напротив, в периоды процветания наличие сверхурочных часов и дополнительных смен приводит к более интенсивному использованию оборудования; в результате всего этого наш индекс сводит к минимуму изменения, происходящие между периодами депрессии и оживления... Следует поэтому ожидать, что расчетный индекс продукции Y' , построенный на базе индексов L и K , будет

выше фактического индекса продукции Y во время депрессии и будет ниже Y во время процветания», — писал П. Дуглас¹. Сравнение показало, что в депрессивные годы — 1908, 1911, 1914 и 1921 — расчетный индекс Y' был выше фактического соответственно на 9, 7, 1 и 8%. В годы рецессий или слабых депрессий — 1900, 1903, 1904 и 1910 — Y' был выше соответственно на 6, 2, 1 и 1%.

В годы оживления и процветания — 1902, 1905, 1906, 1907, 1912, 1913, 1916 и 1922 — Y' был ниже соответственно на 1, 7, 7, 2, 4, 5, 7 и 13%. Эти все отклонения характеризуются таблицей на стр. 95.

Таким образом, показатели, полученные в результате теоретического расчета, образуют линию, вокруг которой колеблются фактические данные с большей или меньшей степенью отклонения.

Исследование Дугласа и Кобба имело два важных последствия.

Во-первых, для всех сторонников неоклассической теории производства полученные ими эмпирические оценки параметров функции α и β явились как бы подтверждением реальности постулатов этой теории. Дело в том, что, если предположить, что «цены» производственных факторов, т. е. прибыль и заработная плата, равны их предельным продуктам (как это следует из неоклассической теории производства), а предельные продукты в свою очередь определить как частные производные функции по труду и капиталу, тогда α и β в функции $Y = AK^\alpha L^\beta$ (при условии, что $\alpha + \beta = 1$) могут быть измерены как доли капитала и труда в национальном доходе. Обозначим уровень прибыли и зарплаты соответственно P и W . Тогда:

$$P = \frac{\partial Y}{\partial K} = \alpha \frac{Y}{K}; \quad \alpha = \frac{PK}{Y},$$

т. е. α — это доля капитала в доходе.

$$W = \frac{\partial Y}{\partial L} = \beta \frac{Y}{L}; \quad \beta = \frac{WL}{Y};$$

следовательно, β — доля труда в доходе. Расчет этих долей буржуазной статистикой обычно

¹ P. Douglas. The Theory of Wages, p. 135.

**Фактический и расчетный индексы
производства США¹ (в %)**

Годы	Индекс произ- водства Дэй (Y)	Индекс, рас- считанный по формуле (Y')	Отклонение Y' от Y (Y' - Y)	$\frac{Y' - Y}{Y} \cdot 100$
	1	2	3	4
1899	100	101	+ 1	+1
1900	101	107	+ 6	+6
1901	112	112	0	0
1902	122	121	- 1	-0,8
1903	124	126	+ 2	+1,6
1904	122	123	+ 1	+0,8
1905	143	133	-10	-7
1906	152	141	-11	-7
1907	151	148	- 3	-2
1908	126	137	+11	+9
1909	155	155	0	0
1910	159	160	+ 1	+0,6
1911	153	163	+10	+6,5
1912	177	170	- 7	-4
1913	184	174	-10	-5,4
1914	169	171	+ 2	+1,1
1915	189	179	-10	-5
1916	225	209	-16	-7,1
1917	227	227	0	0
1918	223	236	+13	+6
1919	218	233	+15	+7
1920	231	236	+ 5	+2,2
1921	179	194	+15	+8,4
1922	240	209	-31	-13

1. Общая сумма отклонений независимо от знака — 102% (кол. 4).

2. Среднее отклонение $\frac{102}{24} = 4,3\%$.

3. Общая сумма отклонений, учитывая знак = -51,3+50,2 = -1,1.

4. Среднее отклонение с учетом знака = 0,04.

дает цифры порядка 0,25 и 0,75. Параметры α и β , рассчитанные в данном случае на базе метода наименьших квадратов, оказались такого же размера.

Это были такие «удачные» коэффициенты, они в такой мере соответствовали гипотезам неоклассической теории производства, что показатели распределения национального дохода стали использоваться без особых колебаний во многих исследованиях — особенно на первых стадиях развития факторного анализа —

¹ P. Douglas. The Theory of Wages, p. 134.

в качестве показателей эластичности дохода (или выпуска продукции) по труду и капиталу.

Во-вторых, хотя функция Кобба—Дугласа носила статический характер, отражая оптимальное сочетание затрат для выпуска данного количества продукции, она положила начало значительному потоку работ по количественной оценке роли отдельных факторов экономического роста. Предпосылкой такого рода исследований была разработка модернизированных вариантов функции Кобба—Дугласа, включающих технический прогресс. Но прежде чем показать, в каком направлении пошла дальнейшая разработка производственных функций, попробуем более внимательно разобраться в экономическом содержании функции Кобба—Дугласа $Y = AK^\alpha L^\beta$.

Физический объем продукции (Y) является здесь степенной функцией двух независимых, но взаимосвязанных переменных — затрат капитала (K) и труда (L); α и β соответственно параметры функции.

Проведя ряд математических операций с указанной функцией (логарифмирование и последующее дифференцирование), можно выразить ее в темпах роста: $y = \alpha k + \beta l$, где y , k и l — соответственно темпы роста продукции (дохода), капитала и труда. Эта формула наглядно демонстрирует, что α и β являются коэффициентами эластичности дохода по труду и капиталу. α показывает, на сколько процентов увеличится выпуск при росте капитала на 1% при условии, что второй фактор является фиксированным. β при тех же условиях говорит о том, насколько увеличится выпуск продукции при увеличении труда на 1%. Сумма коэффициентов говорит о том, на сколько процентов увеличится выпуск при одновременном увеличении факторов на 1%.

Сумма параметров может быть равна единице, а может быть и неравна ей. Если $\alpha + \beta = 1$, то это означает, что при одновременном увеличении каждого из факторов на 1% выпуск тоже увеличится на 1%. Это предпосылка линейной однородности функции, означающей постоянство эффективности независимо от масштабов производства (constant returns of the scale). Если $\alpha + \beta >$ или < 1 , то это означает, что действуют какие-то причины, повышающие или понижающие «от-

дачу» факторов вследствие увеличения самого масштаба производства.

Значение параметров функции (α и β) не ограничивается тем, что с их помощью оценивается роль каждого из производственных факторов в росте продукции. Они определяют ряд других важных категорий анализа производственных взаимосвязей. С их помощью мы можем получить показатели предельного продукта, или эффективности использования каждого из факторов. Эти показатели говорят о том, на сколько изменится функция (выпуск или доход) от изменения одного из факторов при условии, что все остальные остаются постоянными. Если функцию $Y = AK^\alpha L^\beta$ продифференцировать по K и L , то получим соответствующие показатели предельного продукта капитала и предельного продукта труда:

$$\frac{\partial Y}{\partial K} = \alpha \frac{Y}{K}; \quad \frac{\partial Y}{\partial L} = \beta \frac{Y}{L}.$$

Коэффициенты α и β характеризуют, следовательно, соотношение между предельной и средней производительностью факторов.

Понятие предельных продуктов и их статистические оценки используются при решении проблемы взаимозаменяемости факторов и исчислении предельной нормы замещения. Если прирост какого-то небольшого количества капитала компенсирует сокращение продукции от соответствующего снижения затрат труда, то, используя формулы предельных продуктов, можно записать следующее равенство: $\frac{\partial Y}{\partial K} \cdot dK = - \frac{\partial Y}{\partial L}$ или

$$\alpha \frac{Y}{K} \cdot dK = -\beta \frac{Y}{L} \cdot dL, \text{ отсюда } \frac{dK}{dL} = -\frac{\beta}{\alpha} \cdot \frac{K}{L}.$$

$\frac{dK}{dL}$ — коэффициент предельной нормы замещения одного ресурса другим. Он показывает, сколько необходимо единиц капитала для замены единицы трудовых затрат при производстве одного и того же количества продукции. Как видно из формулы, при данной капиталовооруженности он определяется соотношением параметров функции $\left(\frac{\beta}{\alpha}\right)$.

Важной категорией анализа является также понятие *эластичности замещения*, или *эластичности субституции*. Оно определяется как соотношение темпов замещения одного производственного фактора другим и темпов изменения их предельных продуктов.

$$\sigma = d \ln \frac{K}{L} : d \ln \frac{\frac{\partial Y}{\partial K}}{\frac{\partial Y}{\partial L}}.$$

Если обозначить среднегодовые темпы роста буквой E с соответствующим индексом, то эластичность субституции выразится следующей формулой:

$$\sigma = \frac{E_K - E_L}{E_{\frac{\partial Y}{\partial L}} - E_{\frac{\partial Y}{\partial K}}}.$$

Эластичность субституции — важное техноэкономическое понятие. Оно показывает, в каком отношении находится изменение в темпах прироста труда и капитала, с одной стороны, и их предельных продуктов — с другой. Если эластичность субституции равна 1, то это означает, что снижение предельного продукта капитала по отношению к предельному продукту труда в точности равно приросту капитала по сравнению с приростом труда.

Если эластичность субституции больше 1, то данное изменение в соотношении темпов прироста предельных продуктов капитала и труда связано с более значительным изменением в темпах прироста капитала по сравнению с трудом.

Сторонники неоклассической теории производства исходят из того, что предельные продукты труда и капитала пропорциональны их ценам. Поэтому эластичность субституции они определяют как соотношение между темпами роста капиталовооруженности и изменением в темпах роста прибыли (E_p) и заработной платы (E_w), или

$$\sigma = \frac{E_K - E_L}{E_w - E_p}.$$

С такой трактовкой эластичности субституции трудно согласиться. Ни заработная плата, ни прибыль

в условиях современного капитализма не дают возможности соизмерить предельные продукты производственных факторов. Однако между движением реальных «цен» производственных факторов и их использованием в производстве, несомненно, существует зависимость. Повышение заработной платы является побудительным мотивом к замене живого труда прошлым, к росту капиталовооруженности. Напротив, относительная дешевизна рабочей силы является одним из препятствий технического прогресса. Выбор более капиталоемких или менее капиталоемких методов производства часто зависит от уровня заработной платы.

Эта зависимость не является непосредственной. Она не носит линейного характера и проявляется как тенденция. Но она существует, она имеет важное значение, и поэтому изучение эластичности субституции в этом реальном ее смысле вполне обоснованно.

Величина эластичности субституции в современной неоклассической теории роста имеет важное значение для выбора формы производственной функции.

Дело в том, что величина эластичности субституции определяет, будет ли производственная функция иметь постоянные параметры или меняющиеся. Если эластичность субституции равна единице, то параметры производственной функции остаются постоянными. В этом случае используется та самая функция Кобба—Дугласа, которая рассматривается в данной работе.

Если эластичность субституции не равна единице, то в этом случае производственная функция должна основываться на предпосылке о меняющихся параметрах распределения и ее вид будет иным¹. Разработка этого типа производственной функции связана с именами известных американских экономистов — эконометриков Эрроу, Ченери, Минхаса и Солоу, которые в 1961 г. опубликовали работу «Замещение труда капиталом и экономическая эффективность»². Авторы названной работы предположили, что эластичность

¹ См. «Прогнозирование капиталистической экономики. Проблемы методологии», стр. 65—67.

² K. J. Arrow, H. B. Chenery, B. S. Minhas, R. M. Solow. Capital—Labor Substitution and Economic Efficiency. — «The Review of Economics and Statistics», August 1961.

субституции не равна единице, и проверили это предположение с помощью статистического исследования.

Эластичность субституции в этом исследовании характеризовалась как величина, показывающая зависимость темпов роста производительности труда от темпов повышения заработной платы. В статистическом исследовании были использованы данные по 24 отраслям обрабатывающей промышленности в 19 странах. Результаты регрессионного анализа показали, что лишь в двух из 24 случаев эластичность субституции приближалась к 1. В остальных 22 случаях она была в разной степени менее 1 (но ближе к единице, чем к нулю). Отталкиваясь от этих эмпирических результатов, был выведен новый тип производственной функции, получивший название CES-функция, т. е. функция с постоянной эластичностью субституции (Constant Elasticity Substitution Function).

Функция Кобба—Дугласа тоже имеет постоянную эластичность субституции (равную единице), но она является лишь частным случаем этой более общей производственной функции, потому что в этой последней эластичность субституции необязательно равна единице. Практически это означает, что коэффициенты, характеризующие влияние производственных факторов на объем продукции, не являются постоянными и доли продукции, вменяемые каждому из них, с течением времени тоже меняются. Если, например, эластичность субституции меньше единицы, то доля быстрее растущего фактора в национальном продукте, например капитала, снижается, и наоборот.

Анализ эластичности субституции в настоящее время привлекает внимание многих эконометриков. Но имеют ли их выводы существенно важное значение для анализа проблем роста? На этот счет мнения расходятся. Некоторые из них полагают, что проблема эластичности субституции имеет значение в трех сферах анализа: (1) в анализе проблемы стабильности экономического роста; (2) в исследовании того, как будет влиять изменение предложения факторов производства на их относительные цены; (3) в анализе проблемы распределения.

Американский экономист Цви Грилихес утверждает, что «с точки зрения определения производствен-

ной функции и анализа источников роста производительности эластичность субституции является второстепенным параметром»¹. На основе численного расчета он, в частности, показывает, что даже уменьшение эластичности субституции вдвое оказывает на общий темп роста совершенно незначительный эффект.

Рассмотрение категорий экономического анализа, связанных с производственной функцией, показывает, какую важную роль играют в ней параметры α и β . От способа их оценки, от их уровня, от их интерпретации зависят в конечном счете и итоги этого анализа.

Кобб и Дуглас, как мы видели, подошли к оценке этих параметров эмпирическим путем, используя метод наименьших квадратов и установив на базе фактических данных статистические связи между продукцией и затратами труда и капитала. Этот подход представляется нам наиболее реалистическим, хотя он и связан с целым рядом других технических и методологических трудностей. Однако итоги своего анализа они интерпретировали в духе вульгарной неоклассической теории производства и тем самым способствовали тому, что значительная часть западных экономистов в своих исследованиях в качестве параметров α и β используют показатели распределения национального дохода или по крайней мере ориентируются на них.

Именно здесь наиболее уязвимое место производственных функций, используемых буржуазными экономистами в качестве аппарата количественного анализа производственных взаимосвязей. Дело в том, что гипотеза относительно пропорциональности предельных продуктов «ценам» производственных факторов и вытекающая отсюда возможность использования в качестве параметров функции (коэффициентов эластичности) показателей распределения национального дохода относятся к оптимальной модели производства при наличии крайне абстрактных допущений и жестких ограничений в отношении реальной действительности. Такая модель предполагает однородность труда и капитала, единые уровни зарплаты и прибыли и, наконец, идеальную свободу конкуренции, благодаря кото-

¹ *Zvi Griliches*. Production Functions in Manufacturing: Some Preliminary Results. — «The Theory and Empirical Analysis of Production». New York — London, 1967, p. 285.

рой ничто не мешает беспрепятственному относительному изменению цен.

Однако реальная действительность весьма далека от подобного рода допущений, в особенности от модели совершенной конкуренции, чтобы можно было исходить из предположения, что «цены» производственных факторов и их предельные продукты немедленно уравниваются. Растрата экономических ресурсов, безработица, хроническая недогрузка, господство монополий и «администрируемой» системы цен, организация рабочего класса в профсоюзы, препятствующая «свободе» в движении заработной платы, особенно в сторону ее понижения, — все это вызывает значительное отклонение действительного уровня прибыли и заработной платы от того, который диктуется условиями оптимизации.

Следует отметить, что этот способ определения параметров функции вызывает все большее неудовлетворение и в среде буржуазных экономистов, которые понимают ограниченность, а скорее нереальность предпосылок, определяющих такой способ выбора коэффициентов. Приведем несколько характерных высказываний по этому поводу, сделанных на конференции Международной организации по сотрудничеству и экономическому развитию в Париже в 1964 г.

Известный шведский экономист Э. Лундберг, говоря, в частности, об итогах исследований Денисона, критиковал их прежде всего за то, что они основываются на предпосылках теории предельной производительности. «Относительное значение факториальных затрат (их веса), — говорил он, — определяется как доля факторов в национальном доходе... Огромное значение, которое Денисон смог приписать образованию, фактически зависит от высокого удельного веса грудных доходов, который составляет 70—75%. Низкий удельный вес капитала (20—25%) определяет подчиненное положение этого фактора и, кроме того, оставляет много места для остатка.

Мы все знаем нереалистические предпосылки, лежащие в основе такого способа анализа производственных функций (такие предпосылки, как конкуренция, эластичность субституции, постоянство эффективности независимо от масштабов производства). Это

метод сравнительной статистики, игнорирующий тот факт, что нынешняя экономика далека от позиции равновесия»¹.

Проф. Нилд отмечал: «Скептицизм выразился прежде всего в критике расчетов, предложенных на конференции... Основные расчеты опирались на гипотезу, согласно которой цена каждого «фактора производства» определяет чистый предельный вклад этого фактора в общественный продукт»².

После того как мы показали содержание параметров функции Кобба—Дугласа, необходимо специально остановиться на ограничениях, которые эта функция предполагает.

Выше мы уже писали, что в производственной функции Кобба—Дугласа производственные факторы — труд и капитал — могут объединяться в любых пропорциях и, следовательно, безгранично замещать друг друга для производства единицы продукции. Таким образом, технологические коэффициенты — капиталовооруженность, капиталоемкость, производительность труда — здесь могут меняться вследствие разных темпов роста производственных факторов, вследствие замещения (или экономии) одного фактора другим. В то же время в функции Кобба—Дугласа нормы заменяемости одного фактора другим являются строго фиксированными и взаимосвязанными. Количество труда на единицу продукции зависит от ее капиталоемкости, и наоборот. Если

$$Y = AK^\alpha L^\beta, \text{ то}$$

$$1 = A \left(\frac{K}{Y} \right)^\alpha \left(\frac{L}{Y} \right)^\beta. \text{ Отсюда}$$

$$\frac{K}{Y} = \sqrt[\alpha]{\frac{1}{A \cdot \left(\frac{L}{Y} \right)^\beta}}, \text{ а } \frac{L}{Y} = \sqrt[\beta]{\frac{1}{A \cdot \left(\frac{K}{Y} \right)^\alpha}}.$$

«Хотя производственная функция Кобба—Дугласа и не исключает возможность изменения технологических и капитальных коэффициентов, — пишет М. М. Голанский, — она требует, чтобы эти изменения происходили

¹ «The Residual Factor and Economic Growth». Paris, 1964, p. 68—69.

² Там же, стр. 145.

в рамках неизменных условий. Это означает искусственное сужение возможностей технического прогресса... Значения коэффициентов... здесь связаны между собой строгой функциональной зависимостью, т. е. задание одного коэффициента одновременно означает и задание другого. Эта зависимость есть не что иное, как перенесение на последующие периоды конкретных условий движения труда и капитала в предшествующие периоды»¹.

Действительно, фиксированность параметров — одно из важных ограничений, накладываемых на исследование реальных процессов данной формой производственной функции. Однако нам представляется, что в определенных пределах это ограничение не может служить препятствием к использованию производственной функции. Любая модель предполагает устойчивость каких-то параметров. Устойчивость данных параметров не препятствует использованию рассматриваемой здесь функции для краткосрочного прогнозирования, поскольку их изменения связаны с очень крупными сдвигами в технике производства и квалификации рабочей силы и не могут иметь внезапного характера².

Существенное значение имеет и другое ограничение, связанное с предпосылкой равенства параметров распределения 1. Это равенство означает, что пропорциональному приросту рабочей силы и капитала соответствует и пропорциональный прирост продукции. Если оба фактора возрастают на 1%, то и прирост продукции возрастает на 1% — вот о чем конкретно говорит это условие. Если пропорция в росте обоих факторов нарушается, т. е. если темп роста одного фактора обгоняет темп роста другого, то прирост продукции будет меньше, чем темпы роста более быстро растущего фактора. Отсюда вытекает, что в случае роста капиталовооруженности (капитал растет быстрее,

¹ М. М. Голанский. Математическое моделирование экономического развития буржуазными авторами. М., 1965 (ротапринт), стр. 20—21.

² См. Б. Н. Михалевский. Перспективные расчеты на основе простых динамических моделей. М., 1964, стр. 127; «Прогнозирование капиталистической экономики». М., 1970.

чем применяемая рабочая сила) темп роста продукции окажется меньшим, чем темп роста капитала, и мы будем иметь тенденцию к повышению капиталоемкости. Функция Кобба—Дугласа в ее классической форме применима, таким образом, только к таким историческим условиям, когда технический прогресс носил капиталоемкий характер и рост капиталовооруженности не сопровождался ростом экономии капитала, достаточным, чтобы компенсировать тенденцию к увеличению капиталоемкости.

Однако начиная с 20-х годов преобладающей тенденцией в развитых капиталистических странах стала тенденция к снижению капиталоемкости. Эта тенденция показала, что технический прогресс может принять формы, когда увеличение капиталовооруженности будет сопровождаться таким ростом производительности труда или такой экономией в средствах производства, которые будут способствовать снижению капиталоемкости. Это обстоятельство оказалось достаточно основательным, чтобы пересмотреть первоначальные условия, предусматриваемые в функции Кобба—Дугласа.

2. ДИНАМИЗАЦИЯ ФУНКЦИИ КОББА—ДУГЛАСА И ОЦЕНКИ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Модернизация функции Кобба—Дугласа была осуществлена по двум направлениям. Одно направление было связано с отменой условия равенства суммы коэффициентов эластичности 1 (отказ от предпосылки постоянной эффективности независимо от масштабов производства).

При $\alpha + \beta = 1$ мы имеем первоначальный тип производственной функции с неизменной эффективностью производственных факторов. Если же $\alpha + \beta > 1$, то это означает повышающуюся эффективность производственных факторов, и, наоборот, если $\alpha + \beta < 1$ — понижающуюся эффективность производственных факторов.

Надо сказать, что П. Дуглас тоже понимал ограниченность своей первоначальной формулы и принял

предложение математика Дюранда о том, чтобы оперировать более общей формулой с суммой коэффициентов, которая может быть равна единице, а может быть и не равна ей.

Второе направление в усовершенствовании функции Кобба—Дугласа связано с учетом влияния технического прогресса в виде самостоятельного фактора — в качестве третьей переменной, оказывающей влияние на рост национального дохода. В связи с этим в функции Кобба—Дугласа был введен фактор времени. Он должен был отразить процесс сдвига статической производственной функции на новые уровни под влиянием целого комплекса качественных изменений, объединенных одним общим названием «технический прогресс». Впервые в 1942 г. это сделал известный голландский экономист Я. Тинберген, введя в формулу Кобба—Дугласа линейно-однородного типа (сумма коэффициентов равна единице) фактор времени e^{rt} , или показатель тренда.

$$Y = AK^{\alpha} L^{1-\alpha} e^{rt}.$$

«Таким образом, — писал он, — мы принимаем во внимание возможность увеличения (а может быть, и снижения) эффективности производственного процесса во времени, и мы имеем возможность включить элемент технического развития в нашу модель»¹. Разъясняя понятие «технического прогресса», Тинберген писал: «Увеличение производительности труда может быть достигнуто двумя способами. Во-первых, производственная функция может оставаться неизменной, а капиталоемкость производства возрастать. Во-вторых, мы можем также изменить производственную функцию, другими словами, получить больший объем производства при тех же затратах труда и капитала». В первом случае, продолжает Тинберген, увеличение производительности труда неизбежно сопровождается снижением капиталоемкости («производительности капитала»). Этот процесс связан с механизацией, заменой труда живого трудом овеществленным («капиталом»). Увеличение эффективности будет иметь место в том случае, когда повышается не только производи-

¹ J. Tinbergen. Selected Papers. Amsterdam, 1959.

тельность труда, но и капиталододача. В приведенной формуле это отражается показателем e^{rt} .

Логарифмическое дифференцирование этой функции дает соответствующее выражение в ежегодных темпах роста.

$$y = \alpha k + (1 - \alpha) l + r,$$

где y — темп роста продукции, или дохода;

k — темп роста капитала;

l — темп роста рабочей силы;

r — темп роста производства в результате повышения общей эффективности, или «технического прогресса».

Именно этот тип производственной функции (и ее модификации) начал широко использоваться в 50-х годах американскими экономистами для оценки роли отдельных факторов роста, в особенности значения технического прогресса.

Чтобы понять смысл и степень условности полученных с ее помощью оценок, необходимо иметь в виду следующие две особенности, лежащие в основе этих оценок.

Первое. При использовании динамической функции Кобба—Дугласа изолируются два типа влияний на объем продукции (или индекс ее роста): влияния *количественные*, связанные с изменениями объемов применяемых средств производства (труда и капитала), определяющих изменение самой функции (движение вдоль), и влияния *качественные*, определяющие *сдвиг* функции. Эти два вида влияний в данной функции не связаны друг с другом. Величина y может возрасти как в результате изменения l или k или их вместе взятых, так и в результате изменения r , поднимающего всю функцию на новый уровень. Показатель r как бы концентрирует в себе все качественные изменения, происходящие в экономике, связанные с техническими нововведениями, повышением уровня знаний, ростом квалификации рабочей силы и улучшением организации производства. Но он не связан с ростом капитальных затрат. Он характеризует так называемый нематериализованный (*disembodied*) технический прогресс. В западной литературе r получил разные наиме-

нования. Наиболее распространенное — это темп технического прогресса или технологических изменений¹.

Следует иметь в виду, что содержание этого термина несколько отличается от обычного понимания технического прогресса как роста процесса механизации труда, связанного с увеличением капиталовооруженности, с одной стороны, и изменений в самой технике производства — с другой. Термин «технический прогресс» в данном случае уже этого обычного понимания, так как не включает процесса замены живого труда прошлым. В то же время он шире обычного, так как помимо изменений в технике охватывает и все другие качественные улучшения в экономике — рост образования, совершенствование организации и управления, увеличение масштабов производства и т. п.

Таким образом, r выступает здесь как своеобразный комплексный показатель роста экономической эффективности всех факторов производства, не связанных с ростом капитала и труда. Не случайно поэтому, что исследование проблем экономической эффективности, измерение последствий технологических изменений в экономике, затрат так называемого нематериального капитала и т. п. в современной буржуазной экономико-статистической литературе в значительной степени связано с измерением и исследованием именно этого показателя.

Вторая особенность этих оценок состоит в том, что в качестве параметров функции берутся показатели распределения национального дохода. Выше мы уже отмечали чрезвычайную условность такого подхода к оценке параметров функции, связанного с вульгарной теорией факторов производства.

Первые интересные расчеты на базе динамической

¹ Показатель r имеет и множество других названий: темп роста «производительности единицы затрат» или «индекс эффективности» (Шмуклер), «общая факториальная производительность» или «изменения в эффективности производства» (Кендрик), «показатель технических изменений» (Солоу) и даже «мера нашего неведения» (Абрамович). Е. Домар, перебрав все эти термины и, видимо, не удовлетворившись ни одним из них, останавливается на термине «остаток», хотя иногда он склонен называть его «индексом технологических изменений» (E. Domar. On the Measurement of Technological Change. — «The Economic Journal», December 1961, vol. LXXI).

функции Кобба—Дугласа были получены Я. Тинбергеном.

Основываясь на данных 1870—1914 гг. о динамике капитала, занятых и объема производства для четырех стран — Германии, Великобритании, Франции и США, Тинберген получил следующие результаты (в качестве параметров α и $(1-\alpha)$ были взяты доли капитала и труда в национальном доходе — соответственно $\frac{1}{4}$ и $\frac{3}{4}$): в Германии экстенсивные факторы, т. е. увеличение затрат труда и капитала, обеспечили 60% роста, технический прогресс — 40%; в Великобритании экстенсивные факторы обеспечили 80% роста, технический прогресс — лишь 20%; в США — соответственно 73 и 27%.

Для избранного Тинбергеном периода — периода по преимуществу экстенсивного роста производства в главных капиталистических странах оценки роли технического прогресса значительно уступали значению экстенсивных факторов роста — труда и капитала.

В 50-х годах новые стимулы к развитию анализа факторов роста на базе динамической функции Кобба—Дугласа дали работы ряда американских экономистов, прежде всего Р. Солоу, Д. Кендрика, Е. Денисона. Рассматривая развитие американской экономики начиная примерно с 20-х годов нынешнего столетия, они пришли к заключению, что решающим фактором экономического роста стал технический прогресс, обеспечивающий резкое повышение эффективности народнохозяйственных затрат. Их расчеты подтверждали тот факт, что на нынешней стадии развития капиталистического производства технический прогресс в широком смысле слова, объединяющий процесс нововведений и усовершенствований, рост квалификации и образования, улучшения в организации производства, т. е. все те качественные изменения в экономике, которые в значительной мере являются результатами «неинвестиционных» затрат (расходов на науку, образование и т. п.), приобретают все более важное значение для экономического роста.

Остановимся более подробно на некоторых из этих работ.

Расчеты Солоу. В США динамизацию функции Кобба—Дугласа (по тому же принципу, как это сде-

лал Я. Тинберген) осуществил известный экономист Р. Солоу. Пользуясь формулой $y = \alpha k + (1-\alpha)l + r$ и взяв в качестве статистических показателей: а) валовой национальный продукт в постоянных ценах в частном секторе, исключая сельское хозяйство (по Кендрику); б) объем капитала, за вычетом товаров длительного пользования в государственном секторе, в сельском хозяйстве и у населения (по Голдсмиту); в) показатель доли прибыли в национальном доходе, равный 35%, Солоу пришел к следующим выводам относительно темпов «технических изменений» на протяжении 1909—1949 гг. в США. В течение 1909—1929 гг. этот темп составил 0,9%, а в 1930—1949 гг. он увеличился до 2,25%. Даже если перебросить 1929 г. из первого периода во второй — этот год показывает резкое падение темпа в связи с разразившимся кризисом, — то и тогда остается значительная разница: 1,2% в первой половине рассматриваемого периода и 1,9% — во второй. На протяжении всех 40 лет среднегодовой темп технических изменений, по расчетам Солоу, составил 1,5% в год.

Рассматривая затем производительность труда как функцию роста капиталовооруженности и технического прогресса, Солоу пришел к выводу, что около 12,5% всего прироста производительности труда (валовая продукция на человеко-час) за сорокалетний период обязано росту уровня капиталовооруженности и 87,5% — «техническим изменениям». Аналогичный расчет показывает, что в период 1909—1929 гг. рост производительности труда на 33% обязан росту капиталовооруженности и на 67% — техническому прогрессу¹.

Расчеты Кендрика. Метод оценки технических изменений, предложенный Солоу, в принципе не отличается от метода расчетов так называемой объединенной производительности разработанного известным американским статистиком Д. Кендриком. Об общности обоих методов пишет сам Солоу: «Не только обычный способ выбора весов для исчисления агрегатного индекса затрат означает нечто аналогичное моим

¹ R. Solow. Technical Change and the Aggregate Production Function. — «Review of Economics and Statistics», August 1957, p. 316.

предпосылкам о наличии конкурирующих рынков производственных факторов; но, кроме того, показатель, полученный путем деления продукции на взвешенную сумму затрат, по-видимому, молчаливо предполагает, (а), что технический прогресс является нейтральным и (б) что агрегатная производственная функция является строго линейной. Это объясняет, почему количественные результаты, рассчитанные с помощью этих методов, так близки друг к другу»¹. Оба метода исходят по сути дела из одинаковых предпосылок, различия касаются лишь выбора конечной формулы расчета и данных, на базе которых эти расчеты производятся.

Д. Кендрик в своей работе² пишет, что его оценки объединенной производительности основываются на производственной функции, согласно которой объем продукции определяется величиной затрат и эффективностью их использования. Эта эффективность, или производительность факторов, не может быть измерена непосредственно. Она измеряется косвенно — как отношение реального продукта к затратам производственных факторов без учета изменения их качества, или эффективности. Кендрик сравнивает фактическую реальную продукцию периода II с тем объемом продукции, который имелся бы в период II, если бы производственная эффективность факторов осталась прежней (той же, что и в период I). Для оценки темпов роста объединенной производительности (r) он использует формулу, согласно которой эти темпы равны сумме темпов роста производительности труда и капиталотдачи, взвешенных соответственно по доле заработной платы и прибыли в национальном доходе.

Если пользоваться обозначениями, приведенными выше, при анализе функции Солоу, то эта формула будет иметь следующий вид:

$$r = \alpha y_k + (1 - \alpha) y_l,$$

¹ R. Solow. Technical Change and the Aggregate Production Function. — «Review of Economics and Statistics», August 1957, p. 316.

² См. Д. Кендрик. Тенденции производительности в США. М., 1967, стр. 21.

где r — темп объединенной производительности;

y_k — темп роста капиталотдачи;

y_l — темп роста производительности труда;

α и $1-\alpha$ — соответственно доли прибыли и заработной платы в национальном доходе.

Нетрудно доказать, что эту формулу можно получить, исходя из той, какой пользовались в своих исследованиях и Тинберген, и Солоу, т. е.

$$y = r + \alpha k + (1 + \alpha)l.$$

Если y_l и y_k — темпы роста производительности труда и капиталотдачи, то $y_k = y - l$ и $y_l = y - k$. Следовательно, $l = y - y_k$ и $k = y - y_l$.

Подставим эти выражения в предыдущее равенство:

$$\begin{aligned} y &= r + \alpha(y - y_k) + (1 - \alpha)(y - y_l) = \\ &= r + \alpha y - \alpha y_k + y - \alpha y - y_l + \alpha y_l. \end{aligned}$$

Отсюда

$$r = \alpha y_k + (1 - \alpha)y_l.$$

В итоге получаем формулу темпов роста объединенной производительности, использованную Кендриком.

Ниже приводится таблица, характеризующая итоги расчетов Д. Кендрика, сделанные для более длительного периода, чем у Солоу, и на основе нескольких данных.

Среднегодовые темпы роста реального продукта (исключая государственный сектор) и показателей производительности¹ (в %)

Период	Реальный валовой продукт	Реальный валовой продукт на единицу затрат			Реальный валовой продукт на 1 человека-час (невзвешенный)
		всех факторов	труда	капитала	
1889—1957	3,5	1,7	2,0	1,0	2,4
1889—1919	3,9	1,3	1,6	0,5	2,0
1919—1957	3,1	2,1	2,3	1,3	2,6

¹ См. Д. Кендрик. Тенденции производительности в США, стр. 69.

Исходя из этих расчетов, рост производительности труда был связан с повышением объединенной производительности, или эффективности производственных факторов: за весь период 1889—1957 гг. — на 70,8%, в том числе за период 1889—1919 гг. — на 65%, за период 1919—1957 гг. — на 80,8%.

В темпах роста реального валового продукта удельный вес темпов роста объединенной производительности соответственно составлял 50, 33 и 68%. Эти цифры показывают значительное повышение темпов роста эффективности начиная с 20-х годов XX в. и значительное увеличение «вклада» объединенной производительности в общие темпы роста производительности труда и национального дохода в целом.

Из расчетов, основанных на тех же принципах, для более короткого отрезка времени и для более широкого круга стран приведем данные норвежского экономиста Аукраста.

Среднегодовые темпы совокупных показателей экономического роста в 1949—1959 гг.¹

Страна	Период	Валовой внут-	Экстенсивные	Интенсивные	Удельный вес
		ренний про- дукт	факторы (труд и капитал)	факторы (тех- нический про- гресс)	
	1	2	3	4	5
Англия	1949—1959	2,5	1,3	1,2	48,0
ФРГ	1950—1959	7,5	2,9	4,6	61,3
Норвегия	1949—1959	3,7	1,4	2,3	62,2
Бельгия	1945—1959	3,0	0,9	2,1	70,0
Италия	1949—1959	6,1	1,8	4,3	70,5
Франция	1949—1959	4,5	1,2	3,3	73,3
Швеция	1949—1959	3,4	0,9	2,5	73,5

Приведенная таблица показывает, что в послевоенный период в развитых капиталистических странах на технический прогресс приходилось от половины до двух

¹ O. Aukrust. Factors of Economic Development. A Review of Recent Research. — «Productivity Measurement Review», February 1965, N 10, p. 19.

третьей среднегодовых темпов роста валового национального продукта.

Аналогичные результаты по измерению роли отдельных факторов экономического роста в большинстве развитых капиталистических стран были получены американским экономистом Г. Брутоном.

Среднегодовые темпы роста национального дохода, капитала, труда и технического прогресса в развитых капиталистических странах¹
(в %)

Страна и период		у	к	l	r	$\frac{r}{y}$
Бельгия	1949—1954	3,6	2,4	0,6	2,5	0,69
	1954—1959	2,3	2,7	-0,1	1,6	0,70
Канада	1949—1959	4,3	7,1	2,1	0,7	0,16
Нидерланды	1949—1954	4,9	4,0	1,4	2,7	0,55
	1954—1959	4,1	5,0	1,1	1,6	0,39
Норвегия	1949—1959	3,7	4,4	0,2	2,3	0,62
Швеция	1949—1959	3,4	2,0	0,5	2,5	0,73
Англия	1949—1959	2,5	3,1	0,6	1,2	0,49
Франция	1949—1954	4,8	2,9	0,1	3,8	0,79
	1954—1959	4,1	3,9	0,2	2,8	0,68
Италия	1949—1954	6,4	3,0	1,5	4,4	0,69
	1954—1959	5,7	3,4	0,8	4,1	0,72
ФРГ	1950—1954	8,3	4,8	1,8	5,6	0,67
	1954—1959	6,6	6,9	1,4	3,5	0,53
Япония	1950—1958	7,9	10,6	2,4	3,0	0,38
США	1947—1954	4,4	4,0	0,7	2,9	0,66
	1954—1960	3,5	3,1	0,8	2,1	0,60

Как и предыдущая, таблица показывает, что в большинстве развитых капиталистических стран темпы технического прогресса составляют свыше $\frac{2}{3}$ темпов роста всего национального дохода.

Все эти открытия на первых порах произвели большое впечатление. Однако тут же встал следующий вопрос: какие факторы и в какой мере определяют сам показатель технического прогресса? Последний является комплексным показателем. Его изменение — результат воздействия множества разнородных факторов. Здесь и воздействие процесса технических

¹ «American Economic Review», December 1967, p. 1104.

и технологических изменений, и повышение образования и уровня квалификации рабочей силы, и улучшение организации и управления производством, и повышение эффективности вследствие укрупнения производства, специализации и кооперирования. Но в какой мере каждый из них определяет показатель технического прогресса?

Решение этой проблемы потребовало разработки новых подходов и новых методов количественного анализа — прежде всего по линии дезагрегирования показателя технического прогресса.

Первую и наиболее развернутую попытку дезагрегировать показатель технического прогресса предпринял американский экономист Денисон¹. Хотя в его работе много спорного и искусственного, тем не менее результаты его оценок привлекают внимание. Показатель технического прогресса Денисон прежде всего «очищает» от факторов, связанных с повышением качества рабочей силы в результате роста уровня образования и квалификации рабочих. Применяя ряд условных расчетов, Денисон пришел к выводу, что в течение 1929—1957 гг. этот фактор обеспечил 23% роста всего национального дохода. Заметим: это лишь на 4 пункта меньше, чем рост самих трудовых затрат с учетом сокращения продолжительности рабочего времени и повышения интенсивности труда. Вывод при всей условности предпосылок и расчетов, на которых он основан, в общем крайне знаменательный. Автор использовал его для того, чтобы показать, какое огромное значение имеет дальнейшее распространение образования и повышение его уровня в качестве метода повышения потенциального темпа роста.

Увеличив за счет этого фактора общий индекс трудовых затрат, Денисон в конечном счете приходит к заключению, что технический прогресс (уже в более узкой трактовке этого термина) обеспечил примерно 30% темпов роста национального дохода².

¹ E. Denison. The Sources of Economic Growth in the United States and the Alternatives before us. New York, 1962.

² «Моя концепция производительности, — замечает Денисон, — гораздо уже общепринятой» (E. Denison. The Sources of Economic Growth in the United States and the Alternatives before us, p. 230).

Денисон предпринимает также попытку выделить и определить влияние различных субфакторов на рост производительности. Он, конечно, понимает всю сложность постановки такой задачи. «Это чрезвычайно трудно, — пишет он. — На производительность может влиять почти безграничное число сил и условий, но какого-либо подхода к их исследованию не существует. Распределить между отдельными источниками ту часть прироста национального продукта, которую я приписываю растущей производительности, с такой же степенью объективности, как и часть, приписываемую затратам, невозможно. Здесь неизбежны качественные оценки»¹. Среди множества влияний, не поддающихся непосредственной (или опосредованной) количественной оценке, Денисон выделяет группу факторов, относящихся, по его словам, к разряду факториальных затрат. Это предприимчивость, материальное стимулирование труда, государственные капитал, эффект укрупнения масштабов производства и роста его специализации, а также влияние сдвигов в структуре производства.

Оценки всех этих факторов у автора весьма произвольны. Их, на наш взгляд, нельзя ни принять, ни оспорить с какой-либо степенью основательности. Всем этим факторам, вместе взятым, автор приписывает 12% общего прироста национального продукта. Остальную часть общего прироста национального дохода в результате роста производительности (примерно 20%) автор приписывает *прогрессу знаний*. Интересна качественная интерпретация этого понятия. Денисон включает в него технологические знания и знания по управлению. Автор подчеркивает — и вполне справедливо — значение последних. «Прогресс производительности, — пишет он, — иногда дискутируется в том смысле, будто он является результатом технологических знаний. Но это, конечно, неправильно. Колоссальный прогресс организации, управления и размещения производства налицо. Трудно было бы найти такое техническое нововведение, которое по своему влиянию на производство превосходило бы введение

¹ E. Denison. *The Sources of Economic Growth in the United States and the Alternatives before us*, p. 160.

заменяемых частей, поточных линий, хронометраж и изучение движений со всеми вытекающими отсюда последствиями. Прогресс в управлении и организации резко сократил потребности в накоплении запасов. Планировка производственных зданий резко изменилась, благодаря чему обеспечен более легкий поток материалов, более удобное расположение управленческих помещений. К этой же категории относятся улучшение графика работы, руководства рабочими и отношений с ними, усовершенствование методов оценки и обеспечения потенциальных рынков, так же как и всей сферы организации и управления производственными предприятиями и прочими производственными организациями»¹.

Что касается «технологических знаний», повышающих производительность общественного производства, то, по словам Денисона, лишь часть из них рождается в самих США, остальная — импортируется в виде патентов и лицензий из других стран. Причем этому источнику увеличения знаний автор придает весьма существенное значение не только в прошлом, но и в будущем, прогнозируя рост национального дохода на будущее.

В итоге своего исследования автор приходит к выводу, что рост национального дохода за рассматриваемый период на 68% был связан с ростом затрат труда (с учетом его возросшего качества) и капитала и на 32% — с ростом эффективности общественного производства, или технического прогресса. Из всех рассмотренных факторов экономического роста особенно важное значение по своему влиянию на рост национального дохода имели пять — это рост занятости (34%), рост образования (23%), рост капитальных затрат (15%), прогресс знаний (20%) и экономия от укрупнения, связанная с ростом национального рынка (9%).

Информация, которую можно получить на основе расчетов Денисона, обширна. В экономической литературе, например, нередко приводится показатель, характеризующий роль образования в росте национального дохода, подсчитанный им.

¹ E. Denison. The Sources of Economic Growth in the United States and the Alternatives before us, p. 232.

Расчеты Денисона вызвали активную реакцию среди экономистов не только США, но и Европы¹. Несмотря на серьезность отдельных критических аргументов, тем не менее большинство из них отмечают новаторский характер работы Денисона, дающей подход к анализу новых экономических проблем. Известный французский экономист проф. Малинво так высказался о его расчетах: «Нам следовало бы выразить благодарность Денисону за то, что он взял на себя смелость выступить со своими цифрами, не боясь сарказма всех скептиков и болтунов нашей профессии. Несомненно, его выводы спорны и включают некоторые совершенно недоказанные предпосылки, которые мы едва ли можем принять в их нынешнем виде. Но разве это не естественно на нынешней стадии, рассматривая ее лишь как первую попытку? Все мы здесь можем вспомнить первые оценки национальных счетов и их недостатки. Тем не менее, как бы ни были они приблизительны, они сделали возможным создание того рабочего инструмента, без которого мы сегодня не можем обойтись»².

Однако при этом нельзя забывать, что эта информация носит весьма условный характер. Она основана на ряде допущений, которые всегда следует иметь в виду (при изменении допущений изменятся и результаты). Главный недостаток расчетов Денисона определяется тем, что влияние каждого фактора на рост производства оценивается в зависимости от его доли в национальном доходе. Выше уже отмечалось, сколь нереальны предпосылки, лежащие в основе такого допущения. Ряд произвольных допущений положен и в основу расчетов повышения качества рабочей силы.

Наиболее существенным, практически важным результатом всех этих исследований явилась переоценка роли накопления капитала в процессе экономического роста. На их основеросло убеждение, что главный стратегический фактор роста не капиталовложения, а факторы, порой количественно неуловимые, способ-

¹ См., например, *M. Abramovitch, Economic Growth in the USA*. — «*American Economic Review*», September 1962; «*The Residual Factor and Economic Growth*». Paris, 1964.

² «*The Residual Factor and Economic Growth*», p. 57.

ствующие росту эффективности, прежде всего вложения в человека и в науку.

Однако выводы, согласно которым значительная часть роста национального дохода в развитых странах является результатом технического прогресса, не связанного с увеличением капиталовложений, вскоре стали подвергаться сомнениям. Дело в том, что расчеты Денисона, как и все остальные расчеты, приведенные выше, основаны на полном разделении эффекта количественных и эффекта качественных изменений. Такой подход имеет дело с «нематериализованным» (disembodied) техническим прогрессом. Из такого подхода логически следует, что рост национального дохода может быть обеспечен и при отсутствии роста материальных затрат — рабочей силы и капиталовложений, а это за известными рамками становится допущением, лишенным реального смысла. Многие экономисты стали отмечать, что имеет место недооценка роли накопления капитала в процессе экономического роста. С точки зрения короткого отрезка времени рост производительности и экономия затрат могут, конечно, осуществляться без новых капиталовложений благодаря рационализации в управлении и организации производства, небольшим усовершенствованиям и т. п. Однако все крупные технические и технологические сдвиги неизбежно связаны с новыми капиталовложениями, которые являются материальными носителями технического прогресса.

Американский экономист Р. Солоу, первые расчеты которого были сделаны именно на основе предпосылки о «нематериализованном» техническом прогрессе, уже тогда замечал: «Конечно, это не означает, что наблюдаемый темп технического прогресса имел бы место, даже если темп роста инвестиций стал бы незначительным или сократился до нуля. Очевидно, большинство, а может быть, и почти все нововведения, чтобы реализоваться, должны быть воплощены в новые сооружения и оборудование»¹.

Не случайно поэтому, что новые поиски направились на анализ и разработку методов исчисления материализованной части технического прогресса.

¹ «Review of Economics and Statistics», August 1957, p. 316.

Были предприняты различные попытки выделить ту часть, которая обусловлена ростом капитальных затрат и представляет собой, таким образом, «материализованный» (embodied) технический прогресс. В этом направлении важную методологическую роль сыграла новая работа Солоу, опубликованная в 1962 г. В ней Солоу писал: «Я предполагаю, что новая технология может быть внедрена в производственный процесс только через валовые инвестиции в новое строительство и оборудование»¹. Конечно, замечает автор, никто не может утверждать точно, в какой мере эта посылка более справедлива, чем прямо противоположная. Однако факты, по его мнению, больше говорят в пользу первого утверждения, чем второго. На этой основе Солоу и строит свою производственную функцию, главная особенность которой состоит в особом методе подсчета величины капитального запаса: последняя корректируется на повышение его производительности, исходя из предположения, что каждая новая генерация (vintage) капиталовложений является производительнее предыдущей. Получается величина капитального запаса с учетом его качества (аналогично тому, как Денисон считал величину затрат труда с учетом повышения его качества, т. е. с учетом роста образования и квалификации).

Технический прогресс здесь введен в показатель роста самого капитала и не требует отдельного, самостоятельного выражения. Исходя из предполагаемой тенденции роста занятости и продолжительности рабочего времени, а также принимая во внимание рост производительности капитальных затрат, Солоу рассчитывает величину нормы накопления, необходимую для достижения заданных темпов роста.

Расчет дается для трех вариантов роста капитального запаса, скорректированного на темпы роста производительности его составных элементов — зданий и оборудования. Для одного (Y_3) темпы роста производительности зданий и оборудования составляют соответственно 2 и 4%, для второго (Y_4) — соответственно 3 и 3% и для третьего (Y_5) — 3 и 4%. Кро-

¹ R. Solow. Technical Progress, Capital Formation and Economic Growth. — «American Economic Review», May 1962.

ме того, учитываются различные темпы роста затрат труда в человеко-часах: быстрый рост — 1,0% и медленный рост — 0,65%.

На этой исходной основе получены следующие варианты нормы накопления, необходимой для обеспечения 3; 3,5; 4; 4,5 и 5% роста.

Норма накопления для различных темпов роста¹ (в %)

Темпы роста	3%	3,5%	4%	4,5%	5%
медленный рост	9,9	11,2	12,4	13,8	15,0
У*быстрый рост	9,2	10,4	11,7	13,1	14,3
медленный рост	9,0	10,2	11,4	12,5	13,7
У*быстрый рост	8,5	9,8	10,9	12,0	13,2
медленный рост	10,1	11,3	12,6	13,9	15,3
У*быстрый рост	9,4	10,8	12,0	13,3	14,7

Отсюда можно сделать вывод, что для повышения темпов роста на 1 пункт с 3,5 до 4,5% норма накопления должна быть увеличена приблизительно на 20—25% — с 10—11% до 12—14%. Это значительно более умеренный вывод, чем тот, какой дают расчеты на базе производственной функции с «нематериализованным» техническим прогрессом. Чтобы увеличить темп роста с 3 до 4% при прочих неизменных условиях, она предполагает увеличение нормы накопления примерно на 40%.

Можно привести несколько примеров дезагрегирования показателя технического прогресса.

Следуя методу Солоу, американский экономист М. Интриллигатор на базе целой серии эмпирических расчетов пришел к выводу, что в США в течение 1929—1958 гг. темпы роста материализованного технического прогресса составили 4%, нематериализованного — 1,67%. В общих темпах роста валового национального продукта первому принадлежало 17% и второму — 50%².

¹ R. Solow. Technical Progress, Capital Formation and Economic Growth, p. 85.

² M. Intrilligator. Embodied Technical Change and Productivity in the U. S. 1929—1958. — «The Review of Economics and Statistics», February 1965.

Аналогичное исследование проделал американский экономист Грилихес на основании обрабатывающей промышленности США за 1947—1960 гг. Обычный подход к оценке технического прогресса показал, что свыше 60% роста продукции за этот период можно приписать, по его словам, «необъясненной категории технических изменений».

Вводя затем соответствующие поправки на рост качества рабочей силы в связи с увеличением числа лет образования, а также соответствующие поправки, направленные на более полный учет так называемых услуг капитала (вместо чистого запаса автор считает необходимым использовать темпы роста валового запаса, учесть повышение качества оборудования, учесть некоторые несоответствия в ценах и т. п.), он приходит к следующим выводам.

Из этих 60% можно приписать 22% повышению качества рабочей силы, 18 — материализованному техническому прогрессу и 2% — экономии от масштабов производства. «Необъясненная» часть технического прогресса, таким образом, снижается, по расчетам Грилихеса, до 18%¹.

Попытки выделить из общего показателя технического прогресса его «материализованную» часть являются, по нашему мнению, своеобразным способом преодолеть ту ограниченность функции Кобба—Дугласа, которая обусловлена статическим характером ее параметров. Мы уже писали выше, что использование в качестве параметров функции показателей распределения национального дохода основывается на чрезвычайно нереалистических допущениях, в первую очередь на предположении совершенной конкуренции и установления цен производственных факторов в соответствии с их предельными продуктами.

Кроме того, использование показателей распределения национального дохода приводит к тому, что накопление капитала играет менее важную роль, чем рост занятости. Если доли труда и капитала в национальном доходе равны соответственно 0,75 и 0,25, то это означает, что 1% увеличения занятости увеличит

¹ «The Theory and Empirical Analysis of Production». New York — London, 1967, p. 317.

национальный доход на 0,75%, а 1% роста капитального фонда увеличит национальный доход всего лишь на 0,25%. Больше того, поскольку быстро растущий фактор (капитал) получает значительно меньший удельный вес, чем медленно растущий (труд), то сам остаток — «технический прогресс» оказывается завышенным. (Если, к примеру, темп роста национального дохода равен 3,87%, темп роста капитала равен 3% и занятости — 1,5%, темп «технического прогресса» составит: $r = 3,87 - (0,25 \times 3 + 0,75 \times 1,5)$; $r = 2\%$. Соответственно доля капитала в темпах роста будет равна 19%, доля труда — 31 и технического прогресса — 50%.)

Когда буржуазные экономисты выделяют «материализованный» технический прогресс, они получают возможность увеличить роль накопления капитала, не меняя самих параметров функции.

К оценке параметров функции Кобба—Дугласа можно подойти эмпирически. Полученные при этом параметры будут отражать фактическое влияние основных производственных факторов на рост продукции, определяемое техноэкономическими условиями данного периода времени. Так, например, расчет параметров на основе макроэкономических показателей роста американской экономики — валового национального продукта, основных фондов и занятости, сделанный с помощью метода наименьших квадратов, показал следующие результаты (период 1947—1965 гг.):

$$\alpha = 0,59; 1 - \alpha = 0,41 \text{ и } r = 1,1 .$$

Разложив общий темп роста валового национального продукта по факторам, мы получили, что в указанный период 51% роста был связан с увеличением основных фондов, 12% — с ростом занятости и 37% приходилось на технический прогресс.

В этом расчете, таким образом, роль капитала возрастает, сокращается значение роста занятости и несколько снижается удельный вес технического прогресса¹.

¹ Полученные результаты аналогичны выводам некоторых американских экономистов. Р. Нелсон приводит следующую таблицу, характеризующую темп и долю технического прогресса в

Расчеты «материализованного» технического прогресса в какой-то степени «реабилитировали» значение инвестиций в основной капитал, без которых невозможен не только экономический рост, но и сам технический прогресс. Они способствовали выработке более сбалансированных представлений о роли производственного и непроизводственного накопления в процессе экономического роста.

* *
*

Хотя статистико-экономический анализ факторов роста на базе производственных функций продвинулся далеко вперед по сравнению с 50-ми годами, в настоящее время высказывается немало сомнений относительно точности выводов, основанных на этом анализе. «Наши познания, — пишет Р. Нелсон, — по-видимому, все еще слабы как в отношении формы функциональной зависимости, так и в отношении величин определенных ключевых параметров»¹.

В критике, которой подвергаются ныне различные аспекты функционального анализа факторов экономического роста, можно выделить два направления. Одно из них отражает неудовлетворенность достигнутым, поиски более точных оценок параметров и более

условиях, когда $a_1=0,25$ (в соответствии с теорией предельной производительности) и когда $a_2=0,5$ (примерно соответствует итогам регрессионного анализа).

Период	$a_1 = 0,25$	$a_2 = 0,5$	y	$\frac{r_1}{y}$	$\frac{r_2}{y}$
1929—1960	2,1	1,7	3,1	0,70	0,55
1929—1947	1,9	1,7	2,5	0,76	0,68
1947—1960	2,5	1,8	4,0	0,62	0,45
1947—1954	2,9	2,1	4,4	0,50	0,48
1954—1960	2,1	1,6	3,5	0,60	0,46

Источники. „American Economic Review“, September 1964.

¹ R. Nelson. Aggregative Production Functions and Economic Growth Policy. — «The Theory and Empirical Analysis of Production», p. 484.

адекватных форм производственных функций. В частности, следует отметить тот факт, что эта критика нередко касается основных постулатов теории предельной производительности, на базе которой, как правило, определяются параметры функции¹. Второе направление критики состоит в том, что от производственных функций хотят получить такие сведения, на которые они не рассчитаны. Нельзя забывать, что макроэкономические производственные функции, как всякий другой инструмент макроэкономического анализа, дают и могут дать лишь самые общие представления о народнохозяйственных взаимосвязях, о роли агрегированных факторов экономического роста. Они не могут отразить тех качественных изменений в экономике, которые не имеют или не поддаются количественной оценке. А если такие оценки делаются, в них неизбежны элементы условности и субъективизма. Поэтому анализ на базе производственных функций должен быть дополнен другими методами анализа, которые в то же время вряд ли являются его субститутами.

Рассмотренные выше методы оценки эффективности общественного производства в форме оценки технического прогресса — при критическом отношении к лежащей в их основе теории — могут явиться одним из полезных инструментов решения проблемы измерения общественной производительности труда, или эффективности всего общественного производства. Для общества, как и для отдельного предприятия, имеют значение не только затраты живого труда, но и затраты труда овеществленного, воплощенного в материалы и орудия труда. Поэтому динамику общественной производительности труда должен выражать показатель, характеризующий рост продукции на единицу всех затрат труда, как живого, так и овеществленного. Другими словами, он должен выражать экономию всех этих затрат, которая в свою очередь может достигаться тремя способами: путем экономии живого труда; экономии прошлого труда, овеществленного в материалах; путем экономии прошлого труда, овеще-

¹ См., в частности, «The Residual Factor and Economic Growth». Paris, 1964.

ствленного в средствах труда, — либо комбинацией этих трех способов.

Каждый из этих показателей в отдельности не может дать оценки полной эффективности производства. Каждый из них односторонен. Идеальным является, конечно, случай, когда рост производства сопровождается экономией как живого, так и прошлого труда, как рабочей силы, так и основных фондов. Следовательно, встает задача, как же все-таки оценить общую комплексную эффективность общественного производства, особенно в тех случаях, когда частные, односторонние показатели эффективности, каковыми являются производительность труда и фондоотдача, показывают противоположные результаты.

Признавая необходимым сравнивать рост продукции не только с затратами живого, но и с затратами прошлого труда, анализировать влияние этих затрат в отдельности и в целом на рост продукции, мы ни в коем случае не склонны преуменьшать значение живого труда как активного фактора производственного процесса. Вышесказанные соображения ни в коем случае не означают, что в процессе производства труд живой и овеществленный в предметах и орудиях труда являются равноценными, равноправными партнерами. Человек и живой труд играют решающую роль в процессе производства. Анализ количественных зависимостей в данном случае выполняет свою самостоятельную ограниченную роль и не претендует на то, чтобы подменить собой глубинные причинные взаимосвязи, лежащие в основе процессов производства стоимости.

3. ПРОБЛЕМА ДИНАМИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ В НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ РОСТА

Сторонники неоклассической теории роста на базе производственной функции стремятся определить условия динамического равновесия и сформулировать соответствующие предложения относительно характера государственной экономической политики. Выше уже указывалось, что сторонники неоклассической теории роста критикуют Харрода и дру-

гих неокейнсианцев за их концепцию неустойчивости динамического равновесия, на основе которой делаются выводы о необходимости прямого государственного вмешательства в экономику. Неоклассики стремятся смягчить эти выводы. В общих чертах эта цель достигается следующим образом.

Строится абстрактная модель роста, отражающая условия свободной конкуренции, в которых якобы действуют законы предельной производительности. Доказывается, что для такой модели не существует проблемы отклонения от состояния динамического равновесия. Другими словами, утверждается, что в такой экономике нет расхождений между фактическим, естественным и гарантированным темпами роста.

И на этом основании делаются выводы о том, что внешние корректирующие меры должны быть направлены не на то, чтобы дополнить частную экономику государственной или ограничить сферу ее действия, а на то, чтобы лишь устранить препятствия, мешающие действию законов свободной конкуренции. Для этого необходимы прежде всего соответствующая кредитно-денежная политика, регулирующая норму процента, и ограничение прав профсоюзов в их борьбе за повышение заработной платы.

Наиболее последовательно неоклассическая модель экономического роста разработана английским экономистом проф. Мидом¹. Рассмотрим эту модель.

Главными условиями устойчивого темпа экономического роста Мид считает следующие: 1. Эластичность субституции равна единице. 2. Технический прогресс нейтрален по отношению ко всем факторам. 3. Доля сбережений из дохода всех трех факторов является величиной постоянной.

Первое условие уравновешенного устойчивого темпа роста, согласно неоклассической теории роста, состоит в том, что распределение дохода между трудом и капиталом остается постоянным, т. е. доля прибыли и доля заработной платы в национальном доходе не изменяются, что в свою очередь предполагает свободное изменение соотношения «цен» факторов (т. е. за-

¹ J. E. Meade. A Neoclassical Theory of Economic Growth. London, 1961.

рабочей платы и прибыли) в соответствии с изменением соотношения между их темпами роста.

Понятие нейтрального технического прогресса у Мида и других сторонников теории факторов также связано с распределением национального дохода: нейтральный технический прогресс оставляет это распределение неизменным. В этом случае предполагается, что технический прогресс влияет на предельную производительность каждого фактора одинаковым образом. Если же в результате того или иного «уклона» технического прогресса предельная производительность труда или капитала увеличивается сильнее, то в первом случае будет увеличиваться доля заработной платы в национальном доходе, во втором — доля прибыли.

Таким образом, оба первых условия в конечном итоге говорят об одном и том же: условием постоянного стабильного темпа роста является постоянство распределения национального дохода.

Последнее условие — постоянство доли сбережений во всех категориях доходов — особых разъяснений не требует и означает лишь постоянство всей суммы сбережений в национальном доходе.

В этих условиях, утверждает Мид, предполагая неизменными темпы роста населения и технического прогресса, «темпы роста всей продукции будут всегда стремиться к какому-то данному постоянному уровню, представляющему собой состояние устойчивого экономического роста»¹.

В своих рассуждениях Мид исходит из модернизированного варианта функции Кобба—Дугласа, в которую включен фактор времени, характеризующий процесс качественных изменений в экономике, объединяемых общим понятием технического прогресса. Мы рассмотрели этот тип производственной функции в § 2, где показали, как в результате ряда математических преобразований и при определенных предпосылках она превращается в формулу $y = \alpha k + \beta l + r$, где

y — среднегодовой темп роста национального дохода;

k — среднегодовой темп роста капитала;

¹ J. E. Meade. A Neoclassical Theory of Economic Growth, p. 29.

l — среднегодовой темп роста рабочей силы;
 α и β — соответственно доли капитала и труда в национальном доходе;

r — темп технического прогресса.

Согласно этой формуле, темп роста национального дохода равен сумме темпов роста основных факторов — труда и капитала, взвешенных по доле их доходов в национальном доходе, плюс темп технического прогресса.

Опираясь на эту формулу и предполагая, что l и r , т. е. темпы роста трудоспособного населения и технического прогресса, постоянны, Мид делает вывод, что постоянство y будет достигнуто в том случае, если темпы роста капитала будут также устойчивыми и, кроме того, равными темпам роста национального дохода. Иными словами, вывод таков: устойчивость роста национального дохода в условиях, сформулированных выше, будет иметь место в том случае, если темпы его роста равны темпам роста капитального запаса. Это, по терминологии Мида, так называемый критический уровень темпа роста национального дохода.

Что произойдет, если фактический темп роста капитального запаса вследствие повышения склонности общества к капиталовложениям превысит этот «критический уровень»?

Если темпы накопления превысят «критический уровень», то при тех условиях, которые сформулированы выше, вступает в действие механизм, автоматически снижающий темпы накопления. Так как, согласно сформулированным условиям, доля сбережений в доходе постоянна, прирост сбережений, необходимый для финансирования более высоких темпов накопления, начинает отставать от последних, оказывая на них сдерживающее влияние. Обратное произойдет, если темпы накопления окажутся ниже темпов роста национального дохода.

А что произойдет в том случае, если темпы роста рабочей силы превысят темпы накопления капитала? В этом случае благодаря снижению предельной производительности труда вступит в действие механизм замещения труда капиталом и новое сочетание производственных факторов (при сохранении постоянст-

ва распределения дохода между ними) обеспечит их полную занятость.

Эта модель устойчивого роста приемлема, как подчеркивает сам автор, к абстрактным экономическим условиям — к условиям, где действуют законы предельной производительности, где производственные факторы могут сочетаться в любых пропорциях благодаря соответствующим изменениям их предельной производительности. Но Мид не останавливается на этом. Он ставит следующие вопросы: если в реальной экономике факторы производства не могут сочетаться в любой пропорции, если не действуют законы предельной производительности, то какие условия экономической системы смогут обеспечить тот же результат, что при действии законов предельной производительности?

В «классической» модели не может быть ни избытка капитала, ни избытка труда. Если темп роста трудоспособного населения начнет обгонять темп прироста капитала, то предельная производительность дополнительных единиц труда будет падать, и это побудит использовать более трудоемкие методы производства для получения того же количества продукции. Напротив, более быстрые темпы роста капитала сделают труд по отношению к капиталу более дорогим и будут поэтому способствовать использованию более капиталоемких методов производства.

Возникновение избытка труда или его недостатка в реальной действительности Мид отнюдь не связывает с противоречиями капиталистического производства. Он связывает его лишь с фиксированностью технических пропорций (жестко фиксирована величина капитала на единицу продукции, т. е. капиталоемкость, либо жестко фиксирована величина капитала на одного рабочего — капиталовооруженность). В этих условиях рост трудоспособного населения, если он не будет сопровождаться соответствующим увеличением накопления, не приведет к увеличению производства, а весь прирост населения окажется избыточным. Появится безработица.

В противоположном случае, т. е. если капитал будет расти быстрее темпов роста населения, возникнут избыточные производственные мощности. Таким

образом, порочность исходной методологии, когда за основу берутся не реальные производственные отношения капиталистического общества, а техноэкономические условия, определяет и искаженное отображение реальных процессов в капиталистическом воспроизводстве. По Миду, получается, что из-за фиксированности пропорций может возникать либо недогрузка, либо безработица. Но в действительности эти явления сопутствуют друг другу, у них одна причина — противоречия капиталистического производства, порождающие одновременное «сосуществование» праздного капитала, с одной стороны, и излишней рабочей силы — с другой.

Но последуем дальше за логикой автора. Существуют ли в этих условиях пути достижения равновесия, другими словами, способы ликвидации безработицы или недогрузки производственных мощностей?

«В этих условиях, — пишет автор, — остается один механизм в экономической системе, который мог бы привести в соответствие гарантированный¹ и естественный² темпы роста, даже если существуют технически фиксированные соотношения между величиной капитала и уровнем продукции или между величиной капитала и количеством применяемого труда. Этот уравнивающий механизм мог бы работать путем воздействия относительных количеств труда и капитала на распределение национального дохода между прибылью и заработной платой, и благодаря этому — на сберегаемую часть национального дохода и, следовательно, на сам гарантированный темп роста»³.

Если возникает безработица, то, пишет Мид, в условиях *свободной конкуренции* (читай: в условиях, когда отсутствуют профсоюзы) и в условиях *разумной кредитно-денежной политики* два рычага будут действовать в направлении ее рассасывания. Первый — это конкуренция между рабочими, которая бу-

¹ Как и Харрод, Мид имеет в виду темп роста, обеспечивающий полное использование производственных мощностей (капитала).

² Темп роста, обеспечивающий занятость для всего прироста населения.

³ J. E. Meade. A Neoclassical Theory of Economic Growth, p. 48.

дет снижать заработную плату, увеличивая прибыльность капитала, а следовательно, и доходы класса капиталистов. Перераспределение дохода в пользу капиталистического класса вызовет рост сбережений, увеличит темпы накопления и тем самым восстановит равновесие между ростом населения и темпами накопления.

Второй рычаг — это некоторое изменение пропорций между трудом и капиталом, которые в действительности не являются абсолютно жесткими, хотя в то же время и не обладают абсолютной способностью к взаимному замещению. Эти изменения в свою очередь будут следствием изменения цен факторов производства, т. е. снижения заработной платы или ее повышения относительно движения прибыли на капитал.

В любом случае речь идет о перераспределении национального дохода в качестве механизма достижения равновесия.

В свою очередь механизм перераспределения сыгрывает свою роль в уравнивании естественного и гарантированного темпов роста только в том случае, если доля сбережений из прибыли выше, а доля сбережений из заработной платы ниже, чем тот уровень нормы сбережений национального дохода в целом, который необходим для критического уровня сбережений.

Таким образом, отвечая на вопрос, какие же условия обеспечивают уравнивание гарантированного и естественного темпов роста в реальной действительности, Мид приходит к выводам, прямо противоположным тем, которые следуют из его анализа равновесия в условиях классической схемы.

Изменение в распределении дохода между трудом и капиталом при условии, что доля сбережений из прибыли выше, чем из заработной платы, — вот тот механизм, который будет способствовать заполнению разрыва между двумя темпами роста. В новой форме повторяются докейнсианские рецепты лечения недуга безработицы — беспрепятственное снижение зарплат. Этот старый рецепт Мид подкрепляет безусловным требованием проведения такой кредитно-денежной политики, которая бы обеспечила устойчивость относительных цен. Ведь только в этом случае конкурен-

ция может обеспечить реальное перераспределение дохода, необходимое для восстановления равновесия.

Не случайно в неоклассической модели Мида государству приписывается лишь косвенная стабилизирующая роль. Государство, по мнению неоклассиков, с его безграничным ростом расходов является дестабилизирующим фактором. Всей своей теоретической концепцией они стремятся доказать, что для обеспечения стабильного, устойчивого роста нужна не компенсационная деятельность государства с его инфляционными расходами, как это считали Кейнс и его последователи, а устойчивость денежной системы, обеспечиваемой кредитно-денежной политикой центрального банка. Тогда, мол, заработает механизм перераспределения дохода, якобы наилучшим образом обеспечивающий полную занятость ресурсов и устойчивый рост национального дохода.

При этом одни авторы завуалированно, как Мид, другие — более откровенно и прямо говорят и о другой важнейшей предпосылке «работы» этой системы — отсутствии сильных профсоюзов, препятствующих свободному движению заработной платы, в том числе и ее падению, о возможности безграничной конкуренции между рабочими, а также и конкуренции между капиталистами.

Исходя из всего сказанного, мы считаем, что по сравнению с неокейнсианцами неоклассики делают шаг назад с точки зрения познания механизма движения капиталистического производства. Об этом говорит прежде всего полное игнорирование проблемы реализации, выдвижение которой на первый план, несомненно, является заслугой кейнсианства. Вся проблема трактуется в плане издержек и такого сочетания факторов, которое при минимуме издержек дает максимум прибыли. Но практика показала, что минимум издержек, в частности экономия на заработной плате, оборачивается для капитализма совсем неблагоприятным результатом — снижением спроса населения, ухудшением условий реализации. Это поняли кейнсианцы. И это вновь хотят перечеркнуть неоклассики.

Далее, кейнсианцы поняли и другое: в наше время нельзя исходить из предпосылок существования или возможности восстановления гибкой системы цен,

нельзя рассчитывать на исчезновение профсоюзов. Негибкость системы цен, отсутствие прямых способов снижать заработную плату, а также признание последней в качестве одного из слагаемых «эффективного спроса» — все это привело Кейнса и его последователей к единственно реальному в рамках капитализма способу обеспечения общих условий его дальнейшего роста — к использованию государственных расходов в качестве средства, способного обеспечить стабильный экономический рост.

Попытка решить проблему равновесия, игнорируя проблему реализации, — наиболее слабое место неоклассической теории роста. Характерно, что в отличие от теоретика Мида экономисты, имеющие дело с практикой, со статистическим анализом, отдают себе ясный отчет в том, что модели и соответственно прогнозы, основанные на изучении факторов производства, не могут дать ответа на проблемы реализации. Эти модели могут объяснить потенциально возможный уровень производства, но они ничего, абсолютно ничего не говорят об условиях его реализации. Они говорят о возможностях производства, но не показывают, от каких условий зависит использование этих возможностей и, следовательно, фактический уровень производства, который в условиях капитализма может значительно отклоняться от потенциально возможного.

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ РОСТА И ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Кейнсианское и неоклассическое направления, являясь основой неоклассического синтеза, внесли свой вклад в обоснование современной политики регулирования процессов роста капиталистического производства. Формирование ее тесно связано с развитием обоих теоретических направлений, хотя кейнсианству бесспорно, принадлежит приоритет в этой области. Анализ концепций, проведенный в предыдущих главах, показывает, как первоначальная идея Кейнса о необходимости регулирования капиталистической экономики в целях преодоления экономических спадов и взбадривания вялой экономической конъюнктуры постепенно расширялась, превращаясь в концепцию поддержания устойчивого сбалансированного роста, требующего проведения постоянной антициклической политики; как эти представления о роли государства были усилены идеями о значении государства в деле повышения экономического потенциала.

1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Экономическая политика в связи с усилением государственно-монополистических тенденций играет все более важную роль в процессе современного капиталистического воспроизводства.

В ней находят выражение усилия государства по обеспечению общих условий роста капиталистического хозяйства и эксплуатации рабочего класса, связанные с поддержанием определенных макропропорций в экономике, с развязыванием узких мест, тормозящих развитие, с созданием дополнительных стимулов или условий для более быстрого роста, с решением наиболее острых социальных проблем, угрожающих политической стабильности общества, и т. п.

Экономическая политика складывается в конечном счете в результате острой борьбы интересов различных групп монополистического капитала, в результате столкновения интересов монополистического и немонополистического секторов экономики, она испытывает на себе влияние и демократических сил. Эта борьба интересов проявляется в столкновении разных политических партий и групп, на решения которых влияют не только принципиальные положения их программ, но и определенные конъюнктурные обстоятельства, политические события и т. п. «Не так-то просто, — пишет американский экономист Н. Кайзер, — оценить значение теоретических элементов при определении политики в области налогов и расходов. Структура комитетов в конгрессе, партия, стоящая у власти, партия, контролирующая Белый дом, личные качества и организационные способности лидеров конгресса и исполнительных органов власти — все эти элементы играют важную роль в определении того, какой вид получают применяемые законодательные акты и, следовательно, проводимая на деле финансовая политика»¹. В сложной игре всех этих социальных сил экономическая политика государства в конечном счете способствует сохранению и укреплению капиталистического способа производства.

Нельзя думать, что развитие экономической теории, с одной стороны, и создание разветвленной системы государственных органов — с другой, являются условием того, что экономическая политика всегда и во всех случаях опирается на выводы ученых. Экономическая политика есть результат взаимодействия мно-

¹ N. F. Keizer. *Macroeconomics. Fiscal Policy and Economic Growth*. New York — London — Sydney, 1964, p. 10.

жества факторов, о которых мы упомянули выше и рассмотрение которых не входит в задачу настоящей главы. Однако можно считать, что развитие экономической теории становится все более важным фактором, определяющим существо экономической политики — ее целей и методов достижения этих целей.

Именно поэтому государство и лица, которые его представляют, при определении целей и методов экономической политики, особенно в долговременном плане, все в большей степени стремятся опереться на достижения экономической науки. В США эта тенденция особенно отчетливо проявилась с приходом в Белый дом Кеннеди. Американский экономист Кентер-бери, посвятивший специальную работу анализу того, какие именно экономические теории легли в основу политики экономического роста, писал: «Мы почувствовали себя нужными; естественный комплекс неполноценности, свойственный представителям социальных наук, чувство неспособности превратить экономические концепции в действие, почти исчезли после 1961 г.»¹. «Нынешние разговоры относительно «интеллектуальной революции» и «новой экономической теории», — пишет У. Хеллер, председатель совета экономических консультантов правительства Кеннеди, — возникли не в результате каких-то потрясающих открытий новых экономических истин, а благодаря быстрому и прогрессивному проникновению современной экономической теории в фабрику национального мышления и разработки экономической политики»².

В основе современной экономической политики, по мнению У. Хеллера, лежат три десятилетия развития экономической науки. Ее основные этапы он видит в работах Кейнса, который впервые выдвинул проблему детерминатов, определяющих уровень занятости и национального дохода; в дальнейшем развитии кейнсианского анализа А. Хансеном; в создании концепции национального дохода и валового национального продукта С. Кузнецом, открывшей путь к построению макроэкономических статистических показателей раз-

¹ E. R. Canterbury. *Economics on a New Frontier*. Belmont, 1968, p. 2.

² W. Heller. *New Demensions of Political Economy*. Harvard, 1966, p. VII.

вития экономики; в «неоклассическом синтезе» Р. Самуэльсоном проблем полной занятости и эффективного размещения ресурсов; в развитии количественных аспектов экономического анализа, связанных с применением электронно-вычислительных машин. В этой же связи огромное значение имеют и исследования теоретиков экономического роста. В определенных рамках, там, где речь идет о техноэкономических связях, присущих развивающейся экономике, экономическая политика обретает, таким образом, объективную базу. Однако эта объективная база ограничена и уязвима по двум направлениям.

Во-первых, по линии относительности и несовершенства самих инструментов познания, что, естественно, свойственно всякой теории. Более точное представление или более точное отражение тех или иных взаимосвязей вынуждает изменять и политику.

Во-вторых, она уязвима и в том отношении, что сама буржуазная экономическая теория не является объективной. В разных ее направлениях проявляются и разные подходы к защите интересов монополистического капитала. Этот подход может быть более широким, отражающим более глубокое понимание противоречий капиталистического общества, более окрашенное идеями буржуазного реформизма, усматривающего в реформах и ограничениях кратковременных интересов монополистического капитала сохранение общих условий его господства и принципов существования капиталистического общества в целом. Этот подход может быть и более узким, защищающим интересы монополий прямо и в лоб, усматривающим в реформизме, в росте государственности — и не без оснований — пути к созданию материальных предпосылок социализма и потому стремящимся всячески ограничить этот способ защиты и укрепления устоев капиталистического общества.

Поэтому, рассматривая связь экономической теории с экономической политикой, мы должны проследить и отражение в ней разных теоретических мнений.

Возникновение политики экономического роста было связано с существенным расширением представлений о роли государства в регулировании процессов капиталистического воспроизводства. Политика эконо-

номического роста предполагала, что государство от чисто конъюнктурной политики, основанной на регулировании платежеспособного спроса, переходит к политике длительного воздействия на экономический потенциал страны, подчинив этой задаче и антициклическую политику. В качестве параметров регулирования политика роста имеет как экстенсивные факторы роста, т. е. предложение рабочей силы и капитала, так и интенсивные факторы, ускоряющие технический прогресс. Огромное значение интенсивных факторов в современных условиях делает это направление политики роста особенно важным.

Политика длительного экономического роста тесно переплетается с антициклической политикой, что дает основание некоторым экономистам рассматривать ее как составную часть политики роста. В то же время это переплетение — одно из сложных и противоречивых аспектов современной стадии государственно-монополистического регулирования. Политика экономического роста имеет определенный приоритет перед антициклической политикой, так как она предполагает более фундаментальные способы воздействия на экономику. И тем не менее политика экономического роста нередко оказывается в подчинении у антициклической политики, вынуждена уступать ей. Для осуществления политики роста в прямом и непосредственном значении этого термина самым благоприятным периодом является фаза подъема экономического цикла, когда в экономике в общем «все в порядке». В ряде аспектов политика экономического роста совпадает с антикризисной политикой — в той мере, в какой она направлена на увеличение инвестиций, как частных, так и государственных, на повышение занятости, на ликвидацию депрессивных районов — одним словом, на расширение экстенсивных факторов роста. Однако, если приоритет отдается преимущественно мерам, направленным на повышение экономической эффективности без соответствующего расширения производственного и потребительского спроса, то в условиях избытка производственных мощностей, вялого развития, связанного с перепроизводством, такие меры могут лишь усугубить трудности. Не удивительно поэтому, что большинство американских экономистов, как мы

увидим ниже, в таких условиях отдают предпочтение традиционной кейнсианской политике увеличения «эффективного спроса».

Особенно острые противоречия между политикой роста и антициклической политикой возникают в условиях нездорового перенапряжения ресурсов, бума, инфляционного роста цен. В этих условиях политика роста вынуждена уступать под натиском ограничительных мероприятий правительства. В условиях экономического «перегрева» боязнь последующего краха заставляет принимать срочные меры по сдерживанию конъюнктуры — по ограничению инвестиционных и потребительских ресурсов с помощью всех существующих форм кредитной и налоговой политики, а также путем ограничения государственных расходов. Жертвой этой политики неизбежно становятся те мероприятия, которые связаны с требованиями политики экономического роста и направлены на увеличение капиталовложений или изменение их структуры, а также на увеличение государственных расходов в инфраструктуру. В этих противоречиях находят выражение противоречия самого капиталистического воспроизводства, неустойчивый характер которого ограничивает масштабы и эффективность долговременного регулирования экономики.

Ярким примером такого противоречия является экономическая политика Англии, получившая название «stop and go» — «стой—иди». Глубокая структурная перестройка хозяйства, повышение потенциальных возможностей роста, увеличение расходов на научные исследования и ускорение общих темпов технического прогресса — все эти меры, связанные с необходимостью ускорения темпов роста, всякий раз наталкиваются на политику ограничения экономического роста вследствие внутренних противоречий развития английской экономики, порождающих периодические кризисы ее платежного баланса. Аналогичная ситуация наблюдалась и в США, где чрезмерные темпы роста последних лет, стимулируемые войной во Вьетнаме, огромный рост бюджетного дефицита и целый ряд других явлений вызвали острую вспышку инфляционного повышения цен. В результате политика роста должна была потесниться под нажимом обстоя-

тельств, требующих срочного применения традиционных антициклических мер по ограничению темпов экономического развития и снижению государственных расходов.

В капиталистическом мире политика экономического роста раньше всего начала складываться в европейских странах. После войны в большинстве из них — во Франции, Голландии, Швеции, Норвегии, позднее в Англии, а также в Японии экономическое регулирование осуществлялось на базе различных форм индикативного планирования, которое в числе других целей, а в ряде случаев в качестве главной цели предполагало структурные перемены в экономике, повышение эффективности производства, увеличение темпов роста. Политика экономического роста в этих странах осуществлялась, таким образом, в рамках того, что принято называть «экономическим программированием»¹.

В настоящей главе мы рассматриваем то влияние, какое макроэкономическая теория оказала на формирование политики экономического роста в США — стране, где не практиковалось долговременное экономическое регулирование и преобладали краткосрочные, антициклические формы вмешательства государства в экономику.

Возникновение и развитие теории экономического роста в этой стране привлекло внимание прежде всего к долговременным аспектам регулирования. Она определенным образом показала, что краткосрочное антициклическое регулирование экономики должно уступить свой приоритет более общей экономической политике роста, направленной на регулирование капиталистического производства с учетом его потенциальных возможностей и с учетом изменения этих потенциальных возможностей. Эту переориентацию отразил в уже цитированной выше работе У. Хеллер. Он писал в 1966 г.: «Ушел в прошлое антициклический синдром 50-х годов. Политика концентрируется теперь на устранении разрыва между потенциальным и фактиче-

¹ См., в частности, Л. Б. Альтер. Экономическое программирование в развитых капиталистических странах. — Сб. «Экономическое программирование в капиталистических странах». Научные труды НИЭИ при Госплане СССР. М., 1968, стр. 17.

ским темпами роста, на реализации и повышении неинфляционного экономического потенциала»¹.

«Под политикой экономического роста, — писал другой американский экономист, Р. Нелсон, — я понимаю политику, направленную на потенциальные темпы роста продукции, на расширение производственных возможностей роста»².

Для формирования политики экономического роста особое значение имеют, на наш взгляд, следующие проблемы, занимающие центральное место в концепциях роста и ставшие предметом исследований и дискуссий среди американских экономистов самых разных школ и направлений. Это, во-первых, проблема определения потенциально возможных темпов роста экономики; во-вторых, вопрос о том, что определяет в конечном счете рост капиталистического производства: условия реализации — спрос или условия производства — предложение; в-третьих, определение и оценка роли отдельных техноэкономических факторов роста производства. По этим проблемам среди американских экономистов единодушного мнения нет. Различия в оценках и мнениях являются как результатом объективных трудностей в исследовании той или иной проблемы, несовершенства методов познания, так и следствием приверженности их авторов к разным направлениям буржуазной политэкономии.

2. ПОТЕНЦИАЛЬНО ВОЗМОЖНЫЕ ТЕМПЫ РОСТА

В теории экономического роста потенциально возможные темпы роста выступают как глобальный ориентир в определении характера экономической политики. Из нее следует, что разрыв между фактическими и потенциально возможными темпами роста должен быть объектом антициклической политики — в этой ситуации достаточно регулировать спрос в соответствии с кейнсианскими рецептами компенсационной политики государства. Если же ставится за-

¹ *W. Heller*. *New Demensions of Political Economy*, p. VII.

² *R. Nelson*. *Aggregative Production Functions and Economic Growth Policy*. — «*The Theory and Analysis of Production*», p. 479.

дача увеличения темпов роста сверх потенциально возможных, то здесь нужна иная политика — политика экономического роста в собственном смысле слова, затрагивающая те звенья экономической системы, которые определяют уровень ее производственных возможностей. Эту точку зрения четко сформулировал Денисон. Он писал: «Абсолютно необходимо различать между (1) ростом потенциального производства нации, ее способностью производить товары и услуги и (2) изменениями в отношении фактического производства к потенциальному. Первое зависит от изменений количества и качества имеющихся труда и капитала, прогресса знаний и т. п. факторов, в то время как последнее определяется главным образом отношением между совокупным спросом и потенциальным производством. Изменение национального продукта в течение какого-то периода определяется, конечно, и тем и другим. Но причины изменений, их объяснение, политика, призванная влиять на них, и формулирование политики в целях будущего роста — все это совершенно разные вещи»¹.

Вопрос о том, какими темпами может или должна развиваться экономика США, привлек внимание специалистов главным образом под влиянием резкого замедления темпов роста американской экономики во второй половине 50-х годов. Именно тогда в многочисленных статьях и выступлениях можно было найти призывы и обещания повысить темпы роста до 4, 5 и даже 6% в год.

Уже формула Харрода—Домара при всей своей упрощенности могла дать общее представление о масштабах проблемы, перед которой оказалась американская экономика. Американский экономист Ваттер, например, проиллюстрировал ее следующими цифрами. Если принять приблизительно, что норма чистого накопления в США составляет в среднем 6%, а длительный уровень капиталотдачи, по данным Кузнеца, составляет 0,67, то необходимый темп роста должен равняться $0,67 \times 0,06 = 4,02\%$ в год². Налицо колос-

¹ E. Denison. *The Sources of Economic Growth in the United States and Alternatives before us*, p. 39.

² H. G. Vatter. *The U. S. Economy in the 1950's*. New York, 1963, p. 267—268.

сальный разрыв с фактическим темпом роста, упавшим в тот период до 2,5% в год.

В 1961 г. Дж. Кеннеди в качестве первоочередной и длительной цели национальной экономической политики провозгласил необходимость повышения темпов роста американской экономики до 4,5% в год. Спустя несколько лет советники президента Никсона по-прежнему считают, что примерно этот уровень темпов роста является наиболее здоровым для длительного роста американского производства. Решение этой проблемы придает особый смысл и в известной мере является стимулом для усиления той практической работы в области расчетов потенциально возможных темпов роста американской экономики, которая в широких масштабах осуществляется в США в послевоенный период¹.

В прогнозах потенциально возможных темпов роста экономики США, рассчитанных на период 60—70-х годов, можно выделить две группы расчетов. Есть серия прогнозов, говорящих о том, что американская экономика способна развиваться на уровне 4,5% среднегодовых темпов роста, если будет достигнута «полная занятость» («полная занятость», по определению американских экономистов, предполагает наличие 4—4,5% безработных). К такому выводу приводят, в частности, расчеты Национальной плановой ассоциации, Совета национальной промышленной конференции, Объединенной экономической комиссии конгресса, экономического отдела «Макгроу-хилл» и некоторых других². Другая серия прогнозов свидетельствует

¹ Только в начале 50-х годов здесь было разработано более трех десятков долгосрочных прогнозов на период от 10 до 50 лет. Долгосрочными прогнозами занимаются многочисленные научно-исследовательские учреждения, такие, как Национальная плановая ассоциация, Совет национальной промышленной конференции, Комитет экономического развития, корпорация «Ресурсы для будущего», «РЭНД», Стэнфордский исследовательский институт и др.

² «Long—Range Projections for Economic Growth. The American Economy in 1970». N. P. A. Washington, 1959; «National Economic Projections to 1975/76. National Economic Projections Series—Report N 65—2». N. P. A. Washington, 1965; «Economic Potentials of the United States in the Next Decade. National Industrial Conference Board», Inc. New York, 1965; «Business Week», 1967, February 11; «The American Economy. Prospects for Growth Through 1980». McGraw—Hill Department of Economics, September 1965.

о том, что потенциально возможные темпы роста американской экономики не превышают 3,5%. К ним относятся прогноз Стэнфордского института¹ и расчеты Е. Денисона². И тот и другой сделаны на основе применения производственной функции.

Совет экономических консультантов, который с 1961 г. стал регулярно подсчитывать разрыв между потенциально возможным и фактическим уровнем производства на каждый данный период времени, исходит из того, что потенциально возможные темпы роста в 50-х годах составляли 3,5% и в 60-х — 3,75%. (Этот показатель наряду с нормой безработицы и величиной недогрузки стал служить важным критерием уровня экономической активности в стране и определителем направления экономической политики.)

Эти различия в оценках не так уж незначительны, как это может показаться с первого взгляда. Денисон, подсчитав, что валовой национальный продукт США в течение 1960—1980 гг. способен увеличиваться всего лишь на 3,3% в год, пришел к выводу о необходимости проведения специальной политики экономического роста. Он показал, что увеличение потенциального темпа роста только на 1 пункт — с 3,3 до 4,3% — потребует больших усилий со стороны государства, направленных на все основные факторы роста. «Различие между темпами роста в 3,3 и 4,3% — это большое различие. Первый предполагает увеличение уровня дохода на душу населения с 1960 по 1980 г. на 33%, второй — на 61%»³, — писал Денисон. В специальном докладе, посвященном анализу того, какие усилия необходимы для повышения темпов роста всего лишь на 1 пункт, Денисон приводит целое «меню» мероприятий, сочетание которых способно обеспечить достижение этой цели при условии, что достигнута полная занятость имеющихся ресурсов (это обстоятель-

¹ Описание производственной функции, лежащей в основе этого прогноза, дается в статье: А. Шаниро и О. Богданов. Перспективы развития экономики США. — «Мировая экономика и международные отношения», 1967, № 5.

² E. Denison. The Sources of Economic Growth in the United States and Alternatives before us, p. 283.

³ E. Denison. How to Raise the High-employment Growth Rate by One-percentage Point. — «American Economic Review», May 1962, p. 69.

ство Денисон неоднократно подчеркивает). В этом «меню» 13 пунктов: здесь и увеличение иммиграции, удлинение рабочего времени, увеличение сроков обучения в целях повышения качества рабочей силы, сокращение структурной и скрытой безработицы, увеличение нормы накопления, устранение дискриминации негров, устранение ограничений во внешней торговле, более эффективное использование ресурсов, расширение научно-исследовательской работы.

Различия в оценках того основного критерия, которым призвана руководствоваться политика роста на практике, несомненно, вносят в нее элементы неопределенности. Если исходить из расчетов Денисона и следовать его рекомендациям, то для достижения 4,5% роста в год в течение длительного времени необходимы меры, увеличивающие сбережения, расходы на образование и науку, повышение темпа роста рабочей силы (вплоть до привлечения иммигрантов) и т. п. Если же исходить из расчетов, по которым потенциально возможные темпы равны 4,5%, то особые усилия в этом направлении не нужны: необходимо лишь обеспечить снижение уровня безработных до 4% в год.

Следует признать, что совершенствование аппарата прогнозирования, учет все большего количества факторов, более тонкие оценки их взаимосвязей, применение электронно-вычислительной техники будут способствовать повышению точности расчетов потенциально возможных темпов роста. Однако из этого ни в коей мере не следует, что так же успешно будет осуществляться само приближение к некоей оптимальной линии развития, зависящее от множества других экономических и политических обстоятельств.

3. СПРОС ИЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

С точки зрения формирования политики экономического роста, отражающей историю развития самой теории роста, большое значение имела дискуссия относительно того, что в конечном счете определяет темпы экономического развития в данных конкретных условиях: условия реализации, т. е. спрос,

или условия производства — предложение экономических ресурсов. Эта дискуссия в значительной мере была связана с тем, что причины нарушения динамического равновесия как в краткосрочном, так и в долгосрочном плане кейнсианцы видят на стороне спроса, в его недостатке или избытке. Неоклассики же первостепенное значение как в длительном, так и в кратковременном аспектах придают факторам, лежащим на стороне производства и предложения ресурсов, — соотношению издержек и цен, оптимальному сочетанию ресурсов, эффективности производства, экономическому потенциалу.

Расхождения между кейнсианцами и неоклассиками явственно проявились при оценках причин замедления темпов роста американской экономики во второй половине 50-х годов. Кейнсианская точка зрения наиболее полное выражение получила в работах Э. Хансена. Состояние американской экономики во второй половине 50-х годов Хансен назвал «полустагнацией». Эта мрачная оценка была продиктована замедлением темпов роста американской экономики, общей вялостью ее экономической жизни.

Действительно, за первые шесть послевоенных лет, с 1947 по 1953 г., в период, когда в американской экономике действовали факторы, порожденные войной и стимулировавшие обновление основного капитала, увеличение капиталовложений в новое строительство, рост потребительского спроса, особенно на предметы длительного пользования, индекс промышленного производства вырос на 39%. Среднегодовой темп прироста промышленного производства в этот период составил 5,6%.

Однако уже после кризиса 1953—1954 гг. темпы роста промышленного производства резко замедлились. В течение следующих семи лет (1955—1962 гг.) индекс производства вырос лишь на 22,3%, причем среднегодовой темп прироста сократился до 2,9% — почти в 2 раза. Физический объем валовых частных капиталовложений с 1947 по 1953 г. (в ценах 1962 г.) увеличился на 21,4% (среднегодовой темп прироста был равен 3,3%), а в 1962 г. он едва превышал уровень 1955 г. (на 1,2%).

Медленные темпы роста производства наряду с

развертывающейся технической революцией, автоматизацией производственных процессов обусловили в этот период хроническое увеличение безработицы. С 1947 по 1962 г. среднегодовой темп роста населения в США равнялся 1,7% в год. В то же время ежегодные темпы увеличения занятости составляли: с 1947 по 1953 г. — 1,1%, а с 1955 по 1962 г. — всего 0,7%.

В результате такого отставания темпов роста населения от темпов роста занятости неуклонно возрастал процент безработных. После кризиса 1948—1949 гг. он составлял 2,6%; 1953—1954 гг. — 3,9%; 1957—1958 гг. — 4,8%; после кризиса 1960—1961 гг. — около 6%. В этих условиях Хансен констатировал: «Вполне возможно, что мы будем от цикла к циклу все дальше и дальше удаляться от потенциально возможного темпа роста. Проблема адекватного роста не была решена. Ее решение требует более эффективных социальных действий и перспективного планирования роста»¹.

По мнению Хансена, замедление темпов роста было связано с резким ослаблением внутренних, «спонтанных» сил, определяющих динамику спроса, как производственного (частные капиталовложения), так и непроизводственного, особенно на товары длительного пользования. В некоторой мере ослабление этих факторов было компенсировано увеличением государственных расходов, однако их уровень оказался далеко не достаточным. Хансен приводит следующую таблицу, иллюстрирующую эти выводы.

Среднегодовые темпы роста² (в %)

Годы	Спонтанные* факторы	Дискреционные** факторы	Средняя
1948—1956	7,3	4,1	6,4
1956—1962	1,6	7,4	3,0

* Валовые частные инвестиции, потребительские товары длительного пользования, военные расходы.

** Федеральные гражданские расходы и расходы местных органов власти.

¹ A. Hansen. Business Cycles and National Income. New York, 1964, p. 620.

² Там же, стр. 633.

Кейнсианская позиция Хансена ярко проявилась в том, что главную проблему он видел в условиях реализации сбережений. В то время как вся институциональная система способствует росту сбережений, инвестиционные возможности расширяются слишком медленно. Экономика США, подчеркивал он, — это экономика высоких сбережений. «Она создает огромное количество сбережений при высоком уровне занятости, состоящих из амортизационных отчислений, нераспределенных прибылей корпораций, пенсионных фондов, страховых резервов, сберегательных депозитов, взаимных фондов и огромного скрытого избытка федерального бюджета. Ни одно общество не может поддержать своего текущего уровня дохода, если все эти сбережения не найдут заемщика в лице предпринимателя, потребителя или государства. Если заемщик не будет найден, то сбережения будут растрчены, и доход снизится. Больше того, в растущем обществе займы должны превышать фонды, предлагаемые заимодавцами; инвестиции должны превышать сбережения или экономика не сможет расти. Чтобы купить большую величину продукции, которая будет произведена «завтра», потребуется израсходовать не только весь сегодняшний доход (включая нахождение достаточного числа заемщиков, чтобы поглотить все текущие сбережения). Кредитная экспансия и новые долговые обязательства также необходимы, чтобы дополненный текущий доход мог покрыть увеличившуюся продукцию завтрашнего дня»¹. Спрос — вот где, по мнению Хансена и других кейнсианцев², нужно искать решение проблемы ускорения темпов роста «вялой» экономики. Эту же точку зрения защищал известный американский экономист Леон Кейзерлинг. В одной из своих статей Кейзерлинг утверждал, что главной причиной низкого темпа экономического роста в США является не недостаток инвестиций, а существенное недоиспользование имеющихся производственных мощностей в результате ограниченности

¹ A. Hansen. *Business Cycles and National Income*, p. 641—642.

² См., например, H. J. Sherman. *Macrodynamic Economics*. New York, 1964. «Проблема, по-видимому, заключается не в недостатке предложения труда и капитала, а в недостатке спроса», — писал он (стр. 203)

спроса на их продукцию. Последнее же является следствием серьезных нарушений пропорций между производством и потреблением.

«Мне кажется очевидным, — пишет Кейзерлинг, — что повторяющиеся рецессии и периоды стагнации с конца корейской войны проистекали из того, что кратковременные инвестиционные «бумы» имели тенденцию обгонять рост частного и государственного потребления. Этот разрыв угрожает следующей рецессией в будущем году до тех пор, пока наша способность потреблять не будет приведена в соответствие с нашей способностью производить... Прямой путь к расширению выпуска реальной продукции в человеко-час вплоть до границ, определяемых техническим потенциалом (который, как показывают последние данные, увеличивается очень быстро), состоит в том, чтобы поддерживать такой баланс между потреблением и инвестициями, который обеспечит полную занятость ресурсов, вместо того чтобы увеличивать безработицу и неэффективность путем стимулирования инвестиций, все более отрывающихся от потребления»¹.

Анализируя причины замедления темпов роста спроса, ведущего к возникновению устойчивого перенакпления капитала («чрезмерности сбережений») в экономике, американские экономисты отмечали ряд важных явлений, которые имеют место в условиях высокоразвитого капитализма и изучение которых имеет большое значение для понимания конкретных форм проявления усиливающегося противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения.

Во-первых, указывалось на тенденцию к снижению капиталоемкости продукции и соответственному повышению капиталотдачи. Эта тенденция ведет, с одной стороны, к росту производственных мощностей и, с другой — к сокращению необходимых капиталовложений для производства единицы продукции. Усиливается разрыв между предложением и спросом, если последний не будет расти быстрыми темпами благодаря возникновению новых сфер потребления, ускоре-

¹ «The New Republic», 1960, October 10, p. 17.

нию самого процесса обновления, расширению капитала, росту потребительского спроса и т. п.

Во-вторых, подчеркивался отрицательный эффект роста сферы услуг, куда во все большей мере направляются капиталовложения и «продукция» которой занимает все большее место в расходах потребителей. Хотя эта сфера открывает новые возможности для приложения капитала и труда, однако ее особенность состоит в том, что капиталоемкость продукции здесь (за исключением предприятий общественного пользования) значительно ниже, чем в отраслях материального производства. Изменения в структуре национального производства, таким образом, тоже ведут к относительному снижению спроса на капиталовложения.

В-третьих, подчеркивается также значение потребительских расходов в современной экономике развитого капитализма. Став ключевым сектором развития экономики, по словам Ростоу, они в то же время сдерживают ее рост тем, что сами увеличиваются низкими темпами. Не вскрывая социально-исторических причин этого явления, буржуазные экономисты тем не менее констатируют действительно важное структурное изменение современного капитализма. Автор теории стадий экономического роста У. Ростоу писал, например, что в век «высокого массового потребления» рост базируется в основном на эндогенных инвестициях, т. е. инвестициях, связанных с ростом доходов населения. Ведущими экономическими секторами в этот период (это важное понятие в общей теории стадий Ростоу, на базе которого определяется сама стадия и ее характерные особенности) становятся отрасли, производящие предметы потребления длительного пользования¹.

Американский экономист Ваттер также подчеркивал тот факт, что в высокоразвитой капиталистической экономике инвестиции все в большей степени зависят от роста потребительских расходов. В работе, посвященной анализу американской экономики 50-х годов, он писал: «Значительно большая доля частных инвестиций, чем раньше, в современных условиях

¹ W. Rostow. The Stages of Economic Growth. New York, 1960. p. 79.

является производными инвестициями. Это положение означает, что так называемые «автономные инвестиции», или «инвестиции для дальнейших инвестиций» (Феллнер), или «предпринимательские инвестиции» (Ламфэласи)... характеризующие виды инвестиций, более или менее не зависящие от потребительского спроса, теряют по разным причинам свое значение...

Инвестиции в конечном счете представляют собой «производный» спрос. Так было всегда. Что, по-видимому, исчезло из инвестиций, так это их автономная часть, связанная с увеличением капитала на единицу производства, которая не зависела от (конечного) спроса, но в итоге увеличивала последний»¹.

В-четвертых, некоторые экономисты указывают и на определенную неэластичность спроса на капиталовложения со стороны монополий (Ваттер, Д. Робинсон, Х. Шерман и др.). Однако этот аспект проблемы — монополистическое ограничение спроса по разным причинам, социальным и техническим, изучается очень слабо.

Такова кейнсианская точка зрения на причины замедления темпов роста американской экономики второй половины 50-х годов. Иную оценку этому явлению дали экономисты-неоклассики. Их позиция была сформулирована одним из самых известных хранителей неоклассических традиций в буржуазной политэкономии США, А. Бернсом². Кейнсианскую точку зрения А. Бернс заклеил как «новую теорию стагнации». Бернс критиковал своих противников по всем пунктам.

— Вы говорите, что фазы расширения от цикла к циклу сокращались? — писал он. Но период 1949—1953 г., с которым сравниваются последующие периоды расширения (1954—1957 и 1958—1960 гг.), по его мнению, следует вообще исключить из сравнений, ибо на него наложила отпечаток корейская война.

— Уровень безработицы превышает признанные «нормальными» 4%? Тем хуже для фактов, — возражает Бернс. «Один пример высокой безработицы сам

¹ H. G. Vatter. The U. S. Economy in the 1950's., p. 288.

² A. Burns. Examining the New «Stagnation Theory». — «Business Fluctuations, Growth and Economic Stabilization». New York, 1963.

по себе дает слабую поддержку выводам о том, что последовательные подъемы становятся слабее или что разрыв между фактическим или потенциальным производством приобрел опасно повышательное направление».

— Разрыв между фактическим и потенциальным уровнем производства достигает 30 млрд. долл.? Но возьмите за основу расчетов другой год, продолжает Бернс, и вы получите менее пессимистическую оценку. «Начиная кривую потенциального производства от уровня второго квартала 1957 г. вместо середины 1955 г., можно прийти к выводу, во-первых, что увеличение разрыва шло медленнее, чем это показал Совет; во-вторых, что разрыв существовал более короткий период; в-третьих, что все это справедливо, даже несмотря на предпосылку о значительно более высоких, чем в оценках Совета, темпах роста потенциального производства»¹.

Даже в период замедления темпов роста американской экономики экономисты-неоклассики не склонны были признавать наличия каких-то органических пороков в развитии капиталистического производства.

Эти различия в оценке ситуации определяли и различия в подходе к политике экономического роста.

Сторонники кейнсианского подхода придавали решающее значение государственным расходам. Главная цель последних — увеличить эффективный спрос как со стороны непосредственно государства, так и путем создания благоприятных условий для частных капиталовложений. Особенно большие надежды они возлагали на рост затрат на жилищное строительство и перестройку городов.

«Одна большая надежда, — писал Хансен, — это всеобъемлющая программа обновления городов. Считают, что каждый доллар федеральных расходов открывает возможности для частных капиталовложений в размере от 5 до 7 долл. Мы знаем о так называемом французском типе планирования, в котором бизнес и правительство объединены для осуществления хорошо разработанных в обоюдных интересах длительных программ. Обновление городов — золотое дно

¹ A. Burns. Examining the New «Stagnation Theory», p. 495.

для бизнеса... Мы можем кое-что сделать, конечно, и для образования, и для медицинского обслуживания, и для других настоятельных общественных нужд. Но крупные расходы в этой области вряд ли возможны. Перестройка же городов с ее привлекательностью для денежных мешков представляет собой действительно большие возможности для роста»¹.

В целях создания благоприятных условий для роста частных капиталовложений, стимулирования технического прогресса и образования новых инвестиционных возможностей государство, по мнению кейнсианцев, должно увеличивать расходы на научные исследования и в так называемый человеческий капитал, т. е. на образование, подготовку и переподготовку кадров, медицинское обслуживание и т. п. Кроме того, огромное значение придавалось росту муниципальных расходов на подготовку территории для промышленных предприятий. Росту государственных расходов кейнсианцы отдают предпочтение даже перед снижением налогов. «С точки зрения промышленной конкуренции, — отмечал Хансен, — мы, может быть, движемся в новую эру. Промышленность, возможно, будет более заинтересована в высоком уровне общественных услуг, чем в низком уровне налогов. Замечается, что специальные отделы по экономическому развитию штатов все в большей степени строят свою рекламу не на рекламе низких налогов, а, скорее, на рекламе качества общественного образования, муниципальных услуг, жилищных условий, медицинского обслуживания и т. п.»².

Кейнсианцы, таким образом, видели в росте государственных расходов основной рычаг экономической политики как с точки зрения краткосрочной, антициклической политики, так и в плане создания необходимых условий для обеспечения оптимальных темпов роста в длительной перспективе.

Неоклассики заняли в тот период прямо противоположную позицию. Не признавая наличия каких-либо серьезных пороков в системе частного предпринимательства, рассматривая механизм капиталистиче-

¹ *A. Hansen. Business Fluctuations and National Income*, p. 643—644.

² Там же, стр. 639.

ской конкуренции в качестве важнейшей движущей силы экономического развития, они ставили перед государством ограниченную задачу — поддержание соответствия между прибылью и заработной платой. Больше того, в кейнсианской программе роста государственных расходов, связанных с ростом налогов, они видели ограничение «свободы личности», иными словами, ущемление интересов монополий и т. п.¹ Особенное негодование сторонников этой точки зрения вызывает позиция экономистов левокейнсианского толка, которые видят главное препятствие для экономического роста в недостатке покупательной способности населения.

Источники повышения темпов роста, по их мнению, таятся в росте прибылей путем ограничения или даже полного прекращения роста заработной платы (который, по их мнению, является причиной инфляции), снижения налогов на прибыли корпораций и индивидуального подоходного налога на лиц с высоким уровнем доходов, сокращения государственных расходов на социально-экономические нужды и т. п.

«Меня настораживают, — писал вице-президент «Чейз Манхэттен бэнк» Батлер, — аргументы, согласно которым препятствием для инвестиций было наличие избыточных мощностей вследствие недостатка покупательной способности. Я не думаю, что подобные аргументы выдерживают проверку. Нашей проблемой в течение большинства прошлых лет был не недостаток покупательной способности. Наоборот, проблема состояла в том, что покупательная способность имела тенденцию расти слишком быстро. При устойчивых ценах на промышленные товары это ущемляло прибыли. А несоответственный уровень прибылей тормозил капиталовложения и экономический рост в целом. В настоящее время мы имеем избыточные мощности не в результате чрезмерного расширения, а в результате отставания экономики в целом вследствие низких темпов инвестиций и модернизации»².

¹ Наиболее резкая критика содержится в работах экономистов чикагской школы. См., например, *M. Friedman. Essays in Positive Economics*. Chicago, 1953; «*Capitalism and Freedom*». Chicago, 1963.

² «*Commerical and Financial Chronicle*», 1962, May 3, p. 34.

Наиболее распространенный аргумент неоклассиков против кейнсианской программы роста государственных расходов состоит в том, что последняя якобы не затрагивает коренной проблемы роста — проблему эффективности. На это, например, указывал уже цитированный выше А. Бернс. Бернс яростно обрушился на кейнсианскую программу экономического роста в целом, особенно против тех статей этой программы, которые представляют собой расширение расходов на социально-экономические нужды. «Я бы считал, — пишет он, — что улучшенное медицинское обслуживание престарелых, хотя и желательное с точки зрения благосостояния, мало либо вообще ничего не дает для повышения экономической эффективности или длительного ускорения темпов роста; абсолютно неверно поощрять улучшение медицинской помощи престарелым на той основе, как это делается в настоящее время, будто она также будет стимулировать длительный рост».

И далее: «Проблема ускорения длительного экономического роста слишком упрощается, когда мы предполагаем, что она может быть решена только повышением инвестиционных расходов»¹. «Я сомневаюсь также в разумности существенного увеличения минимума зарплаты во время рецессии, — продолжает он. — Я не считаю повышение минимума зарплаты полезным антирецессионным инструментом, особенно в такое время, как сейчас, когда мы имеем серьезную проблему платежного баланса. Не могу я принять без всяких оговорок и ту точку зрения, что большие федеральные инвестиции в образование, здравоохранение, жилищное строительство, исследования и развитие ресурсов желательны с точки зрения ускорения длительного роста нации. Я думаю, что некоторые из этих типов расходов могут быть оправданы с точки зрения благосостояния, а некоторые с точки зрения экономической эффективности, но я не понимаю, каким образом все они могут ускорить длительный экономический рост только потому, что мы теперь называем их инве-

¹ «Business Fluctuations, Growth and Economic Stabilization», р. 499—500.

стициями»¹. Гвоздь проблемы, по мнению Бернса, состоял в том, чтобы повысить эффективность капиталовложений, а не их объем.

С начала 60-х годов эти споры стали угасать. Этому способствовало несколько причин. Изменялась экономическая конъюнктура. Споры между кейнсианцами и неоклассиками о том, чему отдать предпочтение в экономической политике — стимулированию спроса или стимулированию предложения экономических ресурсов, стимулированию инвестиций или поощрению фондов для инвестиций-сбережений, как правило, утихают в условиях, когда экономика достигает состояния «полной занятости» (так, как ее понимают буржуазные экономисты).

Собственно говоря, экономисты кейнсианского направления, так же как и сам Кейнс, всегда подчеркивали, что в условиях полной занятости господствуют неоклассические законы экономического развития. Для повышения темпов роста в этих условиях необходимо увеличение производственного потенциала страны на базе сокращения потребления, увеличения нормы накопления и роста эффективности².

Кроме того, различия в подходе к характеру экономической политики, к объему и методам государственного вмешательства в экономику все более явно осознаются как необходимые изменения, связанные с фазой экономического цикла и общими задачами экономического роста.

В итоге рассмотрения этих точек зрения можно прийти к выводу, что политика экономического роста складывается как своеобразный синтез кейнсианских и неоклассических представлений о факторах, определяющих экономическое развитие в течение коротких и длительных отрезков времени. Политику стабилизации экономического цикла, основанную на регулиро-

¹ «Business Fluctuations, Growth and Economic Stabilization», p. 501.

² Анализируя теоретические основы экономической политики Кеннеди, американский экономист Кентербери подчеркивал: «Кеннеди склонялся к Кейнсу во время рецессии и медленного роста и к классикам — в периоды ожидаемой инфляции и кризиса платежного баланса» (*E. R. Canterbury. Economics on a new Frontier*, p. 26).

вании спроса, буржуазные экономисты пытаются увязать с политикой увеличения производственного потенциала, основанной на поощрении капиталовложений и увеличении их эффективности.

Конкретно эта «увязка» сводится к использованию кейнсианских методов стимулирования спроса в условиях экономического спада или вялого развития и всемерному способствованию росту производственного потенциала в условиях, когда все существующие экономические резервы производственных мощностей и рабочей силы уже использованы. Увеличение производственного потенциала многие экономисты рассматривают в настоящее время в качестве главного направления стабилизационной политики и в условиях повышательной конъюнктуры, а не просто ограничение спроса, как этого требовали традиционные кейнсианские методы регулирования. Это подчеркивает американский экономист Эндрю Шонфилд в своей работе «Современный капитализм»: «Существо дела в том, что всякая политика, направленная на смягчение инфляции издержек, должна концентрироваться больше на управлении производством, нежели на регулировании спроса. Это значит, что весь характер вмешательства должен быть другим»¹.

Однако столь идеальное сочетание кейнсианских и неоклассических рецептов регулирования, как уже отмечалось выше, приходит в столкновение с практикой капиталистического развития. Неустойчивость роста капиталистического производства не позволяет капиталистическим государствам полностью отказаться от традиционных методов ограничения эффективного спроса в условиях «перегрева» экономической конъюнктуры, ее чрезмерного роста. В этих условиях антициклическая политика вступает в глубокое противоречие с требованиями политики роста. Неконтролируемое превышение темпов роста сверх существующих возможностей вызывает такие пагубные для экономики последствия, как инфляционный рост цен, кризис платежных балансов. В этих условиях боязнь глубокого краха заставляет принимать срочные меры по сдерживанию конъюнктуры.

¹ A. Shonfield. *Modern Capitalism*. London — New York — Toronto, 1965, p. 225.

Подобное сочетание кейнсианских и неоклассических рецептов относительно политики долговременного регулирования, однако, не означает, что снимаются противоречия между представителями обоих направлений относительно конкретных методов краткосрочной антициклической политики. Это ярко проявляется в настоящее время в США, где ведутся споры о том, какими методами преодолеть экономический спад, начавшийся в конце 1969 г. Сторонники неоклассической концепции, оказывающие большое влияние на политику Никсона (Маккрекен — председатель Совета экономических консультантов, Бернс — председатель ФРС, Фридмен — профессор экономики Чикагского университета и др.), призывают к умеренному смягчению кредитно-денежных ограничений в целях стимулирования активности частного сектора без чрезмерного увеличения государственных расходов и других форм государственного вмешательства в экономику.

Сторонники кейнсианского направления, определявшие в значительной мере политику правительств Кеннеди и Джонсона (Геллер, Оукен, Экли), напротив, требуют резкого увеличения государственных расходов, без которых, по их мнению, невозможны ни быстрый экономический рост, ни ликвидация «чрезмерной» безработицы, без которых стране угрожает период длительной «ползучей» стагнации¹.

4. О РОЛИ ИНВЕСТИЦИИ В ПРОЦЕССЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Различия между кейнсианским и неоклассическим подходом к анализу проблем экономического роста ярко проявились в определении главных стратегических факторов экономического роста, на который должна быть нацелена экономическая политика.

Кейнсианская система экономического регулирова-

¹ Полемика между кейнсианцами и неоклассиками о путях экономической политики нашла отражение в известной дискуссии между Фридменом и Геллером, опубликованной в книге *M. Friedman and W. Heller. Monetary vs. Fiscal Policy: A Dialog.* New York, 1969 (См. В. Уоскин. Спор о путях экономической политики в США. — «Мировая экономика и международные отношения», 1971, № 1, стр. 136—142).

ния решающим параметром управления всегда рассматривала капиталовложения. Доходотворческая роль инвестиций, производственных и непроизводственных, частных и особенно государственных, как мы видели выше, рассматривалась ими в качестве основы роста национального дохода в кратковременном плане и, следовательно, в качестве главного фактора антикризисного регулирования. В кейнсианских моделях роста инвестиции являются также ключевым параметром увеличения производственного потенциала страны, главным фактором повышения темпов роста в длительном плане.

Неоклассический анализ факторов экономического роста на базе производственных функций типа Кобба—Дугласа привел к выводу, что в современном капитализме решающая роль в повышении темпов роста принадлежит техническому прогрессу, или повышению эффективности производственных факторов, связанному с процессом технических нововведений, с повышением образования и квалификации кадров, с улучшением организации и управления производством и т. п. Отсюда следуют и выводы: главный стратегический фактор роста не капиталовложения в основной капитал, а факторы, порой количественно неуловимые, способствующие росту эффективности, и прежде всего вложения в «человеческий капитал».

Английский экономист Колин Кларк писал: «Инвестиции в основной капитал являются необходимым условием экономического роста. В то же время они не являются контролирующим или определяющим фактором роста. Экономисты еще не в состоянии проанализировать этот вопрос полностью, но уже можно сказать, что определяющие факторы экономического роста носят не физический характер — естественные ресурсы и инвестиционный капитал, а человеческий». К. Кларк в своей статье подчеркивал, что повышенный интерес экономической политики к капиталовложениям может быть оправдан только одним — тем, что последние легче поддаются контролю и стимулированию, чем человеческий фактор. «Но нельзя ожидать успеха, если политики и экономисты будут решать эту проблему, имея на вооружении лишь простые предложения по регулированию и поощрению инвестиций».

Решающее значение, по мнению Кларка, имеет человеческий фактор, а именно: лучшие знания, организация, образование, квалификация, предприимчивость. Поэтому правительственная политика должна быть направлена прежде всего на улучшение образования, развитие легальных и институциональных условий функционирования рыночной экономики, денежной, банковской и кредитной систем, соответствующего административного законодательства, а также на увеличение капиталовложений в транспорт и разные формы связи. Кларк резко критикует увлечение правительственными капиталовложениями и ростом государственного сектора в экономике. По его мнению, это нарушает свободу частного предпринимательства, порождает диспропорции, неэффективность, ведет к росту цен и налогов и т. п.¹

Такие же аргументы, правда с ударением на нововведения, выдвинул другой известный английский экономист — Кернкросс. Кернкросс тоже против «чрезмерного» увлечения политикой капиталовложений, которая, по его мнению, может привести к избыточным производственным мощностям. Главный стратегический фактор развития — это нововведения. Правда, Кернкросс отдает себе отчет в том, что многие нововведения должны материализоваться в капиталовложениях и, следовательно, роль капиталовложений не так уж мала. Тем не менее он стремится подчеркнуть ту мысль, что само стимулирование капиталовложений должно осуществляться посредством поощрения нововведений, создающих новые инвестиционные возможности.

«Нынешняя дискуссия слишком большое значение придает капитальным инвестициям, особенно индустриальным инвестициям в качестве главного средства повышения жизненного уровня. Увеличение отношения капитал — продукция, не выражающее в основе своей изменения технологических возможностей, вряд ли само по себе может что-либо сделать в высокоиндустриализованной стране; оно может привести лишь к созданию избыточных мощностей. Более высокий уровень инвестиций может сам по себе дать свежий и

¹ C. Clark. The Fundamental Problems of Economic Growth. — «Weltwirtschaftliches Archiv», В. 94, Н. 1, 1965, S. 2—5.

ощутимый импульс для дальнейшего технического развития, но это менее вероятно, когда уровень текущих инвестиций уже высок. В действительности нам необходим более быстрый темп технических изменений и политика, поощряющая нововведения»¹.

В то же время и по этому вопросу можно обнаружить определенное сближение обоих подходов, характеризующее в современной буржуазной политэкономии как тенденция к неоклассическому синтезу.

Ни один экономист кейнсианского толка не станет в настоящее время отрицать значение качественных изменений, ведущих к повышению эффективности экономики и являющихся важнейшим фактором экономического роста. Результаты неоклассического подхода к исследованию факторов экономического роста, приведшие к поразительным выводам, согласно которым наибольший вклад в экономический рост большинства развитых капиталистических стран сделали не количественные факторы — капиталовложения и рабочая сила, а качественные, связанные с затратами, не относящимися традиционно к капиталовложениям и, более того, рассматривающимся в числе непрямых затрат, стали достоянием всей буржуазной политэкономии.

И кейнсианцы, и неоклассики делают отсюда одинаковые выводы — о необходимости стимулирования научных исследований, технического прогресса, обновления капитала, увеличения затрат в «человеческий капитал». Правда, кейнсианцы в отличие от неоклассиков полагают, что такой ход развития не упрощает, а усложняет проблему реализации; он требует увеличения государственных расходов не только в аспекте стимулирования технического прогресса, но и с точки зрения создания дополнительного спроса. Он требует определенного равновесия между производством и потреблением.

В то же время не только кейнсианцы, но и неоклассики все в большей мере склонны признавать необходимость постоянного увеличения государственных расходов, способствующих росту эффективности экономи-

¹ А. К. Cairncross. *Factors in Economic Development*. London, 1962, p. 96—97.

ки, в особенности расходов, направленных на расширение ресурсов квалифицированной рабочей силы, на развитие науки, особенно ее базисных отраслей, на поддержание и развитие естественных ресурсов, а также в инфраструктуру.

Функциональный анализ факторов экономического роста, несмотря на то что сами буржуазные экономисты оценивают в настоящее время его итоги весьма умеренно, все же сыграл важную роль в ориентации политики экономического роста. Этот анализ, особенно его первые результаты, явился одним из побудительных мотивов к тому, чтобы научно-исследовательскую деятельность, образование и подготовку кадров, а в целом инфраструктуру рассматривать в качестве важнейшего объекта политики экономического роста.

5. ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В то время как в большинстве стран Европы главной особенностью государственного регулирования экономики является наличие долговременных программ развития, которые по сути дела и определяют политику экономического роста, в США долговременные аспекты регулирования экономики впервые были определены и сформулированы как специальная программа экономического роста лишь в начале 60-х годов. Это была программа роста правительства Кеннеди. Она включала в себя как меры, направленные на преодоление разрыва между фактическим ростом продукции и ее потенциальными возможностями, т. е. традиционные стабилизационные мероприятия, так и меры, связанные с повышением экономического потенциала. Эта политика была сформулирована и начала осуществляться в условиях, когда американская экономика развивалась очень низкими темпами, имелись огромные неиспользованные резервы рабочей силы. В ней явно возобладали кейнсианские тенденции. На первый план в ней выступила проблема увеличения эффективного спроса на базе резкого увеличения бюджетного дефицита.

Совет экономических консультантов правительства

Кеннеди пришел к выводу, что замедление темпов роста американской экономики является не временным и не случайным, а есть результат мощных сил, препятствующих быстрому росту спроса, особенно инвестиционного. Замедление темпов роста спроса порождает хронический разрыв между потенциально возможным уровнем американской экономики и ее фактическим уровнем. «Американская экономика сегодня поражена не просто рецессией... а устойчивой вялостью производства и занятости, замедлением нашего темпа роста... Экономическое восстановление 1961 г. — это более чем циклическая проблема. Это также проблема хронической вялости экономики — растущего разрыва между тем, что мы можем производить и что мы в действительности производим... В особенности после 1955 г. разрыв обнаружил удручающе быструю тенденцию к увеличению»¹.

Совет экономических консультантов в своих докладах обращал особое внимание на недопустимо высокий уровень недогрузки производственных мощностей; был дан ряд оценок объема потерь, которые терпит американская экономика в результате недогрузки производственного аппарата и чрезмерной безработицы (6—6,5% при условии, что «допустимый» уровень признается за 3,5—4%). Эта же точка зрения была вновь подтверждена в докладе Совета экономических консультантов Джонсона в 1966 г. Ослабление частного спроса к концу 50-х годов, вызванное удовлетворением отложенного спроса и снижением темпов образования новых семей, не компенсировалось активной политикой правительства, что и привело к замедлению роста в этот период, — такова точка зрения авторов очередного доклада.

Глава Совета экономических консультантов правительства Кеннеди У. Хеллер писал позднее, что только с приходом на пост президента Кеннеди, а затем Джонсона кейнсианская теория стала осуществляться в практике экономического регулирования. «Их администрации, — пишет он, — были в основном свободны от старой мифологии искаженных теоретических представлений, согласно которым государствен-

¹ Цит. по: «Business Fluctuations, Growth and Economic Stabilization», p. 493.

ный дефицит рассматривался как синоним инфляции, рост государственных расходов — как вероятный источник депрессии, от которой «волосы встанут дыбом», а государственный долг — как моральное бремя, перекладываемое на внуков»¹.

Концепция дефицитного финансирования как главного инструмента «подтягивания» вялой экономики к уровню ее потенциальных возможностей приобрела в этот период еще более растяжимый характер. У. Хеллер определил ее следующим образом: «Отныне целью является не сбалансированность бюджета каждый год или на протяжении цикла, а сбалансированность бюджета национальных счетов на уровне полной занятости»².

В бюджетной политике главную роль должны были играть не автоматические стабилизаторы, а дискретные действия правительства. На этой основе был осуществлен ряд специальных правительственных мероприятий. К их числу относится ускоренная амортизация и 7-процентная налоговая скидка на новые капиталовложения в оборудование, а также налоговая реформа. Все эти меры были направлены на увеличение инвестиционного спроса и в известной мере, поскольку речь шла о снижении подоходного налога, на увеличение потребительского спроса.

Одновременно в политике экономического роста были намечены три стратегических направления длительного воздействия государства на потенциальный рост экономики: (1) стимулирование технического прогресса и развитие научных исследований; (2) увеличение расходов на образование; (3) подготовка и переподготовка в государственном масштабе квалифицированных кадров рабочей силы. «Вместе с налоговой реформой, — говорилось в экономическом отчете президента конгрессу, — эти три направления деятельности федерального правительства означают начало более активной политики в области экономического роста»³.

¹ W. Heller. *New Demensions of Political Economy*. Harvard, 1966, p. 36.

² Там же, стр. 66.

³ «Economic Report of the President, 1963», p. XXV.

Это не означает, что политика экономического роста в США до того вообще не проводилась. Вся система государственно-монополистического регулирования в США в послевоенный период в значительной своей части приспособлялась и была направлена на обеспечение основных условий роста производства, хотя в ней не было того главного, что присуще политике роста, как таковой, — целенаправленной количественно определенной программы действий. Развитие этой системы и подготовило объективные условия для того качественно нового этапа регулирования экономики, каким является политика роста — политика долговременного регулирования темпов развития, предполагающая постоянное воздействие государства на основные его параметры¹.

Осуществление политики роста в США происходит по нескольким направлениям. Прежде всего это традиционная и все возрастающая деятельность государства, главным образом на уровне муниципалитетов и штатов, по созданию и развитию производственной инфраструктуры: строительство дорог, развитие внутреннего водного транспорта, сооружение электростанций и других предприятий общественного пользования, подготовка территорий для промышленного строительства и т. п. Сюда направляется примерно 30% всех государственных капиталовложений, из них $\frac{2}{3}$ — на дорожное строительство. При этом следует учесть, что в течение послевоенного периода гражданские капиталовложения государства росли значительно более быстрыми темпами, чем частные: за период 1946—1964 гг. объем гражданских капиталовложений вырос почти в 8 раз при росте частных расходов в основной капитал в 4 раза².

60-е годы отличаются резким увеличением государственных расходов на образование. Противоречия между возможностями богатейшей страны мира и

¹ Более подробно анализ конкретных форм и методов экономического регулирования в США см.: «Новые явления в накоплении капитала в империалистических странах»; «Экономическая политика правительства Кеннеди, 1961—1963». М., 1967; В. Шундеев. Государство и накопление капитала в США. М., 1967.

² См. «Новые явления в накоплении капитала в империалистических странах», стр. 73.

отсталой системой образования приобрели в США вопиющий характер. Потребности производства в квалифицированных кадрах, влияние достижений в области науки и техники социалистических стран сделали это направление политики экономического роста особенно необходимым. Главным источником финансирования расходов на образование являются бюджеты штатов и местных органов власти. Долю расходов на образование в прямых расходах штатов и местных органов власти и их динамику характеризуют следующие цифры: в 1950 г. — 31,5%; в 1955 г. — 35,3; в 1960 г. — 36,1; в 1962 г. — 36,7; в 1964 г. — 37,9; в 1965 г. — 38,3; в 1966 г. — 40,2%¹. Увеличиваются также федеральные расходы на цели образования. Правда, и до сих пор эти расходы составляют всего лишь 2,5% федерального бюджета, в то время как военные поглощают свыше половины. Однако наблюдается определенная тенденция к росту их удельного веса: в 1950 г. он составлял всего 0,2%.

О том, каких размеров достигли государственные расходы на образование, об их экономической значимости (с точки зрения общественных затрат) можно судить хотя бы по отношению расходов на образование к инвестициям в основной капитал²:

	1950 г.	1955 г.	1960 г.	1964 г.	1965 г.	1966 г.
(1) Расходы на образование, млрд. долл.	9,6	12,7	19,7	27,3	29,6	34,8
(2) Валовые частные капиталовложения, млрд. долл.	47,3	61,4	71,3	88,2	98,0	104,6
Отношение (1) : (2) в %	20,4	20,7	27,7	31,0	30,2	33,3

Следующее важнейшее направление политики экономического роста — это стимулирование научно-технического прогресса. Оно осуществляется по линии ускоренного роста государственных расходов на научно-исследовательские работы, особенно в области фундаментальных исследований. Государство берет на

¹ «Statistical Abstract of the U. S., 1968», p. 414.
² Там же, стр. 314, 417.

себя также промышленное внедрение тех новых открытий и изобретений, которые отличаются высокой капиталоемкостью и большой степенью риска с точки зрения окупаемости затрат и прибыльности. Оно способствует быстрейшему внедрению изобретений в частное производство с помощью сети информационной службы. Государство, наконец, путем использования различных инструментов косвенного регулирования — с помощью налоговой, кредитной и особенно амортизационной политики — стимулирует процесс обновления капитала в частном секторе экономики.

Государственные инвестиции в научные исследования и опытно-конструкторские разработки приобрели огромные размеры. В 50-х годах федеральные средства составляли примерно половину всех расходов на научные исследования. В 60-х годах их удельный вес перевалил за половину и в 1967 г. составил примерно $\frac{2}{3}$ всех расходов. Это свидетельствует об очень высоких темпах роста государственных расходов в науку, учитывая, что этот вид расходов повышается особенно быстро (за последние десятилетия примерно на 9% в год)¹. Увеличение государственных расходов на науку способствует разворачиванию фундаментальных исследований, в которых частный бизнес непосредственно не заинтересован. Доля фундаментальных исследований в государственных расходах также возросла: в 1958 г. она равнялась 7%, а в 1967 г. — 14%².

Все это свидетельствует об усилении влияния государства на развитие науки. Однако в этом влиянии особенно остро проявляются противоречия современного государственно-монополистического капитализма. Подавляющая часть федеральных средств идет в первую очередь на развитие научных исследований, связанных так или иначе с гонкой вооружений. Это вовсе не означает, что военное производство отделено от гражданского глухой стеной; многие научные открытия и усовершенствования, сделанные в военных лабораториях, потом используются мирной промышленностью. Многие открытия могут иметь как военное, так и мирное значение. И тем не менее капита-

¹ «Statistical Abstract of the U. S., 1968», p. 525—526.

² Там же,

лизм и его империалистическая политика толкают к тому, что значительные национальные ресурсы и плоды научно-технической мысли в первую очередь используются в целях создания все новых или совершенствования старых видов вооружения. Особенно высокими темпами в 60-е годы растут государственные расходы в области космических исследований и атомной энергии. В течение 1960—1966 гг. комиссия по атомной энергии почти неизменно поглощала 8% всех федеральных расходов на научно-исследовательскую работу. Удельный же вес Национального управления по авиации и исследованию космического пространства подскочил с 5 до 33%¹.

С точки зрения стимулирования технического прогресса и процесса обновления капитала большое значение имеет политика ускоренной амортизации, способствующая быстрой окупаемости капиталовложений и замене морально устаревшего оборудования новым, технически более совершенным и производительным. В 1962 г. система ускоренной амортизации, действовавшая до того лишь в крупных корпорациях, связанных с военными заказами, была распространена на все корпорации. Минимальные сроки амортизационных списаний стоимости оборудования снизились в среднем на 15%. В отдельных отраслях это снижение было значительно большим: в металлургии — на 22%, в металлообработке — на 25, в машиностроении (исключая электромашиностроение и транспортное) — на 20, в электрооборудовании — на 33, в приборостроении — на 20, в автомобильной — на 14% и т. д.².

Однако политика экономического роста, казалось бы воплотившая в себе целый ряд итогов научного подхода к исследованию проблемы экономического роста, сталкивается с острыми противоречиями капиталистического общества.

Ряд требований политики экономического роста, связанных с увеличением социально-экономических расходов государства, встречают ожесточенное сопротивление со стороны монополистической буржуазии. «Конгресс, который, ничтоже сумняшеся, вотировал

¹ «Statistical Abstract of the U. S., 1966», p. 544.

² См. «Новые явления в накоплении капитала в империалистических странах», стр. 41.

новые десятки миллиардов долларов на гонку, вооружений, устраивал длительные дебаты по поводу в сотни раз меньших расходов на просвещение, медицинское обслуживание и социальное страхование»¹. Наиболее реакционные его представители, такие, как Голдуотер, даже объявляли подобного рода программы проникновением идей марксизма и даже «антиамериканской деятельностью».

Эти противоречия ограничивают содержание и масштабы экономической политики роста даже в том виде, как ее представляют себе буржуазные ученые и наиболее дальновидные государственные деятели.

Еще более отрицательную роль играет рост милитаризма и увеличение военных расходов, особенно война в Индокитае, вызвавшая резкое повышение военного бюджета.

Война во Вьетнаме с ее огромными военными расходами, ростом бюджетного дефицита и налогового гнета нанесла чувствительный удар мероприятиям, которые связаны с политикой экономического роста и от которых в середине 60-х годов ожидалось многое. У. Хеллер писал, например: «Если мы сможем преодолеть экономический гнет вьетнамской войны (тогда еще питались столь утопические надежды. — *И. О.*) без того, чтобы вести непрерывную войну с инфляцией, в результате которой нам снова пришлось бы бороться с экономическим спадом, «новая экономика» поведет нас к таким качественным изменениям, которые превзойдут факты и цифры, характеризующие экономику изобилия»². Ожидаемого чуда не произошло.

Война в Индокитае и гонка вооружений задерживают решение одной из кардинальных проблем экономического роста — проблему улучшения системы образования и увеличения расходов в другие отрасли инфраструктуры. Их решение тесно связано с изменением существующего соотношения между федеральными доходами и доходами штатов и местных органов власти, из которых финансируется подавляющая часть указанных расходов. Доходы штатов и местных орга-

¹ «Экономическая политика правительства Кеннеди, 1961—1963», стр. 207—208.

² *W. Heller. New Demension of Political Economy*, p. 58.

нов власти не увеличиваются в меру роста экономики; они складываются преимущественно из налогов от фиксированных источников (налога на собственность — 45%) или налогов, не имеющих прогрессивного характера (налог с оборота — 33%).

Это делает необходимым перераспределение налоговых поступлений из центра в бюджеты штатов и местных органов власти. Доля центрального правительства в бюджетах последних возрастает. Она составляла около 3% в 20-х годах, 10% в 40-х и 15% в середине 60-х годов¹. Однако этот рост недостаточен ввиду еще более быстрых темпов увеличения их расходов. В последние годы были выдвинуты различные планы решения этой проблемы — как в связи с политикой экономического роста, так и в связи с осуществлением пресловутой программы создания «великого общества». Но на их пути встает барьер милитаризма и гонки вооружений, поглощающий львиную долю налоговых поступлений федерального бюджета.

Провозглашение политики экономического роста отнюдь не означало, что буржуазным экономистам удалось найти какой-то новый магический инструментарий для решения проблем краткосрочного антициклического регулирования экономики, обеспечивающего соответствие фактических темпов роста потенциально возможным. Когда президент Кеннеди провозгласил переход к политике экономического роста, то ее требования оказались в русле актуальной для того времени антикризисной политики, требовавшей увеличения государственных расходов и расширения платежеспособного спроса. И это в известной мере способствовало ее успеху.

Однако требования политики экономического роста оказались в резком противоречии с развитием американской экономической конъюнктуры в конце 60-х годов. В результате циклического подъема, усиленного государственными мероприятиями, связанными с осуществлением политики роста, а также с увеличением военных расходов, первая половина 60-х годов ознаменовалась резким повышением темпов роста. Но, как и спад, подъем оказался неподвластен внешнему

¹ «Economic Report of the President, 1966», p. 183.

контролю. С 1962 по 1966 г. среднегодовой темп роста валового национального продукта составил 5,8%, а темп роста промышленной продукции — 7,3% в год. Такие высокие для американской экономики темпы роста неизбежно должны были привести к значительному напряжению экономического потенциала страны, обремененной к тому же огромными военными расходами. В этих условиях начался быстрый рост цен, превративший инфляцию в проблему номер один.

В 1967 г. появились признаки того, что экономический подъем исчерпал себя: произошло замедление темпов роста, характеризовавшееся как «мини-рецессия». В этих условиях, исходя из традиционных представлений, согласно которым инфляция есть цена роста, правительство вынуждено было пожертвовать целями роста во имя ограничения инфляции. Оно обратилось к старым методам сдерживания спроса в целях снижения темпов роста и охлаждения конъюнктуры, пытаясь так справиться с инфляцией.

Ряд ограничительных мер был принят еще в 1966 г.: увеличены косвенные налоги; приостановлено снижение подоходного налога, начатое в связи с налоговой реформой; отменена 7-процентная налоговая скидка на инвестиции. В середине 1968 г. был принят закон о контроле над доходами и расходами, предусматривавший увеличение подоходного налога на 10%; ограничены государственные расходы. Одновременно федеральная резервная система перешла к политике сдерживания в кредитно-денежной области.

В итоге американская экономика испытывает значительный спад в темпах роста: среднегодовой прирост валового национального продукта за 1967—1969 гг. составил около 3% в год. Резко повысился уровень безработицы, который достигает 5—6% всей рабочей силы. В настоящее время американские экономисты очень широко занимаются поисками «оптимального» сочетания уровня безработицы с определенным темпом повышения цен, полагая, что эти два явления якобы находятся в обратной причинной зависимости: чем выше безработица, тем медленнее повышаются цены, и наоборот. Однако желаемого результата достичь не удалось. Несмотря на снижение темпов роста, несмотря на ряд новых кризисных явлений, развер-

нувшихся в конце 1969 — начале 1970 г., и резкое повышение нормы безработицы, цены продолжают расти прежними темпами. Их прирост составил 5—6% в год. Растущая инфляция в условиях растущей безработицы — основная черта, характеризующая экономику США на пороге 70-х годов.

Таким образом, традиционный механизм капиталистического регулирования, цель которого всегда состояла в том, чтобы провести капиталистическую экономику между Сциллой инфляции и Харибдой депрессии, дает серьезную осечку.

В этих условиях вновь начинает выдвигаться проблема долгосрочного экономического регулирования. Дело в том, что переход к политике сдерживания экономического роста, начавшийся еще в 1966 г., вместе с отказом от основных требований политики экономического роста означал отход от поисков новой системы мер по долгосрочному регулированию экономики. В настоящее время такая задача вновь выдвигается на повестку дня. В январе 1970 г. в своем президентском отчете Никсон заявил: «Мы поняли, что планирование на один год вперед ведет почти к такому же беспорядку, как и полная бесплановость, и что необходимо повысить внимание общества к длительным тенденциям и к тому влиянию, которое нынешние решения оказывают на будущий ход событий»¹. Наша цель, продолжал Никсон, — устойчивый рост. Стабильность — лишь средство для достижения этой цели. Однако, как достичь эту цель, по-видимому, остается далеко не ясным ни правительству, ни его экономическим советникам. Теоретический арсенал правительства Никсона на первых порах не выходил за пределы неоклассических рекомендаций, характеризующихся сдержанным отношением к государственным расходам и усилением внимания к монетарной политике в качестве основного инструмента регулирования длительного роста. Однако начало 1971 г. ознаменовалось неожиданной для всех переориентацией администрации Никсона. Для преодоления спада в ход пущены традиционные кейнсианские рецепты борьбы с кризисом, включая значительный рост государственных расходов.

¹ «Economic Report of the President, 1970», p. 3.

Новые проблемы встают в настоящее время и перед теорией экономического роста. Теоретики роста, особенно кейнсианского толка, до последнего времени мало внимания уделяли проблеме цен, денежным факторам вообще. И даже неоклассический анализ факторов роста, хотя цены находились традиционно в сфере внимания именно неоклассиков, велся, как правило, в терминах устойчивых относительных цен. Поэтому модели роста и практические рекомендации, вытекающие из них, как правило, не были связаны с проблемой динамики цен. Самая общая точка зрения, господствовавшая по этому вопросу, согласно которой умеренная, ползучая инфляция есть необходимое условие роста, исключала анализ этой проблемы по существу. Нынешние события выдвигают проблему инфляции, причин и факторов, ее порождающих, механизма ее развертывания на первый план. Они говорят о том, что невозможно анализировать процессы экономического роста вне связи с денежными факторами, вне связи с процессами ценообразования и их взаимного влияния друг на друга.

Все более остро дает о себе знать проблема «цены» экономического роста, связанная с тем пагубным влиянием, которое неконтролируемый рост оказывает на окружающую человека биосферу. Быстрое истощение естественных ресурсов, непоправимый урон, наносимый природе бездумным расхищением ее запасов, загрязнение воздуха и воды по-новому ставят самую проблему потенциально возможных темпов экономического роста, требуют новых подходов к ее решению. Усиливается критика традиционного подхода к проблеме темпов роста в отрыве от социальных ее последствий и «издержек». В настоящее время становится все более очевидным, что теоретический анализ экономического роста, если он претендует на решение проблем экономической политики, не может ограничиваться лишь техноэкономическими его аспектами. Принятие политических решений требует выхода за эти узкие рамки в сферу анализа социальных противоречий капиталистического воспроизводства, к чему кейнсианское и неоклассическое направления буржуазной политэкономии оказываются неподготовленными.

А. В. БУЗГАЛИН, А. И. КОЛГАНОВ, О. В. БАРАШКОВА

КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

СОВРЕМЕННОЕ МАРКСИСТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
Базовый уровень • Продвинутый уровень

После мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. интерес в мире и в России к теоретическому наследию Карла Маркса и классической политической экономии резко возрос, но современной, отвечающей на вызовы экономики XXI века учебной литературы ничтожно мало.

Учебник впервые на русском языке дает целостную характеристику современных экономических отношений в исторической ретроспективе. В нем читатель найдет ответы на основные вопросы экономической жизни, узнает о том:

- что такое рынок, деньги и капитал и каковы их особенности в XXI веке;
- почему и как корпорации манипулируют потребителем и какую роль государство играет в современной экономике;
- что делает человека «экономическим эгоистом», что такое денежный фетишизм и рынок симулякров;
- что такое собственность и почему сегодня 1 % населения концентрирует в своих руках более половины мировых богатств;
- каковы экономические причины социального неравенства и бедности;
- какие экономические системы существовали тысячелетиями до рынка и какие идут ему на смену, и многое другое.

Отличительной чертой данного учебника является то, что он не только воспроизводит классическое политико-экономическое наследие, прежде всего – экономическую теорию К. Маркса, но и существенно дополняет ее достижениями современной мировой и отечественной экономической теории западноевропейских, американских и российских авторов.

Учебник ориентирован не только на бакалавров, которые могут получить базовые знания в области политической экономии, но и на магистров (Приложение 1), для которых авторы раскрывают противоречия современного глобального капитализма и его российские особенности.

Мы надеемся, что учебник окажется востребован читателями, стремящимися понять не только современные механизмы функционирования рынка развитых стран (а именно это является реальным основным предметом учебников экономикс), но и противоречия, закономерности, тенденции развития социально-экономических систем во всем их многообразии. Именно таким читателям авторы и адресуют свою работу.